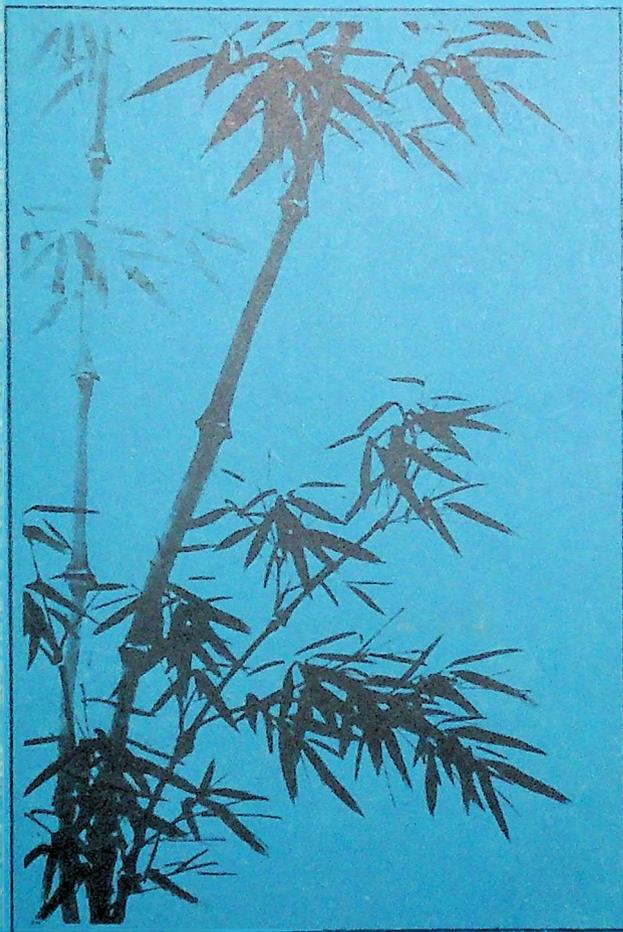

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/95

ISSN 0131 — 2812

**Российский Дальний Восток:
Внешняя торговля и
иностранные инвестиции
Конверсия оборонной
промышленности**

**Политические реформы
в Монголии**

**К 50-летию окончания
II мировой войны**

**Китайская мудрость в
постмодернистский век.**

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/95

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

<i>А.Яковлев.</i> Международно-политическая стабильность в АТР и Китай.....	3
<i>А.Красильников.</i> Национальные интересы России и Китая в третьем мире.....	10

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А.Адмидин, Е.Деваева.</i> Внешняя торговля и иностранные инвестиции.....	21
<i>Е.Гудкова.</i> Конверсия оборонной промышленности.....	28

ЭКОНОМИКА

<i>Э.Кикабидзе.</i> Помощь Японии экономическим реформам России.....	36
--	----

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Г.Яскина.</i> Политические реформы в современной Монголии.....	43
<i>Л.Гудошников.</i> Первые трехпартийные выборы на Тайване.....	52

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

<i>Б.Славинский.</i> Зачем США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?.....	60
<i>Р.Иванов.</i> Проблема вступления СССР в войну против Японии глазами общественно-политических сил США.....	70

3.11.87

ИСТОРИЯ

- В.Мясников. Третья дальневосточная война 1894-95 гг. и эволюция политики России в регионе..... 81

МЕМОУАРЫ

- С.Тихвинский. Послевоенная нормализация отношений с Японией (окончание)..... 95

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- В.Малявин. Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции?.....106

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Л.Маркизов. Это было полвека назад.....117

КУЛЬТУРА

- Г.Чхартушвили. Субъективная компаративистика. Акутагава "гоголизированными" глазами.....124
В.Молодяков. Дружба, не знающая границ.....133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Круглов. И конь, и трепетная лань... (К итогам экономического и социального развития КНР в 1994 г.).....137
А.Ломанов. Китайская философия и современная цивилизация (К итогам первой всероссийской научной конференции).....144

РЕЦЕНЗИИ

- С.Лузянин. Сибирский кузнец А.Д.Васенев.....153
Л.Гудошников. А.Семенов. А.П.Марков. Как это было (Воспоминания сибиряка).....155
А.Г. Краткий словарь современных понятий и терминов.....157

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (зам.главного редактора), Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин, В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакир, В.С. Мясников, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Б.Н. Славинский (зам.главного редактора), Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Регион

Международно-политическая стабильность в азиатско-тихоокеанском регионе и Китай

© 1995

А.Яковлев

Поистине обвальный распад Ялтинской системы международных отношений закономерно породил в мире тревожное ожидание скорых и масштабных катаклизмов на уровне ряда крупных регионов, особенно азиатско-тихоокеанского. Это и понятно, поскольку СССР, политика руководства которого в конечном счете вызвала крах данной системы, являлся не только европейско-атлантической, но и азиатско-тихоокеанской державой. Однако ожидаемого взрывного осложнения международной обстановки в АТР не произошло. И практически вся мировая политология с достаточным основанием оценивает нынешнюю ситуацию в регионе в целом и Восточной Азии, в частности, как стабильную фактически во всех ее основных аспектах - военном, экономическом, идеологическом. Разумеется, конфликтные узлы, например, территориальные, межэтнические сохраняются и здесь. Они таят в себе угрозу острых трений и столкновений между странами самого региона, а также между некоторыми из них и далекими "заморскими" державами. Особенности опасения вызывают активизация сторон в споре вокруг островных территорий в Южно-Китайском море и некоторые "туманности" в поведении Англии в связи с предстоящей в 1997 г. передачей Гонконга под юрисдикцию КНР.

И тем не менее развал Ялтинской системы и начавшаяся новая стратегическая перегруппировка сил в мире после так называемого окончания "холодной войны" не только не внесли смуту в международные отношения в АТР, но и даже отчасти сопровождались укреплением их стабильности. Так или иначе было несколько затушено пламя кампучийской локальной войны, чему в немалой степени способствовал и Китай; укрепились добрососедские отношения последнего со странами практически по всему периметру его границ; Китай существенно улучшил свое положение в системе региональных организаций, стал членом АТЭС; страны Индокитая активно подключились к интеграционным процессам в Юго-Восточной Азии и т.д.

Вообще говоря, по большому счету пока международная обстановка в результате событий в СССР и Восточной Европе отнюдь не была дестабилизирована нигде в мире, кроме территорий постсоциалистических стран. Но сохранение стабильности именно в АТР явилось неожиданным для опреде-

ленной категории политиков и политологов. Дело тут в том, что международно-политический катаклизм конца 80-х - начала 90-х гг. был порожден кардинальными сдвигами в сфере межсистемных отношений. Однако процесс этих сдвигов, обещавший быть тотальным, неожиданно остановился у пределов восточноазиатской части мировой социалистической системы, хотя известные события весны-лета 1989 г. в Китае, казалось бы, менее всего предвещали это. Разумеется, не предвещала это и крайне жесткая реакция Запада на указанные события. Тем не менее, режим в КНР не только выстоял, но и обеспечил в последующие годы бурный рост экономики страны, масштабное расширение внешнеэкономических связей.

Следовательно, нынешняя международно-политическая стабильность в АТР есть, главным образом, результат устойчивости той модели социализма, которая сложилась за последние 10-15 лет и доминирует в Восточной Азии, результат принципиальной незыблемости межсистемных отношений в регионе. Причем последняя была обеспечена как качественными параметрами этой модели, так и существенной трансформацией самих межсистемных отношений в АТР, происходившей в период "холодной войны" и снявшей особую остроту, присущую данному типу международных отношений. Можно сказать, что разрушительные политические и социальные бури в СССР и Восточной Европе заметно усилили стабилизирующую роль указанной трансформации, поскольку стороны межсистемных отношений в регионе, хотя и по разным причинам и в очень разной мере, стремились избежать излишней напряженности. Это особенно относится к Китаю, вынужденному предельно гибко реагировать на меняющуюся глобальную расстановку сил и приспособлять весь стиль своего внешнеполитического поведения к новой, неблагоприятной для него мировой обстановке. Со своей стороны, Запад, видимо, не считал продуктивной какую-либо спешку с развертыванием широкого политического давления на Китай. Вместе с тем нельзя не отметить, что предпринятый Вашингтоном и некоторыми его союзниками в 1993-94 гг. нажим на корейском участке межсистемных отношений, казавшемся им наиболее уязвимой точкой в здании избежавшего краха "восточного социализма", был чреват общей дестабилизацией международной обстановки в Северо-Восточной Азии и во всем АТР. Предпринимая силовой зондаж, Вашингтон и Сеул, видимо, полагали, что режим в КНДР быстро рухнет под ударами изнутри и что демонстрацией силы они подстегнут антиправительственную активность северных корейцев, якобы доведенных "тоталитаризмом" до крайности. В результате Юг без излишнего шума и международных осложнений распространил бы свою власть на весь Корейский полуостров, а США в конечном итоге смогли бы существенно укрепить стратегические позиции в Северо-Восточной Азии по отношению к России и особенно Китаю. Однако ошибка в оценке положения в КНДР и вокруг нее была довольно быстро обнаружена. Это, а также жесткая и одновременно конструктивная реакция Пхеньяна и Пекина на упомянутый нажим позволили сохранить статус-кво в регионе. В целом оказавшийся безуспешным нажим на КНДР лишним раз высветил действительный источник нынешней международной стабильности в АТР.

В общем и конкретно, с учетом сказанного выше, под стабильностью таких сложных и развивающихся систем, как международные отношения, можно и нужно подразумевать процесс изменений, который не сопровождается масштабными и острыми конфронтациями и конфликтами. Иначе говоря, следует иметь в виду эволюционное развитие отношений, в ходе которого неизбежное расхождение интересов сторон преодолевается на основе взаимного согласия, хотя и не обязательно на основе полного взаимного удовлетворения. В указанном смысле стабильность в АТР по большому счету установилась сравнительно задолго до окончания "холодной войны". В принципе такого рода стабильность была прису-

ща отношениям Восток-Запад в течение определенной части послевоенного периода, по крайней мере в годы разрядки. В той или иной степени к стабильности в таком понимании стремились обе конфронтирующие системы. Причем Китай особенно в 70-е гг. пытался даже свести на нет роль социального фактора в международных отношениях, став в тотально жесткую оппозицию "советской сверхдержаве" и вступив в квазиальянс с Западом против нее. Но уже в начале 80-х гг. он практически отказался от этой иллюзорной цели, продолжая, однако, работать в интересах максимального ограничения дестабилизирующего влияния межсистемных отношений на весь комплекс взаимодействий между государствами мира. По сути дела, он усиленно и умело занимался "умиротворением" США и Запада в целом, не теряя при этом своего достоинства.

К настоящему времени проблема международной стабильности на глобальном уровне в основном переместилась из сферы социально-идеологических в сферу геополитических интересов различных стран и их группировок. Но на уровне АТР помимо геополитического сохраняет важное значение и фактор межсистемных отношений. Объективно значение последнего здесь будет неизбежно возрастать, поскольку исчезло межсистемное равновесие, которое обеспечивало сторонам равноправие и взаимную выгоду в самых разных сферах сотрудничества. Теперь, по крайней мере, для более сильной стороны нет необходимости закрывать глаза на системные различия. Именно она ныне может решать, какими должны быть отношения с государствами социалистической ориентации. Таким образом, сохранившаяся социальная специфика международных отношений в Восточной Азии будет проявляться при резко изменившемся соотношении сил на межсистемном уровне. И вопрос заключается в том, как и когда данная специфика скажется на развитии ситуации в регионе и скажется ли, как таковая, вообще. Похоже, что скажется и достаточно существенно. Аналитики "свободного мира" продолжают подчеркивать ее особенно негативную роль при решении проблем безопасности. Джеймс Т.Х.Тан из Гонконгского университета прямо пишет, что страны Северо-Восточной Азии "все еще разделены идеологическими воззрениями, и у них нет чувства необходимости создавать многосторонние рамки политического сотрудничества". Причем этого "чувства", похоже, нет по обе стороны социального рубежа. Китай, в частности, пока не горит желанием перепоручить даже часть заботы о своей безопасности какой-либо региональной организации, в которой первую скрипку неизбежно будут играть США и Япония². В подлинно же равноправных основах сотрудничества с Китаем в рамках такой организации не заинтересованы ни Вашингтон, ни Токио, ни Сеул. Достаточно посмотреть на отношение США к всемерно равняющейся на Запад постсоциалистической России, к ее надеждам на свое равноправие в связи с расширением НАТО, к ее представлениям о своих законных геостратегических интересах в СНГ, чтобы уяснить, что "специфически социалистический" Китай теперь имеет еще меньше шансов рассчитывать на готовность Вашингтона взаимодействовать с ним на основе равноправия. Трения в китайско-американских отношениях, возникшие летом 1995 г., едва ли можно рассматривать как случайный сбой в ходе налаживавшегося в последние годы взаимопонимания между Пекином и Вашингтоном.

Если судить по прогностическим прикидкам политологов США и Японии, то основным источником нестабильности в АТР, с их точки зрения, остаются страны социалистической ориентации, т.е. прежде всего Китай. Так, группа виднейших и авторитетнейших японских политологов - Я.Накасонэ, Я.Мураками, С.Сато и С.Нисибэ в монографии "После холодной войны" утверждает: "Хотя его (Китая. - А.Я.) влияние и начало падать, тем не менее он обладает скрытым потенциалом, способным ввергнуть в хаос Восточную Азию"³. Что касается России, то она в указанных прикидках выглядит как третьестепенный фактор развития

международной обстановки в АТР. США и Япония, естественно, подаются в них как разумная, ответственная, стабилизирующая сила, обязанная волей истории укреплять и совершенствовать свою лидерскую роль в регионе. Американские аналитики, понятно, склонны особенно подчеркивать такую роль именно Соединенных Штатов. По словам патриарха американской политологии Р.Скалапино, господство позитивных факторов в развитии ситуации в АТР зависит помимо всего прочего от продолжающегося присутствия Соединенных Штатов как "ответственной экономической, политической и стратегической силы в регионе"⁴. Поэтому, разумеется, ни о каком действительном снижении прямого и косвенного присутствия США в АТР американские прогнозисты речь не ведут, ибо неизбежным остается тезис бывшего министра обороны США Р.Чейни о недопущении доминирования других держав "в критических регионах мира", которое позволило бы им бросить "серьезный глобальный вызов"⁵. В свете этого стремление Китая к неуклонному повышению своей роли в АТР, к своему превращению в центр притяжения по крайней мере для сопредельных стран неизбежно представляется американским стратегам как проявление "безответственности", создающей якобы непосредственную угрозу пресловутым национальным стратегическим интересам США.

Некоторые американские аналитики, похоже, сведущие не только в международно-политической конкретике АТР, но и в скрытых внешнеполитических устремлениях Вашингтона, предрекают скорые и глубокие осложнения обстановки в регионе. Например, исполнительный директор Центра азиатско-тихоокеанских исследований при Азиатском фонде Казимир А.Ест считает, что в изучаемом им АТР уже "до конца этого века может разразиться региональный конфликт"⁶. Именно региональный, а не какой-нибудь локальный типа камбоджийского.

Причем, конечно же, возмутителем спокойствия должен оказаться в первую очередь Китай, который якобы по всем данным приближается к внутреннему социально-политическому взрыву. Обосновывая этот прогноз, аналитики из "образцово рыночных" тихоокеанских стран оперируют примерно одной группой аргументов, разумеется, в разных вариациях. Она включает деморализующий эффект крушения основной цитадели социализма - СССР; разрушающую коммунизм по всем направлениям силу рыночных отношений; углубляющиеся демографические, экономические, экологические трудности; ослабление власти центра в отношении провинций и особенно национальных окраин; неблагоприятное влияние на некоторые из последних со стороны сопредельных государств; практически мало поддающуюся контролю государства и партии информацию, поступающую населению по радио и телевидению; дестабилизирующее воздействие предстоящей смены поколений в руководстве страны на китайское общество.

Все эти аргументы имеют под собой основания. Но являются ли они даже в совокупности убедительным подтверждением неизбежности, причем в близком будущем, хаоса в Китае или таких перемен в стране, которые повлекут за собой крутой поворот в его внешней политике и тем самым дестабилизируют международно-политическую обстановку в АТР? Думается, что нет. Акцентировка потенциально деструктивной роли Китая в регионе, издавна характерная для западной политологии, ныне скорее всего является своего рода идеологической артподготовкой к грядущему пересмотру Западом своей китайской политики. Сам же Китай, если иметь в виду его жизненные интересы и возможности на обозримое будущее, не может стремиться к такой роли⁷. И прежде всего потому, что его саморазвитие как раз более всего требует широчайшей кооперации с внешним миром в целом. Можно сказать, что своей парадоксальной внешней политикой на протяжении по крайней мере трех де-

сятилетий, начиная с 60-х гг, КНР стремилась в конечном счете обеспечить себе продуктивные связи именно с внешним миром в целом, а не с какой-то его, пусть даже крупной, частью. При всем этом, разумеется, приоритет отдается Китаем развитию взаимодействия со странами АТР и в силу их географической близости, и в силу устойчивых традиций всестороннего сотрудничества с ними и, наконец, потому, что многие из них ныне демонстрируют быстрый и устойчивый экономический рост, являются лидерами в прогрессе науки и техники. Или, говоря иначе, АТР - это регион, где в наибольшей мере сконцентрированы коренные интересы безопасности и развития Китая. Во многом именно через активность в этой части света он расширяет свои связи со всем остальным миром, закрепляет свое влияние в качестве великой державы.

Что касается объективных причин движения Китая к якобы фатально неизбежному хаосу и, следовательно, к объективному превращению в основной дестабилизирующий фактор в АТР, то здесь не все обладает роковой неотвратимостью.

В последние год-два китаеведы мира с немалым энтузиазмом калькулируют последствия неизбежного ухода Дэн Сяопина. Разброс мнений весьма широк, причем западные политологи более склонны к мрачным пророчествам. Но если отрешиться от всякой предвзятости, то нельзя не согласиться с теми аналитиками, в том числе западными, которые полагают, что никаких принципиальных перемен во внутри- и внешнеполитическом курсе, в международном положении Китая по указанной причине не последует. Дэн Сяопин оставляет своим преемникам страну на подъеме, а главное, хорошо апробированную стратегию ее развития и ее отношений с внешним миром. Во всем этом заложена немалая позитивная инерционность, которая является самой надежной гарантией стабильности китайского общества и внешней политики КНР по крайней мере на ближайшие годы.

Конечно, у Китая множество сложнейших проблем. Но где и у кого их нет? Мир в целом переполнен ими. В связи с этим примечателен следующий пассаж в книге уже упоминавшихся четырех японских политологов: "Родится ли после "холодной войны" новый мировой порядок? Вопрос не такой простой. Существует опасность, что не порядок укрепитсЯ, а увеличится беспорядок"⁸. Иначе говоря, источники регионального хаоса находятся отнюдь не только в Китае. Можно даже сказать, что они находятся не главным образом в этой стране. Например, предрекаемый многими западными экспертами крах мировой валютной системы более опасен для судеб мира, чем китайские проблемы⁹. В конце концов вопрос не в том, что они есть и огромны, а в том, как они решаются. А с этим в Китае пока дела идут неплохо. И особенно важно то, что китайское руководство видит проблемы своей страны в динамике, стремится как можно точнее нащупать пути и способы их урегулирования в ближайшем и более отдаленном будущем. Причем оно по сути дела возлагает особые надежды в деле их урегулирования на самое широкое сотрудничество с внешним миром в целом, прежде всего со странами АТР. Следовательно, забота о международно-политической стабильности в регионе является для Китая поистине национальным приоритетом самого высокого ранга.

Совершенно очевидно, что реализация этого приоритета прямо и непосредственно связана с поддержанием и укреплением внутренней стабильности китайского государства. Поэтому усилия по ее упрочению фактически равнозначны усилиям по упрочению мира и безопасности в Восточной Азии. И поистине безответственными в этом свете являются любые попытки посеять хаос в Китае, независимо от того, предпринимаются ли они внутренними или

внешними силами, и независимо от того, какими интересами и "благими намерениями" они обосновываются.

Конечно, как и вообще изменения в положении и силе любого крупного субъекта мировой и региональной политики, уникальные по нынешним временам темпы экономического роста Китая и увеличения его комплексной мощи ведут к таким подвижкам в расстановке сил в регионе и мире, которые в конечном счете могут порождать дестабилизирующий эффект. Причем, в случае с Китаем этот эффект имеет не только геополитический, но и социальный аспект. Ведь успехи КНР - это успехи социализма, пусть даже с китайской спецификой. Впрочем, не исключено, что именно эта специфика предопределяет жизнеспособность реального социализма в нынешних мировых условиях. Так или иначе, но по мере успешного развития Китая межсистемное соперничество вновь будет становиться все более крупным фактором международной жизни в АТР, да и в жизни всего мирового сообщества. И крайне важно, чтобы это соперничество не вылилось в острую конфронтацию в виде второго издания "холодной войны". Объективно условия для этого теперь есть. В частности, благодаря широкому внедрению рыночных отношений в странах социалистической ориентации заметно ослаблен прежний резкий контраст между двумя социальными системами, улучшены условия сотрудничества между ними как частями единого мирового хозяйства, как частями единого взаимосвязанного мира, ныне вынужденного решать обширный круг жизненно важных для всего человечества глобальных проблем. И, главное, реально исключена возможность превращения китайского социализма в экстремистскую, идеологически активно наступательную, а тем более, агрессивную в военном плане силу. Золотая пора стратегии, так сказать, экстенсивного роста социализма в мире, похоже, надолго останется в прошлом. Впереди у него время качественного самосовершенствования, время сосредоточенности на практическом раскрытии своих преимуществ перед буржуазно-либеральной моделью организации общества как в плане эффективного решения внутренних экономических, социальных, экологических и других проблем, так и в плане подходов к урегулированию международных, особенно обостряющихся глобальных проблем. Соответственно жесткий, а порой авантюристический стиль внешнеполитического поведения, характерный для эпохи бури и натиска, пережитой социализмом с 1917 до начала 60-х гг., также стал достоянием прошлого. Во всяком случае ни внутренние, ни внешние условия, в которых оказался современный реальный социализм в его восточноазиатском варианте, не создают сколько-нибудь мощных стимулов, побуждающих его к продолжению лобовых, кавалерийских атак в сфере межсистемных отношений. Безусловно, в высшей степени поучительными для него стали уроки драматического краха советской модели и конечного провала "перестроечной" советской внешнеполитической стратегии, с годами все более отрывавшейся от национально-государственных интересов СССР, а главное от понимания той истины, что основное свое влияние на мировое развитие социализм оказывает успехами в обеспечении быстрого роста качества жизни массы трудящихся. Есть все основания утверждать, что современный социалистический компонент мирового сообщества практически впервые в послеоктябрьский период истории перестал выступать в роли одного из наиболее деятельных возмутителей спокойствия на международно-политической арене. Напротив, Запад, и прежде не отличавшийся смирением и миролюбием, стал теперь главным и по сути единственным двигателем глобальных политических процессов, подрывающих международную стабильность прежде всего на обширном постсоциалистическом пространстве и на линии соприкосновения двух социальных систем.

Поэтому выживший в "холодной войне" "восточный социализм" даже с его фактическим отказом от стратегии подстегиивания мирового освободитель-

ного движения, создания сотен "вьетнамов" уже не может, к сожалению, служить сколько-нибудь надежной гарантией глобальной и региональной стабильности. Одержав грандиозную победу в оборонительно-наступательной борьбе с мировой социалистической системой, Запад едва ли преодолеет соблазн довести дело до конца. В новом мировом порядке, к строительству которого он уже приступил, нет места социальному дуализму. Накопилось более чем достаточно признаков того, что в ближайшей обозримой перспективе Запад, заменивший доктрину сдерживания на более наступательную доктрину расширения "рыночной демократии" в мире, резко активизируется с целью унифицирования социальных основ нового мирового порядка.

Этим по сути и будет определяться ход совершенно искренней, хотя, разумеется, обусловленной прежде всего его собственными национальными интересами, борьбы Китая за долгосрочную стабильность международно-политической обстановки в АТР. Но ее исход в конечном счете зависит в первую очередь от способности КНР продолжить свое динамичное экономическое развитие, не дать втянуть себя в изнурительную гонку вооружений, уже сыгравшую роковую роль в судьбе "советской сверхдержавы". Этот исход во многом предопределяется тем, насколько Пекину удастся опереться на международные силы, выступающие против гегемонизма "большой семерки" за установление демократического миропорядка. Наконец, этот исход зависит от искусства китайской дипломатии в отношениях с такими ныне особенно напористыми партнерами КНР, как США и Запад в целом, от умения Пекина использовать противоречия между крупными силами во внешнем мире. И если иметь в виду конкретно азиатско-тихоокеанский регион, то здесь важнейшим залогом успеха борьбы Китая за международно-политическую стабильность несомненно является закрепление результатов уже проделанной им работы по созданию "кольца дружественного окружения", по дальнейшему всемерному развитию конструктивного сотрудничества с образующими это кольцо с определенными странами, прежде всего с Россией и Индией.

Ирония истории, похоже, состоит, в частности, в том, что теперь во имя выживания и обеспечения внутренней и по крайней мере региональной стабильности китайский социализм вынужден прибегнуть к стратегии сдерживания. И вовсе не исключено, что и в данном случае она будет успешной.

1. Цит. по: Экспресс-информация. - М.: ИДВ РАН, 1993. - N 9. - С. 79.
2. В ходе майского (1995) визита министра обороны РФ П.Грачева в Китай российская делегация, в частности, выступила с предложением создать субрегиональную систему коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии с участием шести государств - России, Китая, США, Японии, КНДР и Республики Корея. Китайская сторона "в принципе согласилась" с предложением. Возможно, это - симптом какого-то начинающегося поворота в военной стратегии КНР, которая в начале 80-х гг. в принципе отказалась вступать в стратегические союзы с какими-либо великими державами. Не исключено, однако, что согласие "в принципе" - тактический ход, и российская инициатива будет "утоплена" в бесконечных согласованиях.
3. Накасонэ Я. и др. После холодной войны. - М., 1993. - С. 253.
4. Цит. по: Экспресс-информация. - М.: ИДВ РАН, 1993. - N 9. - С. 18.
5. Там же. - С. 87.
6. Там же. - С. 82.
7. Об отсутствии у Китая такого стремления свидетельствует, в частности, принятая им в отношении США политика "четырех не" - не желать конфронтации, не провоцировать конфронтацию, не уклоняться от конфронтации, не бояться санкций и давать им отпор.
8. Накасонэ Я. и др. Указ. соч. - С. 252.
9. Например, один из лидеров швейцарских финансистов и признанный финансовый пророк Жерар Ле Ру считает: "Что бы ни произошло, мировая финансовая система обречена. Пока она еще держится по плаву. Как воздушный шар. Однако довольно легкого укола иглой - и с ней будет покончено. Я не знаю лишь, сколько времени потребуется до катастрофы". (Цит. по: Литературная Россия. - 1993. - N 1. - С. 12).

Национальные интересы России и Китая в третьем мире

© 1995

А.Красильников

Процесс перестройки в СССР в 1985-1991 гг., завершившийся устранением от власти КПСС и распадом Советского Союза, а затем болезненный и бесплодный поиск путей выхода России из кризиса, свидетельствуют, по мнению автора, в первую очередь о том, что не были осознаны и определены не только реальные интересы общества и страны, но и правящих политических сил. Одной из иллюстраций к этому утверждению может служить политика России в отношении развивающихся стран, ее сравнение с политикой Китая в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки, длительное время служившими сферой борьбы за влияние на них со стороны СССР и КНР. Оба эти государства в 80-х гг. ради своих национальных интересов отказались от этой бесперспективной борьбы и существенно изменили свою политику. Автор, не претендуя на какие-либо окончательные выводы, ищет ответ на вопросы о том, почему эти изменения по-разному сказались на видении китайских и российских национальных интересов, на пути и методы реализации этих интересов, а сами эти изменения принесли весьма различные результаты для России и Китая.

Отношения между Россией и Китаем уже давно вышли за рамки двусторонних связей, стали составной частью общей системы международных отношений. Через ошибки и просчеты, опираясь на исторический опыт общения народов двух стран, Россия и Китай выходят на новый уровень отношений, который желательно строить на основе их интересов и с учетом интересов партнеров на международной арене. В этом плане представляется чрезвычайно важным выявление и определение самих национальных интересов сторон, увидеть как их совпадение, так и противоречивость. Выступая на II российско-китайской научной конференции в г.Москве в 1994 г., директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко, останавливаясь на этих вопросах, отметил: "Нам трудно понять взгляды некоторых китайских политологов, опасющихся усиления позиций России в АТР, и особенно в СВА". Он выступил за определение четкой позиции по вопросу о национальных интересах РФ. "У России есть национальные интересы в АТР, - утверждал М.Л.Титаренко, - интересы обеспечения безопасности, экономические интересы, интересы обеспечения территориальной целостности и интерес, конечно, упрочения своих позиций. Вписывание, адаптация к экономическим, политическим, цивилизационным

реалиям региона с тем, чтобы Россия играла в решении проблем региона и всех глобальных проблем самостоятельную роль. В этом и есть интерес России¹.

Министр иностранных дел РФ А.Козырев, выступая 27 января 1994 г. в Китайской ассоциации народной дипломатии (г.Пекин), заявил: "Реализация интересов России не через конфронтацию, а сотрудничество с внешним миром, позволила нам во многом заново открыть для себя целый ряд азиатских государств. Это относится к Китаю - нашему великому восточному соседу. После мучительных шараханий от идеологической дружбы взахлеб к столь же малооправданной и безоглядной враждебности два "материка" цивилизации - Россия и Китай - прочно вступили на путь добрососедства и сотрудничества. Мы исходим из стратегического характера добрососедства с КНР при формировании внешней политики России"². Признавая стратегический характер российско-китайских отношений и факт их улучшения в последнее время, член-корр. РАН В.С.Мясников придерживается следующей точки зрения: "...если резюмировать весь период наших отношений, у нас больше проблем, чем достижений. Однако упирается все не в объективные причины, а в субъективные: в организационные моменты, в отсутствие внимания и интереса к данной проблеме, желания и умения решать ее. Плюс ко всему нет стратегического видения этой проблемы: если мы оставим ее потомкам, они должны будут ее решать в более сложных условиях"³. О необходимости выработки стратегии отношений с Китаем заявил в 1994 г. С.Шахрай. Он, в частности, отметил наличие многих проблем в российско-китайских отношениях и выразил уверенность в том, что "решить их можно только имея единую государственную стратегию, предусматривающую хотя бы среднесрочные программы развития отношений с Китаем для федерального Центра, для субъектов Федерации, а также согласованный с суверенными государствами Средней Азии курс"⁴.

Даже из этих высказываний видно, что есть проблемы в российско-китайских отношениях, а интересы России далеко не однозначно рассматриваются и к тому же определяются в общих чертах и направлениях. Именно поэтому автор считает необходимым прежде чем перейти непосредственно к теме, остановиться на самом понятии национальный интерес. Многие авторы об этом пишут, но в России пока не выработана более или менее приемлемая точка зрения в политических и научных кругах на то, что же означает и что понимают под "национальным интересом". Если в научных кругах предпринимаются усилия по осмыслению понятия "национальный интерес" и предлагаются различные его трактовки, то часть политиков отвергает самую возможность его научного определения и выработку на основе национальных интересов внутриполитических и внешнеполитических концепций. Помощник Президента России Д.Б.Рюриков считает, что "составление всеобъемлющих "научнообоснованных" концепций все-таки принадлежит прошлому. Это было делом КПСС - регламентировать все, следить за всем, не допускать отклонений, постоянно сверять с концепцией и теорией практику и пресекать то, что не отвечало положениям теории"⁵. Но это заявление не может служить основанием для отказа от выработки теории и концепций. Такой отказ несет не меньшее зло государству и обществу, чем слепое следование оторванным от реальности теориям.

Другой помощник Президента РФ по экономическим вопросам А.Лившиц полагает, что "в 1995 г. подойдет к концу этап финансовой стабилизации, после чего в течение нескольких лет будет стабилизирована экономика в целом и начнется ее медленное втягивание в фазу подъема. В 2000 г. закончится экономическое самоопределение России, осознание национальных интересов и их реализация в политике"⁶. Выходит, что можно проводить го-

сударственную политику и без "осознания национальных интересов". Но к каким последствиям это приведет, если выяснится, что проводившаяся политика не отвечает российским национальным интересам? Почему лишь в 2000 г. придет (закончится?) "осознание национальных интересов и их реализация в политике"? Осознание национальных интересов со стороны правящей элиты или общества? Пока наиболее полно осознаются краткосрочные интересы человека, различных ведомств, регионов, партий и организаций, которые, мягко говоря, не всегда совпадают с реальными российскими национальными интересами.

Мнение Д.Рюрикова и А.Лившица в той или иной степени разделяет А.Козырев. Он считает, что даже выработка концепции внешней политики России "дело бесперспективное. Как программа КПСС: если концепция не учитывает чего-то, она неполная. Если она полная - превращается в мертворожденную схему"⁷. Но если это так, то возникает вопрос, зачем в 1993 г. была утверждена концепция внешней политики России?⁸

В принятой концепции внешней политики России, ее базовой посылкой, было определено, что "внешнеполитический курс России должен отвечать ее коренным национальным интересам, в первую очередь задачам сохранения суверенитета, независимости и территориальной целостности государства, укрепления его безопасности во всех измерениях, возрождения России как демократической, свободной страны, обеспечения благоприятных условий для формирования эффективной рыночной экономики, соответствующего статусу великой державы, включения РФ в мировое сообщество"⁹.

Вряд ли можно согласиться с утверждением, что у России имеется несколько "коренных интересов". Все вышеперечисленные интересы относятся, по нашему мнению, к жизненным и важным интересам страны, реализация которых обеспечивает коренной (базовый) интерес России: повышение качества жизни ее граждан и их безопасность.

Несмотря на негативное отношение ряда политиков к "теоретизированию", проблема определения национальных интересов страны остается актуальной. Своеобразную трактовку национальных интересов и их типологию предложил чл.-корр. АН РФ В.С.Мясников. По его мнению, "национальные интересы являются исторической категорией. Они проходят определенные стадии развития, на каждом из этапов истории по-разному соотносятся с категорией "государственные интересы". Типологически национальные интересы подразделяются на три группы: интересы существования, интересы сосуществования и функциональные. К интересам существования следует отнести создание наиболее благоприятных условий для развития нации. Интересы сосуществования и функциональные определяют свод правил действий государства на международной арене... Интересы независимых стран, определяются на основе разумного национального эгоизма... Национальные интересы дифференцируются и по основным направлениям внешней политики государства"¹⁰. Ответ на вопрос о сущности национальных интересов и их отличия от "государственных интересов", на наш взгляд, и здесь не дан. Кроме того, вряд ли можно согласиться с утверждением, что "свод правил действий государства на международной арене" определяется интересами сосуществования и функциональными. В настоящее время действует международное право, которое создавалось не одно десятилетие совместными усилиями многих государств, целый ряд международных конвенций, Устав ООН и т.д.

В 1989 г. на страницах журнала "Мировая экономика и международные отношения" были опубликованы материалы группы экспертов Института мировой экономики и международных отношений по вопросу государственных, национальных и классовых интересов во внешней политике и междуна-

родных отношениях. По мнению одного из участников обсуждения д.и.н. Я.Этингера, "само понятие "национальные интересы" - понятие объективное, исторически сложившееся, возникшее в результате взаимодействия целого ряда факторов. В их числе - геополитическое положение данного этноса, его численность, отношения с соседними национально-этническими общностями, культурные, религиозные традиции и особенности"¹¹. По мнению другого участника обсуждения д.и.н. Г.Мирского, "нельзя отрицать существования национальных интересов, хотя их сущность нелегко сформулировать". Он предложил для определения национальных интересов руководствоваться двумя критериями: "во-первых, забота о безопасности нации, ее возможности жить, существовать и развиваться, во-вторых, кровные интересы ее экономического, социального, культурного развития. Это то, что проходит через века, общественные формации и режимы"¹².

Довольно широкое распространение среди российских политологов получили взгляды на национальные интересы как "осознанные потребности". Исходя из потребностей общества или государства исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, определяют национальные интересы и их приоритетность¹³.

В 1993 г. на IV Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир" к.э.н. Е.И.Сафроновой была высказана мысль, что термин "интерес" получает трактовку как движущий, побудительный мотив действий того или иного субъекта... При оперировании понятием "интересы" следует помнить о том, что между моментом вызревания "причины действия субъекта" и ее выражением в виде идеи и цели может существовать временной лаг, что в итоге ведет к торможению реализации интереса. Возможно и такое положение, когда субъекту просто не присуще выражение своего интереса посредством сознательно оформленной идеи (биологические интересы нации, например, объективны и не зависят от того, получили они теоретическое оформление или нет)"¹⁴.

На наш взгляд, причину деятельности субъекта (человека, общества, государства) только тогда можно назвать его интересом, когда сама причина деятельности может быть выражена в той или иной цели или идее. Человек может действовать и под воздействием инстинкта, страха и т.п., что отнюдь далеко не всегда отвечает даже его личным интересам.

И хотя в настоящее время довольно широкое распространение получили взгляды на национальные интересы как на "осознанные потребности", я придерживаюсь мнения, что интерес субъекта (человека, общества, правительства, государства) - причина его мышления и действий в том или ином направлении, выраженная в форме идеи (концепции) или цели. Интерес (человека, общества, власти и т.п.) лежит в основе практически любых форм деятельности субъектов.

Интерес может быть реальным или ложным (мнимым). Первый формируется под воздействием исторического опыта, социальных факторов, культуры, потребностей, научного мышления и т.п. и должен при его реализации обеспечить безопасность субъекта и повышение качества его жизни. Ложный интерес представляет собой результат умышленных или бессознательных представлений и действий, приводящих к отрицательным последствиям для человека, общества и государства. Возможен и другой вариант: субъект принимает решение, которое удовлетворяет его личный интерес или интерес какой-либо части общества, но наносит ущерб интересам большинства общества и страны в целом. По своей сути как ложное мышление, так и игнорирование реальных интересов общества не может не приводить к его

дестабилизации, к возникновению социальных, экономических и политических конфликтов.

Неправильное определение национальных интересов наносит непоправимый ущерб обществу и крайне негативно сказывается на судьбах страны. История дает множество примеров упадка государств по этой причине и даже прекращения их существования.

Если же исходить из взглядов на интерес (человека, общества, государства) как "осознанную потребность", то почему возникают ложные цели, которые никогда не достигаются, почему хиреют и даже исчезают государства? Возникает множество и других вопросов.

Несостоятельны взгляды тех политологов, которые полагают, что попытки определить "объективный" национальный интерес ни к чему не приведут. Так, Ф.Фукуяма утверждает, что реальные "базовые национальные интересы, безусловно, существуют, однако они обычно минимальны и не являются решающими при определении государственной внешней политики"¹⁵. Однако под воздействием реальностей жизни он же вынужден констатировать, что "сегодня основной "национальный интерес" буквально любой страны заключается в поддержании уровня производительности труда и дохода на душу населения. Физическая безопасность и открытая международная экономическая система являются необходимыми предпосылками достижения этого, однако такого рода задачам в действительности и будет препятствовать продолжение классического накопления сил (т.е. в форме накопления вооружений или территорий)"¹⁶.

Я полагаю, что базовый (коренной) национальный интерес субъекта заключается в повышении качества жизни и в обеспечении безопасности (человека, общества и государства). Другими словами, национальные интересы страны выражаются в тех целях и задачах, реализация которых содействует повышению качества жизни ее граждан и обеспечению их безопасности. При этом "качество жизни" и "безопасность" равнозначные величины и к тому же неразрывно связанные друг с другом. Если допустить, что "безопасность" более высокий интерес по сравнению с "качеством жизни" и является необходимым условием для повышения "качества жизни", то это приведет к чрезмерным затратам на обеспечение безопасности и к снижению качества жизни человека и общества. Безусловно, в периоды войн и острых кризисов равнозначность составляющих элементов базисного национального интереса может нарушаться, но не настолько, чтобы полностью игнорировать тот или иной элемент.

Если первый элемент (качество жизни) базисного (коренного) национального интереса можно относительно легко разбить на составляющие части и даже выразить в количественном измерении, то несколько сложнее обстоит дело с другим элементом - безопасностью человека, общества и государства. Обеспечение безопасности человека и государства зависит от многих факторов внутреннего и внешнего характера, которые формируются под воздействием военной, политической, экономической, экологической ситуации внутри страны и за пределами ее границ.

Базисный национальный интерес обеспечивается различными путями и методами, которые в свою очередь формируют относительно самостоятельные национальные интересы первого порядка (жизненные национальные интересы). Приоритеты интересов первого порядка могут меняться. В отдельные периоды часть этих интересов может вообще исчезнуть или отойти на второй план. Возможен вариант появления новых "вторичных" национальных интересов.

При реализации интереса безопасности (человека, общества и государства) необходимо учитывать два основных фактора, а именно: есть ли угроза безопасности (источники угрозы безопасности могут быть как внутри так и вне страны) и какими средствами эта угроза(ы) может быть устранена. В процессе обеспечения "вторичных" национальных интересов появляются новые цели и задачи, которые определяют "третичные" национальные интересы - важные национальные интересы. Рассуждения в этом плане можно продолжать. Но автор хочет обратить внимание на тот факт, что одни интересы вытекают из других, имеют свою последовательность и взаимозависимость.

Наиболее серьезной угрозой безопасности страны, с которой на протяжении многих встречались народы и страны, была военная угроза со стороны внешних сил. Стремление обезопасить жизнь людей и само существование государства побуждало правителей содержать войска. К содержанию войск побуждало и стремление того или иного государства обогатиться за счет своих соседей. Этот интерес в современную эпоху трансформировался в интерес присутствия вооруженных сил одного государства на территории другого с целью обеспечения своих стратегических интересов (создание военных баз, обеспечения доступа к сырью, контроль морских коммуникаций, наблюдение за деятельностью потенциальных противников и т.п.) - жизненных и важных интересов.

С этих позиций далее рассмотрим вопрос об интересах России и Китая в третьем мире. До начала 90-х гг. лидеры СССР рассматривали часть стран, третьего мира в качестве своего союзника в борьбе против империализма, а те или иные формы "присутствия" в ряде стран - отвечающим общей внешнеполитической и внешнеэкономической политике. Другими словами, Москва в соответствии со своими взглядами считала, что она имеет жизненные и важные интересы в ряде стран Азии, Африки, Латинской Америки и должна их защищать. Именно поэтому СССР оказался участником многих конфликтов в Африке и Азии, важным поставщиком оружия и экономической помощи ряду развивающихся стран.

Россия, провозгласившая новый курс на международной арене, отказавшись от конфронтации с Западом, до сих пор не может определиться со своими интересами в третьем мире. С одной стороны, она сохраняет свое военное присутствие в отдельных государствах (Вьетнам, Куба, Таджикистан и т.д.), в том числе и там, где это не связано с защитой ее территории и границ. С другой стороны, свертывает политические и торгово-экономические отношения с третьим миром, в том числе со странами, которые должны ей десятки миллиардов долларов, что значительно осложняет проблему возврата этого долга, которую следует отнести к важным интересам Москвы.

По мере изменения российско-американских отношений, формирования их на новой политической платформе значение российско-американских отношений для мирового сообщества, в том числе и особенно для третьего мира, понижается. Бывшие страны-союзники и партнеры СССР вынуждены начать поиск новых "друзей" на международной арене. Часть из них улучшает отношения с Западом, другие не прочь использовать возрастающую мощь Китая, третьи выступают за укрепление регионального сотрудничества.

На формирование интересов России и Китая в третьем мире оказывает влияние их геостратегическое положение. Для Китая его важные интересы сосредоточены в ЮВА и Южной Азии. При этом интересы КНР в ЮВА, главным образом в Южно-Китайском море, приобретают значение жизненных интересов из-за возрастания экономической роли этого региона в решении продовольственной проблемы страны и в обеспечении ее сырьевыми ресурсами.

ми. К тому же в странах ЮВА проживают миллионы выходцев из Китая и их капитал играет значительную роль в экономике региона и в экономическом развитии самого Китая.

Для России приоритетным направлением ее политики в третьем мире является район Ближнего и Среднего Востока из-за его географического положения и развитых с ним торгово-экономических связей. Значение Южной Азии, в том числе Индии, в силу субъективных факторов и образования между Индией и Россией новых государств уменьшается. После нормализации советско-китайских и китайско-вьетнамских отношений, затухания кампучийского конфликта понизился интерес России в развитии связей со странами Индокитая. Хотя сохранение российской военной базы на территории Вьетнама свидетельствует о том, что в определенных кругах все еще исходят из ложной предпосылки о существовании жизненных интересов России во Вьетнаме.

В чем состоят важные национальные интересы России и Китая в их отношениях с третьим миром? К ним следует отнести: 1) интересы обеспечения мира и стабильности не только в пограничных с ними государствах, но и в отдаленных от них регионах; 2) развивающиеся страны могут содействовать в проведении Китаем и Россией их глобальных политик; 3) развивающиеся страны могут содействовать реализации экономических интересов России и Китая (рынок сбыта продукции, в том числе и вооружений; рынок приобретения продовольствия, сырья и даже современных технологий; внешний источник финансирования развития экономики; выгодный рынок для вложений капиталов в экономику отдельных стран и т.д.).

Партнерский подход к развивающимся странам на практике и в теории демонстрирует Китай, исходя из своих национальных интересов, которые довольно четко были изложены в документах КПК (сентябрь 1982 г.)¹⁷. Китай подчеркивает свою принадлежность к третьему миру, свое стремление к развитию с ним экономического и научно-технического сотрудничества. Он поддерживает программы и предложения, способствующие эффективному сотрудничеству в рамках Юг-Юг, и готов внести свой вклад в это сотрудничество. В развитии связей с третьим миром Китай видит один из путей ускорения развития своей экономики и повышения качества жизни народа. Представители КНР неоднократно заявляли, что перед азиатскими государствами стоит задача развития национальных экономик и повышение уровня жизни населения.

В Пекине видят в США и гегемонизме главную угрозу миру, а третий мир, куда входит и КНР, считают основной миролюбивой силой. Цянь Цичэнь заявил в 1993 г., что с точки зрения китайских лидеров Китай остается ключевым фактором в деле укрепления мира и стабильности в Азии и во всем мире, в настоящее время и в будущем¹⁸. Противоположные взгляды на эту проблему высказывают в Москве. В нынешней концепции внешней политики России третий мир, по сути, рассматривается как основной источник глобальных угроз в предстоящие десятилетия.

Вместо создания партнерских отношений с государствами третьего мира, Россия в начале 90-х гг. встала на путь свертывания их с большинством из них. Эти отношения вступили в полосу отчуждения с одними или в период неопределенности с другими. Из одной крайности, когда СССР считал третий мир, в первую очередь страны социалистической ориентации, своим союзником в борьбе с империализмом, Россия впала в другую крайность: она "потеряла" в значительной мере интерес к третьему миру, полагая, видимо, что ее связи с развивающимися странами приносят ей одни убытки.

Со времени образования РФ практически не поддерживаются контакты страны на высшем уровне с подавляющим большинством государств Азии, Африки и Латинской Америки. Правда, в 1994 г. под воздействием ВПК были предприняты попытки расширить рынок сбыта российского оружия и начались разговоры о возможности возврата задолженности стран третьего мира России. Ликвидированы связи с правящими партиями развивающихся стран, которые ранее поддерживались КПСС и во многом определяли межгосударственные отношения. Резко сократились торгово-экономические отношения из-за политики правительства РФ: ликвидации многих государственных внешнеэкономических объединений, отсутствие знаний и опыта у новых экономических структур по ведению дел в странах третьего мира, сокращение финансирования по изучению стран и рынков третьего мира в системе РАН и государственных структурах. Россия, например, умудрилась резко ухудшить отношения с Африканским национальным конгрессом (АНК) Южной Африки перед приходом его к власти в мае 1994 г., хотя более 50 лет Москва была главным союзником этой организации в борьбе против системы апартеида. До марта 1995 г. Россию так и не посетили новые лидеры Южной Африки, за исключением спикера ее парламента. Зато КНР, США и ряд западных стран установили или улучшили свои отношения с АНК и новым правительством Южной Африки.

Анализируя в 1994 г. российско-латиноамериканские отношения и говоря об имеющихся неплохих перспективах, директор Департамента Центральной и Южной Америки МИД РФ В.Л.Тюрденев был вынужден отметить, "что переход России к рыночной экономике и связанный с этим отказ от государственного кредитования в начале 90-х гг. привел к существенному падению объемов торгово-экономического, в частности инвестиционного, сотрудничества нашей страны с латиноамериканскими государствами... Пассивность с нашей стороны в скором времени может обернуться утратой тех ниш сотрудничества, которые перед Россией еще открыты"¹⁹.

Объективно складывающаяся обстановка в мире и серьезные просчеты во внешней политике России привели к падению авторитета РФ третьем мире, политические силы которого содействовали СССР в проведении его политики в отношении Запада. Уход России из третьего мира усиливает здесь позиции Запада и Китая, понижает интерес развивающихся стран к отношениям с Москвой и сужает торгово-экономические отношения России.

Пренебрежение третьим миром обертывается для России осложнением решения проблем возврата долгов третьего мира (десятков млрд. ам. долл.) и погашения задолженности российской стороной отдельным странам (Уругвай, Южная Корея, некоторые арабские страны). непогашение задолженности отрицательно сказывается на динамике экономических связей со странами-кредиторами и дает дополнительный козырь в руки стран-должников (страны Африки - 38 млрд. ам. долл.; Куба, Никарагуа, Перу - 32 млрд. ам. долл.; Ирак - 7 млрд. ам. долл.; должниками России являются Сирия, Йемен, Вьетнам, Лаос и ряд других)²⁰. Основными должниками России являются страны - союзники СССР. Резкое свертывание связей с ними, а иногда и активное участие России совместно с Западом в санкциях против отдельных государств (Ирак, Ливия) нанесло ущерб важным интересам Москвы. Дистанцирование от одиозных режимов необходимо, но оно не должно вести к значительным материальным потерям. Необходимо было требовать от Запада хотя бы частичного возмещения этих потерь или их фиксации в международных документах. А ныне без восстановления сотрудничества с государствами-должниками на другой основе без поддержки Запада вряд ли можно серьезно

говорить о возвращении ряда долгов. К сожалению, правильные выводы из "проблемы долгов" не были сделаны в России, которая, по-прежнему, как ранее СССР, предоставляет щедрые займы и кредиты ряду "братских государств" - странам СНГ.

Что касается Китая, то он не предоставлял и не предоставляет займы и кредиты на сотни млн. ам. долл. (исключением был Вьетнам в годы войны и строительство железной дороги в Танзании - Замбии). По одним займам идет погашение, другие погашены, небольшая часть списана. Погашение части кредитов было произведено и путем создания в развивающихся странах смешанных предприятий на основе построенных ранее с помощью КНР различных промышленных и сельскохозяйственных объектов. На международной арене Китай поддерживает требование части развивающихся стран о необходимости списания долгов с третьего мира, за увеличение им западной помощи и ликвидацию практикуемой развитыми странами политики протекционизма и товарных квот²¹.

Китай постоянно развивает отношения с государствами третьего мира: идет обмен делегациями на высшем уровне, который подкрепляется развитием контактов по линии различных общественных организаций. Важную роль играют связи КПК с правящими партиями развивающихся стран. Укрепляются отношения Китая с различными региональными организациями развивающихся государств ЮВА, Южной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Растет торговый оборот Китая со странами третьего мира, возрастают как его инвестиции в экономику развивающихся стран, так и последних в экономику Китая, создаются совместные предприятия. Укрепляется сотрудничество КНР по военной линии с рядом стран Азии, Африки и Латинской Америки, в первую очередь с теми из них, которые и ранее получали оружие из Китая. Другими словами, Китаю удалось превратить третий мир в своего партнера в политическом и экономическом плане, в относительно стабильный источник получения валютных средств и инвестиций в экономику КНР, а также в рынок сбыта продукции своей легкой промышленности и вооружений. Это сотрудничество развивается в русле взаимного удовлетворения базового, жизненных и важных национальных интересов: развития стран, повышения уровня жизни их населения.

По каким вопросам и в каких регионах интересы Китая и России совпадают или противостоят друг другу? Ушло в прошлое соперничество стран за лидерство в третьем мире, за влияние на левые силы. Россия отказалась от политики "окружения" Китая своими союзниками (Монголия, Индия, Вьетнам, Лаос, Афганистан), подрыва его позиций в развивающихся странах. Между сторонами ведется регулярный обмен мнениями по интересующим вопросам. При голосовании в СБ ООН по проблемам урегулирования конфликтов в третьем мире позиции сторон совпадают или близки друг другу. Жизненные и важные национальные интересы Китая и России в Азии, Африке и Латинской Америке не приходят в столкновение на современном этапе.

Однако такое состояние дел не означает, что между странами нет разногласий. Ранее уже упоминалось о расхождениях во взглядах сторон на проблему погашения долгов третьего мира, на место и роль развивающихся стран в международных отношениях. Китай укрепляет свои позиции в третьем мире, развивает с ним отношения и делает это частично за счет добровольного ослабления в нем позиций России. Стороны выступают и конкурентами на рынке оружия ряда развивающихся государств.

Политика СССР в отношении Афганистана в конце 70-80-х гг., а ныне политика России в Таджикистане только способствовала и способствует уси-

лению волны религиозного фундаментализма, что ведет к росту разногласий РФ с некоторыми мусульманскими странами. Не поэтому ли Китай и Запад молчаливо соглашаются с военной ролью Москвы в Таджикистане и ряде других государств к югу от России? Война в Афганистане и Таджикистане, наряду с некоторыми аспектами политики России в отношении Югославии, Боснии, на Ближнем Востоке и в регионе Кавказа, не только осложняет отношения с мусульманскими странами, но и вносит дестабилизирующий элемент в ситуацию в РФ, часть населения которой привержена исламу. Более того, наблюдается раскол и гражданского общества по вопросу за или против участия России в войне в Таджикистане. Пока же политическое и военное руководство страны послало войска в Таджикистан, где они выступают на стороне правительства против сил оппозиции, сохраняя сферу влияния России в этом регионе. Интересную мысль в этой связи высказал А.Кортунов, который полагает, что Кремль в проведении своей политики в Евразии рассчитывает на помощь Запада. "Логика здесь такая, - пишет он, - сохраняя мир и стабильность на просторах Евразии, Россия действует не только в своих интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира. Она превратилась в важнейший форпост Запада, отражающий волны религиозного фундаментализма..." Но в то же время А.Кортунов вынужден констатировать, "что должного понимания и тем более содействия в этом плане Россия со стороны США и других ведущих западных стран пока не встречает. Неоднократные призывы России придать ее вооруженным силам... статус миротворческих сил ООН и получить необходимые средства на их содержание до сих пор остаются без ответа"²². И останутся, ибо не в интересах Запада сохранять сферу влияния России. Очередной просчет во внешней политике РФ.

Что касается интересов Китая в этом регионе, то они, на наш взгляд, довольно противоречивы. Пекин, с одной стороны, не заинтересован в усилении исламского фактора на его границах, что ведет к усилению сепаратистских тенденций в самом Китае. С другой стороны, устранение или снижение влияния России в новых среднеазиатских государствах открывает для Китая возможности для усиления своих позиций в регионе. Китай получил возможность для "выдавливания" казахов, уйгуров и др. со своей территории на территории среднеазиатских государств, начался процесс проникновения китайцев на территории этих государств. Одновременно наблюдается отъезд русских, украинцев, немцев из среднеазиатских стран. Конечно, это еще не проявление столкновения национальных интересов России, Китая и среднеазиатских государств, но явления потенциально весьма опасные и с ними нельзя не считаться.

При нынешнем состоянии дел в России у нее нет времени на совершенные новые ошибки в определении национальных интересов в третьем мире. Значительная корректировка отношений России с развивающимися странами необходима. Она должна строиться на основе национальных интересов России и развивающихся стран. Дальнейшее же свертывание связей с третьим миром все более и более будет противоречить базисному интересу России и ослаблять ее позиции на международной арене.

1. II российско-китайская научная конференция // Экспресс-информация N 9. - М.: ИДВ РАН, 1994. - Ч. 1. - С. 12-13.
2. Сегодня. - 1994. - 4 февраля.
3. Там же. - 1994. - 2 сентября.
4. Известия. - 1994. - 20 апреля.
5. Международная жизнь. - 1994/1995. - Зима. - С. 23.

6. А.Лившиц. Куда идем? Экономика России в 2000 году. // Известия. - 1994. - 11 ноября.
7. Новое время. - 1992. - N 3. - С. 24.
8. Д.Рюриков считает, что внешнеполитическая концепция была утверждена Советом Безопасности РФ в интересах ее тогдашнего секретаря Ю.В.Скокова. "Это было понятно, - писал Д.Рюриков. - Ю.В.Скоков при помощи концепции хотел подчинить Совету Безопасности всю внешнюю политику - МИД, министра - и поставить все на свои места, как в былые добрые времена. Это, однако, не получилось и, надо думать, не получится". (Международная жизнь. - 1994/1995. - Зима. - С. 23.
9. Международная жизнь. - 1993. - N 1. - С. 18.
10. II российско-китайская научная конференция "Россия и Китай: новые возможности политического и экономического взаимодействия" // Информационные материалы ИДВ РАН. - М., 1994. - N 9. - Ч. 1. - С. 45-46.
11. Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях. // Мировая экономика и международные отношения. - 1989. - N 2. - С. 69.
12. Мировая экономика и международные отношения. - 1989. - N 2. - С. 70.
13. См.: Е.Д.Степанов. Понятие "интересы" во внешней политике. // Проблемы Дальнего Востока. - 1990. - N 3. - С. 71; Международные отношения. - 1994. - N 10. - С. 98.
14. См.: Е.И.Сафронова. К вопросу о трактовке термина "интересы" в международных отношениях. // Тезисы докладов IV Международной конференции (Москва, 6-8 октября 1993) М: ИДВ РАН - 1993. - Ч. 1. - С. 170, 172.
15. Френсис Фукуяма. Неясность "национального" интереса. // Независимая газета. - 1992. - 16 ноября.
16. Там же.
17. См.: Китайская Народная Республика в 1982 г. - М., 1986. - С. 11.
18. См., например: Жэньминь жибао. - 1993. - 11 июня.
19. В.Тюрденев. Латинская Америка и Россия. // Международная жизнь. - 1994. - N 9. - С. 38, 40.
20. См.: Экономическое обозрение газеты "Московские новости". - 1991. - N 1. - С. 15; Международная жизнь. - М., 1994. - N 9. - С. 40.
21. ИТАР-ТАСС. - 1992. - 30 ноября.
22. А.Кортунов. США - Россия, к более зрелой фазе отношений. // Международная жизнь. - 1994. - N 11. - С. 52-53.

Российский Дальний Восток

Внешняя торговля и иностранные инвестиции

© 1995

А.Адмидин, Е.Деваева

Развертывание процессов экономических реформ в России повлекло за собой значительные изменения во всех сферах хозяйственной жизни, включая внешнеэкономические связи, как в стране в целом, так и на уровне отдельных регионов. В новых геополитических условиях, связанных с исчезновением с политической карты мира СССР, для экономики и политики Российской Федерации возрастает значение ее дальневосточных районов с их богатым природно-ресурсным потенциалом и выходом в динамично развивающийся азиатско-тихоокеанский регион.

Масштабы, географическая и отраслевая структура, а также организация и формы внешней торговли Дальнего Востока в доперестроечное время (до середины 80-х годов) определялись плановым характером советской экономики и сырьевой специализацией региона во внутреннем и международном разделении труда.

В этот период государство проявляло серьезную заинтересованность в развитии сырьевых производств на территории Дальнего Востока, выразившуюся в массивных централизованных капиталовложениях в этой сфере. Это нашло отражение в быстром росте экспортных поставок с территории Дальнего Востока. Так, в период 1970-1990 гг. экспорт региона возрос примерно в 3,5 раза, причем в восьмидесятые годы среднегодовые темпы прироста экспорта примерно в 1,5-2 раза превышали темпы прироста промышленного производства. Тем самым закладывались основы формирования экспортного потенциала региональной экономики, направления развития которого в основных чертах совпадали со специализацией Дальнего Востока во внутрисоюзном разделении труда.

В 70-е - 80-е гг. сложилась ориентация внешней торговли Дальнего Востока на рынки стран АТР, главным образом Японии, особенно в экспорте сырьевых товаров. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности (относительно небольшой по объему) ориентировался в основном на государ-

ства СЭВ (главным образом страны Восточной Европы), а также страны Ближнего Востока.

Вплоть до начала 90-х гг. внешняя торговля Дальнего Востока осуществлялась почти исключительно в централизованном порядке на основе государственного заказа предприятиям со стороны министерств и ведомств. Более 40% от общего объема экспорта региона приходилось на долю межгосударственных соглашений о двустороннем экономическом сотрудничестве. В этой связи следует отметить прежде всего компенсационные соглашения с Японией по освоению природных ресурсов дальневосточных районов Советского Союза.

Среди основных факторов, оказавших влияние на масштабы, характер и структуру развития внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока в период после начала экономических реформ, прежде всего следует назвать либерализацию и децентрализацию экономических связей в ходе реформы. В результате многие предприятия и организации региона получили право самостоятельного выхода на внешний рынок; во-вторых, - принятие законодательства о зарубежных инвестициях, позволившее предприятиям с участием иностранного капитала в течение нескольких лет стать одним из главных двигателей развития внешней торговли территорий Дальнего Востока; в-третьих, - стремительное разворачивание социально-политического и экономического кризиса в стране и распад Советского Союза, повлекшие за собой разрыв значительной части традиционных экономических связей хозяйственных единиц Дальнего Востока с их партнерами в европейской части России и других республиках бывшего СССР; в-четвертых, - практически полное прекращение централизованных государственных капиталовложений в развитие экономики и инфраструктуры региона, которые в прошлом были основой его относительно быстрого экономического развития; в-пятых, - установление тесных торгово-экономических связей с новыми партнерами в АТР (Китай, Республика Корея, Соединенные Штаты), давшее новые импульсы развитию внешней торговли.

Влияние всех указанных моментов на динамику, формы, отраслевую и географическую структуру внешней торговли Дальнего Востока было неоднозначным и противоречивым. В целом, однако, следует отметить, что если ранее внешняя торговля была главным образом источником пополнения валютных доходов государства, а также каналом поступления инвестиционных товаров, необходимых для дальнейшего наращивания традиционного сырьевого экспорта, то в современной ситуации она стала одним из важнейших факторов выживания региона в условиях перехода к принципиально новым экономическим отношениям.

Несмотря на относительно небольшой удельный вес Дальнего Востока во внешней торговле России, который в 1992-1994 гг. составлял соответственно 3,4; 4,5 и 2,7%, необходимо отметить его роль в торговом сотрудничестве со странами АТР, в первую очередь с Японией, Китаем, Республикой Кореей.

Таблица 1

**Удельный вес Дальнего Востока во внешней торговле России
по странам, в процентах**

	Япония	Китай	Р.Корея
1992 г.			
Экспорт	40,0	15,4	50,0
Импорт	12,5	37,5	14,3
Оборот	25,8	23,8	22,2
1993 г.			
Экспорт	45,0	20,0	25,0
Импорт	14,3	26,1	33,3
Оборот	32,3	22,6	28,6
1994 г.			
Экспорт	50,0	6,3	66,7
Импорт	8,3	10,0	25,0
Оборот	34,4	7,1	42,8

Источник: подсчитано на основе данных Статистических управлений краев и областей Дальнего Востока и Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ.

Как видно из таблицы, Дальний Восток играет исключительно важную роль в обеспечении экспортных поставок из Российской Федерации в Японию и Республику Корея, даже если не принимать во внимание его значение как транспортно-транзитного центра в торговле с этими странами. Во многом это объясняется тем, что нефть и природный газ, составляющие основу российского экспорта в промышленно развитые страны, слабо представлены в экспорте страны в Японию и Южную Корею, в то время как значение таких традиционных товаров дальневосточного экспорта, как лес и рыбопродукция, для торговли с этими странами, неизмеримо выше. В меньшей степени заметен на фоне общероссийских поставок экспорт Дальнего Востока в Китай, поскольку значительная часть российского экспорта в эту страну представлена товарами, производимыми в других регионах страны.

Что же касается российского импорта из указанных трех стран, то для Дальнего Востока важное значение имеет Китай как источник поставок дешевых потребительских товаров и продовольствия. В последнее время возросло значение потребительского импорта из Республики Корея. Импорт же из Японии, представленный в основном товарами инвестиционного спроса и металлопрокатом, направляется главным образом в другие регионы России.

В 1992-1994 гг. произошли заметные изменения в географической направленности внешней торговли Дальнего Востока со странами дальнего зарубежья.

Основным экспортным рынком для Дальнего Востока по-прежнему остается Япония. В тоже время в период 1992-1993 гг. наблюдалось усиление позиций и значения Китая как импортера дальневосточной продукции. Удельный вес экспорта в Китай увеличился с 27,3 в 1992 г. до 33,6% в 1993 г. В результате на данном этапе Китай закрепил свои позиции второго по значению внешнего рынка для Дальнего Востока. Однако к 1994 г. период экстенсивного роста российско-китайской торговли, базировавшийся в основном на конъюнктурных, преходящих факторах, практически закончился, что привело

в свою очередь к резкому снижению доли дальневосточного экспорта в КНР до 9,7% в 1994 г. Сокращение экспорта в КНР, основного импортера реэкспортных товаров (транспортных средств, удобрений) и черных металлов, связано с изменениями в товарной структуре дальневосточного экспорта. В снижении доли импорта из КНР в структуре дальневосточного импорта с 48,4 в 1993 г. до 14,6% в 1994 г. немаловажную роль сыграла низкая конкурентноспособность китайского импорта в сравнении с импортом из других стран при относительном насыщении потребительского рынка китайскими товарами.

Необходимо отметить наметившуюся вначале 90-х годов тенденцию роста товарооборота Дальнего Востока с такими странами, как Южная Корея и США, которым наряду с Японией в настоящее время принадлежат лидирующие позиции в импорте.

Таблица 2

**Динамика структуры внешнеторгового оборота
Дальнего Востока по странам, в процентах**

	1992 г.	1993 г.	1994 г.
Внешнеторговый оборот Дальнего Востока всего, в т.ч.,	100,0	100,0	100,0
Япония	35,4	36,2	49,0
Китай	38,6	39,1	11,1
Р.Корея	9,1	6,2	11,6
США	2,7	3,4	7,8

Источник: составлено на основе данных Статистических управлений и Администраций краев и областей Дальнего Востока.

Следует отметить появление в последнее время новых торговых партнеров и расширение в целом географии внешней торговли как по экспорту, так и по импорту. Однако доля новых партнеров нестабильна и подвержена значительным колебаниям.

В конце 80-х годов на российском Дальнем Востоке получило развитие инвестиционное сотрудничество с зарубежными странами.

Уже в 1991 г. начался динамичный процесс создания совместных предприятий (СП) на Дальнем Востоке. К началу 1992 г. в регионе было зарегистрировано 225 предприятий с иностранными инвестициями. Количество действующих предприятий с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке в 1989-1991 гг. возросло почти в 15 раз, в то время как в России в целом - только в 3,7 раза. Основная часть предприятий с иностранными инвестициями функционировала в сфере услуг (43% от общего количества), а также в рыболовстве (33%). Совместные предприятия в сфере услуг были в основном заняты торговыми операциями и оказанием услуг в общественном питании, то есть сферами, которые не требуют значительных капиталовложений.

Следует отметить также значительный уровень экспортной направленности деятельности предприятий с иностранным капиталом на Дальнем Востоке по сравнению с Россией в целом. Так, доля дальневосточных совместных предприятий в общем экспорте предприятий с иностранными инвестициями России возросла с 13% в 1989 г. до 25% в 1991 г., в то время как соответствующий показатель для импорта возрос практически с нуля до более 15%.

Основными стимулами для иностранных инвесторов в этот период были улучшение условий доступа к природным ресурсам российского Дальнего Востока в условиях экономической реформы, децентрализация и либерализация в сфере внешнеэкономических связей, а также планы создания свободных экономических зон.

Однако создание совместных предприятий, так же как и полностью подконтрольных филиалов, продолжалось и в 1993-1994 гг., несмотря на рост политической нестабильности в стране и часто меняющееся законодательство в сфере иностранных инвестиций

Таблица 3

Распределение зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями по территориям Дальнего Востока, 1988-1994 гг.

	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Дальний Восток, в т.ч.:	1	44	57	225	585	789	507
Республика Саха (Якутия)	-	3	4	9	16	10	14
Приморский край	-	23	28	80	235	337	261
Хабаровский край	1	8	5	38	155	207	90
Амурская область	-	-	3	10	36	50	17
Камчатская область	-	2	2	19	29	11	17
Магаданская область	-	2	5	8	30	5	31
Сахалинская область	-	6	10	61	84	101	69
Еврейская автономная область	-	-	-	-	...	68	8

Источник: Составлено на основе данных Администраций и Статистических управлений территорий Дальнего Востока.

В настоящее время (по состоянию на 1.01.1995 г.) на территории Дальнего Востока, по оценкам ИЭИ, зарегистрировано 2208 предприятий с участием иностранного капитала, что на 23% больше, чем за период 1988-1993 гг. Однако наряду с увеличением числа вновь созданных совместных предприятий на Дальнем Востоке, в 1994 г. впервые с момента начала процесса их создания в регионе наблюдалось резкое сокращение количества регистрируемых предприятий.

Так, например, в Хабаровском крае в 1993 г. было зарегистрировано 207 новых предприятий с иностранными инвестициями, а в 1994 г. - всего 90. Такая же картина характерна и для Приморского края, Сахалинской, Амурской областей и Еврейской автономной области.

В целом, ситуация с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке в настоящее время выглядит хуже, чем в 1992 и 1993 годах, несмотря на значительное количество вновь зарегистрированных предприятий с иностранным капиталом.

Количественный рост зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями был достигнут главным образом за счет увеличения числа предприятий с участием китайского капитала. В результате в настоящее время предприятия с участием китайского капитала составляют более 40% от общего числа совместных предприятий (по сравнению с 27,6% в 1992 г.). Второе место занимает Япония (11,5% от общего количества зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями), по сравнению с 22,3% в 1992 г.

В последние годы процесс создания новых предприятий с участием китайского капитала стал сопровождаться падением интереса населения к дешевым, но низкокачественным потребительским товарам, произведенным главным образом в Северо-Восточном Китае. Будущее инвестиционного сотрудничества между Дальним Востоком и Китаем представляется неясным, вследствие существенных различий между целями развития Дальнего Востока и Китая, особенно его северо-восточных провинций.

Что же касается реального вклада в экономическое развитие Дальнего Востока, в настоящее время в этом отношении лидируют предприятия с участием японского капитала. Япония продолжает занимать ведущие позиции во внешней торговле предприятий с иностранными инвестициями Дальнего Востока. В 1994 г. на долю японских компаний приходилось около 50% от общего объема внешней торговли совместных предприятий, в том числе 61 процента от экспорта и 27 процента от импорта.

Деятельность южнокорейских компаний на Дальнем Востоке развивалась в условиях конкуренции с китайскими и японскими предприятиями.

В настоящее время предприятия с южнокорейским капиталом сохраняют достаточно прочные позиции в импорте основных территорий Дальнего Востока. По-видимому, в ближайшем будущем их позиции еще более усилятся, особенно в сфере импорта изделий легкой промышленности и потребительских товаров длительного пользования.

Однако в целом надежды на то, что иностранные инвестиции компенсируют падение внутреннего производства и будут способствовать модернизации промышленного потенциала, не оправдались. Как и ранее, основными сферами деятельности совместных предприятий остаются внешняя торговля, оптовая и розничная торговля, а также гостиничный и ресторанный бизнес и иностранный туризм.

Привлекательность сферы материального производства, включая переработку природных ресурсов, для иностранных инвесторов остается низкой. Так, в Хабаровском крае на долю предприятий с иностранными инвестициями в 1993 г. приходилось немногим более 1% от общего объема промышленного производства. Несмотря на отмеченный выше количественный рост числа предприятий с иностранным капиталом на Дальнем Востоке, в 1993-1994 гг. наблюдался значительный спад во всех сферах их деятельности, прежде всего в масштабах внешнеэкономических операций. Если в 1992 г. на долю совместных предприятий приходилось более 22% внешнеторгового оборота Дальнего Востока, а то в 1993 г. - 12%, а в 1994 г. - около 14%.

Необходимо отметить, что сокращение удельного веса совместных предприятий во внешней торговле Дальнего Востока в 1993 г. происходило за счет снижения стоимостного объема внешней торговли совместных предприятий, который сократился на 38,5%, причем это снижение было в равной степени вызвано падением как экспорта, так и импорта. В 1994 г. продолжала наблюдаться тенденция падения внешнеторговых операций предприятий с иностранными инвестициями, наряду с сокращением внешнеторговых операций региона в целом.

Ухудшение показателей внешней торговли предприятий с иностранным капиталом выглядит особенно тревожно, если принять во внимание тот факт, что в настоящее время именно внешняя торговля выглядит единственно привлекательной областью для иностранных инвесторов на Дальнем Востоке. Привлекательность внутреннего рынка для них значительно снизилась вследствие введения в 1993 г. изменений в области валютного контроля, а также ограниченной емкости потребительского рынка на Дальнем Востоке и углубляющимся инвестиционным кризисом.

Результаты деятельности предприятий с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке в последние годы свидетельствуют о том, что сохраняющаяся экономическая нестабильность в регионе и в России в целом остается наиболее существенным фактором, оказывающим негативное влияние на масштабы, отраслевую структуру и результаты их деятельности в регионе. Изменения в инвестиционном законодательстве, зачастую плохо обоснованные, также не способствуют формированию благоприятного инвестиционного климата. Как и прежде, отраслевая структура совместных предприятий на Дальнем Востоке остается очень узкой (рыбная и лесная промышленность, цветная и черная металлургия, строительство), что делает их деятельность весьма уязвимой перед лицом конъюнктурных или иных изменений как внутри страны, так и на зарубежных рынках.

В целом, анализируя современное состояние внешнеэкономических связей Дальнего Востока, следует отметить, что последние два года в определенной степени были решающими в том, что касается определения ближайших перспектив как внешней торговли, так и иностранных инвестиций в регионе. К сожалению, стабилизация экономической ситуации в регионе с помощью внешнего фактора поставлена под вопрос, во многом из-за плохо продуманной экономической политики центрального правительства, а также углубления всеобъемлющего социально-экономического кризиса в регионе.

Несмотря на чрезвычайно важное значение Дальнего Востока для торговли Российской Федерации со странами АТР, как общие объемы внешней торговли региона, так и товарная и географическая структура экспорта и импорта Дальнего Востока остаются нестабильными. Так, рост объемов регионального экспорта и импорта в 1992-1993 гг. сменился глубоким их падением в 1994 г., что связано прежде всего с сохраняющейся сырьевой специализацией Дальнего Востока и, соответственно, высокой степенью зависимости экспорта от колебаний конъюнктуры на внешнем рынке и частых изменений системы государственного регулирования экспорта.

Между тем в импорте Дальнего Востока постоянно сокращается доля товаров инвестиционного характера и новых технологий, без чего невозможна радикальная технологическая модернизация производств сырьевого характера и освоение новых экспортных рынков. В то же время возрастает зависимость региона от импортных поставок товаров народного потребления и особенно продовольствия, которая приобрела уже устойчивый характер. Очевидно, что при таких условиях перспективы устойчивого роста внешней торговли являются весьма неопределенными.

Что же касается иностранных инвестиций, то важнейшей предпосылкой изменения ситуации к лучшему является пересмотр подхода центрального правительства к вопросам функционирования предприятий с участием иностранного капитала на уровне отдельных регионов России. Без этого вряд ли можно рассчитывать на сколько-нибудь существенное изменение роли иностранных инвестиций в экономическом развитии российского Дальнего Востока.

1. Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 95-06-17165.

Конверсия оборонной промышленности

© 1995

Е.Гудкова

Машиностроение Дальнего Востока как района нового освоения с ориентацией на природно-сырьевые ресурсы развивалось в двух направлениях. Первое направление связано с решением политических, оборонно-стратегических задач развития и укрепления окраинных районов страны. В этом направлении стратегия развития предусматривала создание собственной машиностроительной и машиноремонтной промышленности, удовлетворяющей потребностям региона в области транспорта, строительства, сельского хозяйства, обороны "как мощного форпоста Советской власти на Востоке". Второе направление связано с обеспечением добывающих отраслей промышленности машинами и оборудованием.

Усилившаяся ориентация в годы Великой Отечественной войны, оставшаяся приоритетной в последующие годы, на производство продукции для обороны, отразилась на структуре производства машиностроительного комплекса региона. К началу 90-х годов производство машиностроительной продукции на Дальнем Востоке распределялось следующим образом:

	Удельный вес, %
машиностроение и металлообработка, всего	100,0
в том числе:	
производство гражданской продукции	24,5
производство военной продукции	34,1
производство металлоизделий и металлоконструкций	8,9

Источник: Форма СО, 1985-1990 гг.; Приморское статуправление. Данные машиностроительных предприятий Дальнего Востока 1985-1990 гг.

Определяющее влияние военно-промышленный комплекс (ВПК) оказывал не только на развитие машиностроения в регионе. Его потребности обеспечивали также предприятия нефтяной и химической промышленности, легкой промышленности, строительства.

Зависимость экономики региона от ВПК поддерживалась как обеспечением постоянного спроса с его стороны на продукцию промышленности, так и фактором районнообразующего характера, особенно на севере, в связи с потребностями армии и флота. Поэтому резкое снижение военного заказа и соответственно военных расходов, с одной стороны, явилось началообразующим фактором падения объемов производства на предприятиях региона, которое в дальнейшем было усилено рядом других причин, что в целом обусловило

снижение уровня и качества жизни, прежде всего в северных районах Дальнего Востока.

В оборонный комплекс региона входят 32 промышленных предприятия. В отраслевой структуре оборонной промышленности Дальнего Востока 90% всего объема валовой продукции ВПК в 1989 г. приходилось на предприятия судостроительной, судоремонтной и авиационной промышленности. Предприятия характеризуются узкой специализацией основного производства с развитой системой вспомогательных производств (собственное литье, штамповка, система энергообеспечения). Специфической особенностью оборонного комплекса региона является отсутствие развитой научно-исследовательской базы. Научно-исследовательская и конструкторская часть осуществлялась в основном в области разработки технологической оснастки и приспособлений, отдельных узлов и деталей. Это явилось результатом существовавшего в плановой экономике четкого организационного разделения разработчиков-конструкторов, находящихся в центральных районах страны и изготовителей вооружений.

Первый этап конверсии: союзная концепция

Высокая милитаризация экономики была основана на осуществлении максимально форсированного наращивания военного потенциала на протяжении ряда десятилетий, причем на уровне, превышающем реальные оборонные потребности. Развитию ВПК неизменно придавалось приоритетное значение, обеспечиваемое централизованным перераспределением средств и ресурсов за счет других сфер деятельности. Концентрация ресурсов на военном направлении в экономике обеспечивала высокий уровень военной конкурентоспособности. По различным оценкам в ВПК направлялось от 30 до 35% расходов бюджета.

В связи с этим поставленная в конце 80-х годов задача конверсии военного производства на самом деле превратилась в задачу структурной и технологической перестройки всего экономического комплекса страны.

Общая политика проведения конверсии в конце 80-х годов предполагала снижение расходов государственного бюджета за счет уменьшения военных заказов и увеличение производства гражданской продукции, особенно потребительского назначения, для снятия угрожающей дефицитности внутреннего товарного рынка.

С 1989 г. конверсия была нацелена на диверсификацию производства на оборонных предприятиях с целью организации выпуска ими ряда дефицитных для экономики СССР видов гражданской продукции. В этот период не было ни основательно разработанной концепции оборонной достаточности, ни концепции экономического регулирования и инвестиционного маневра.

Не отвечала этим требованиям и разработанная в 1990 г. Государственной комиссией Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам вместе с Министерством обороны СССР и оборонными отделами Госплана СССР "Государственная программа конверсии оборонной промышленности и развития производства гражданской продукции в оборонном комплексе на период до 1995 г.". Она была сформирована в соответствии со сложившимися методами централизованного планирования, не учитывала последствий начавшейся экономической реформы и конкретной экономической ситуации в регионах и на предприятиях. Программа содержала директивные предписания относительно увеличения выпуска товаров народного потребления, сокращения финансирования с контрольными цифрами для разработки очередного пятилетнего плана.

Программа предписывала резко увеличить к 1995 г. выпуск гражданской продукции, в частности на предприятиях общего машиностроения, судостроения, электронной, радиотехнической и авиационной промышленности. К концу 1995 г. доля гражданских товаров в общем выпуске продукции предприятий ВПК должна была увеличиться с 43-45 до 60-65%, т.е. по стоимости в 2,3 раза.

В июне 1990 г. состоялось обсуждение программы конверсии в части, касающейся предприятий Дальнего Востока. Руководители предприятий указали, что программа выражает не реальную ситуацию и возможности, а только пожелания плановых органов. Отмечалось, что не учитываются производственно-экономические и социальные интересы предприятий. Кроме отсутствия законодательных основ проведения конверсии, программа не учитывала экономические условия для ее проведения. В разваливающемся госбюджете не было предусмотрено никаких мероприятий по созданию кредитных ресурсов для финансирования перепрофилирования предприятий. Тем не менее программа конверсии была утверждена в декабре 1990 г. практически без изменений. Разрабатываемая в условиях прежней военной доктрины, прежнего механизма функционирования экономики она так и не была реализована.

В регионе первый этап конверсии (конец 1988 г. - первая половина 1991 г.) характеризуется сравнительно небольшим снижением военного заказа на производство, консервацией строительства новых оборонных предприятий с почти полным прекращением объемов их финансирования. На действующих предприятиях действие директивно провозглашенной конверсии выразилось в основном в снижении финансирования социальной сферы, что послужило первым толчком к утечке квалифицированных кадров.

Государственный военный заказ сократился в 1990 г. на 12% к уровню 1989 г. При этом в 1989 г. удельный вес военного заказа на предприятиях авиационной промышленности составлял, 93%, судоремонтной и судостроительной промышленности - 62%, электронной промышленности 18%.

Общий объем производства предприятий ВПК снизился на 4,5% за этот же период, что явилось следствием выполнения целевых установок Союзной программы конверсии по наращиванию выпуска гражданской продукции. В 1990 г. ее производство было увеличено на 150% к уровню 1988 г.

В ВПК Дальнего Востока прослеживалась тенденция ориентации предприятий на изготовление технических простых товаров народного потребления, в большинстве случаев не отвечающих основному профилю производителей. При выборе гражданской продукции предприятия ориентировались на технологические возможности основного производства, дефицитность товаров народного потребления, хронически сопутствующей планово-распределительной системе. Не учитывались перспективные изменения конъюнктуры рынка. Это был в основном стихийный процесс, не обеспеченный четкой стратегией поведения в новых условиях развития в стране и в регионе. Доля технически сложных товаров невоенного назначения была незначительна. Технологическое оборудование для агропромышленного комплекса, предприятий общепита и торговли, медицинская техника производилось в небольших объемах, хотя в соответствии с директивными заданиями планировалось наращивать их выпуск.

Фактическое сокращение в незначительных объемах выпуска военной продукции сопровождалось не высвобождением производственных мощностей, а их консервацией.

Концепция конверсии в данный период практически заключалась в диверсификации производства на выпуск новых видов гражданской продукции и сохранении, в основном, производственного потенциала оборонной промышленности.

Второй этап конверсии: российская концепция

Изменение экономической и политической обстановки в России сопровождалось принятием новых законодательных документов в области конверсии. 26 июля 1991 г. Коллегия Госэкономики РСФСР рассмотрела новую программу конверсии оборонных предприятий, расположенных на территории РСФСР, в соответствии с программой стабилизации экономики России от 4 июня 1991 г. Российская программа конверсии включала в себя концепцию собственно конверсии оборонных предприятий и концепцию конверсии Вооруженных сил. Она также, как и Союзная программа, являлась лишь общей декларацией желаемого положения дел в области конверсии, а не детальным планом действий в части технологий, инвестиций, налогового регулирования.

Однако эта программа принята не была. Резкое ухудшение социально-экономической обстановки в России во второй половине 1991 г. отодвинуло практическую реализацию мероприятий конверсии на государственном уровне.

С точки зрения действий правительства второй этап конверсии характеризуется также принятием новой военной доктрины, Закона о конверсии, принципиально иной оценкой оборонных потребностей. Определены направления реорганизации ВПК на сохранение и инновационное обновление существующего потенциала.

Однако намеченные проблемы реального влияния на оборонную промышленность, которая продолжает разрушаться, не оказывают.

Второй этап конверсии (вторая половина 1991 г. - по настоящее время) проходит на фоне экономической реформы со всеми вытекающими из этого изменениями в политической и экономической системе страны, сопровождается усиливающимся кризисом российской экономики и характеризуется обвальным, резким сокращением финансирования предприятий оборонной промышленности с его тенденцией на последующее снижение.

Наиболее ощутимое снижение производства военной продукции началось со второй половины 1991 г. Большинство предприятий оборонного комплекса на Дальнем Востоке находились в критическом финансовом положении из-за систематического уменьшения объемов централизованного финансирования на техническое перевооружение, поставку изделий и капитальное строительство, имели большую кредиторскую задолженность.

Это усугублялось еще и тем, что министерство обороны оказалось не в состоянии финансировать рост цен на сырье, материалы, комплектующие изделия для производства военной техники. Цены на собственно военную продукцию оставались фиксированными при объявленной программе либерализации цен. К этому добавилось прекращение поставок специальной техники, комплектующих из стран - членов бывшего Совета экономической взаимопомощи. В результате уровень рентабельности оборонных предприятий, который был установлен на уровне 25% снизился к концу 1991 г. до 3-5%. Прибыль оборонных предприятий в этот период складывалась в основном из прибыли от производства гражданской продукции. Доля же ее оставалась низкой.

В то же время затраты постоянно возрастали, в том числе и в связи с содержанием социальных объектов. Многие предприятия были вынуждены нести расходы по содержанию целых поселков. Например, Эльбанский механический завод, Амурский машиностроительный завод, завод "Звезда", радиобслуживания которых и создавались поселки со всей инфраструктурой.

В дальнейшем сокращение военных заказов и сопутствующая потеря финансирования социальной сферы из государственного бюджета превратилось в непреодолимую проблему. В 1991 г. сокращение военных заказов по от-

дельным предприятиям составило от 20 до 60% по сравнению с 1988 г. Начиная с 1994 г. происходит передача объектов социальной инфраструктуры в собственность муниципалитетов соответствующих городов и районов, что позволило избавиться от расходов на их содержание.

Тяжелое экономическое положение предприятий военной промышленности, неспособность государственных структур контролировать ситуацию обусловило в этот период постепенное сращивание предприятий ВПК с новыми коммерческими структурами. Предприятия пытались таким образом спасти персонал и улучшить финансовое положение, а коммерческие структуры - получить доступ к богатому потенциалу военно-промышленного комплекса. Такое взаимодействие развивалось на первоначальном этапе по следующим направлениям:

- использование существующих технологий предприятий с целью производства новых видов гражданской продукции;
- использование опытно-экспериментальной базы предприятий;
- совместная работа с предприятиями ВПК региона, центральными научно-исследовательскими институтами в части разработки технологии по использованию военной продукции, предназначенной к уничтожению.

Однако в условиях отсутствия четких государственных гарантий и стимулов в области кредитования инвестиционной деятельности оборонных предприятий, новые коммерческие структуры были не в состоянии обеспечить им достаточную поддержку.

Этот процесс получил дальнейшее развитие с предоставлением хозяйственной самостоятельности предприятиям, снижением, а во многом и полным устранением финансового контроля, что послужило идеальной средой для свободного перетока в начале материальных, а затем и денежных средств предприятий. Активно осуществляемое перераспределение государственной собственности очень часто служило базой создаваемых ассоциаций, корпораций, затем коммерческих банков.

В начальный период отмечался повышенный, основанный на оптимистической надежде, интерес к иностранным инвесторам. Основной аргумент заключался в следующем: у нас есть свободные производственные площади, квалифицированная рабочая сила - предлагаем создать СП и осуществлять выпуск гражданской продукции, в том числе и наукоемкой. В настоящее время предприятия больше рассчитывают на собственные силы. Приоритет и однозначность цели по созданию совместного производства для реализации крупных инвестиционных проектов типа реконструкции завода в целях выпуска технически сложной продукции сменился поиском новых, более реальных форм сотрудничества. В настоящее время предприятия предлагают не только продажу оборудования, технологий, готовой продукции, либо бартерный обмен, но и предоставление производственных площадей, в целях их использования как складских помещений, для развития дилерской сети, либо просто выполнения посреднических функций по продаже товаров. Это связано как с эффективностью краткосрочных и сверхкраткосрочных инвестиций в условиях кризиса в экономике, так и низкой степенью технико-технологической оснащенности предприятий оборонного комплекса, недостаточной для более сложных форм сотрудничества.

Реальная стратегия конверсии в этот период заключалась в следующем: резкое сокращение бюджетных ассигнований в ВПК, государственных заказов на военную продукцию, отсутствие четких перспектив в области производства военной продукции, механизма финансирования конверсии и соответствующих нормативных документов.

Объективным результатом этого явилось снижение доли военной продукции в общем объеме производства промышленной продукции предприятий, отнесенным к конверсионным, по отраслевой принадлежности к союзным министерствам оборонной промышленности.

**(1) Доля военной продукции в общем объеме
промышленного производства предприятий ВПК региона. %***

	1990	1991	1992	1993	1994
Приморский край	68,9	51,4	43,0	56,5	53,5
Хабаровский кра	73,0	65,9	78,0	62,0	71,8
Амурская область	33,9	31,1	9,0	43,6**	0,1

Источник: Данные статистических управлений, администраций краев и области, предприятий.

* Расчеты произведены в действующих ценах соответствующего года. Общее число предприятий, включенных в систему оборонного комплекса Амурской области - 3, Приморского края - 19, из них 6 перешли на выпуск гражданской продукции, Хабаровского края - 15, из них 6 не выпускали военную продукцию в 1993 г., и 7 в 1994 г. С 1993 г. доля военной продукции рассчитывалась только для предприятий, имеющих военный заказ.

** Данные на 1.07.1993 г.

Сокращение объемов производства предприятий ВПК региона в 1994 г. к уровню 1991 г. составило в среднем 60% по каждому из типов производства: военное и гражданское. При этом с 1993 г. темпы падения производства гражданской продукции были выше на 5-6%, чем военной.

Прямое снижение финансирования и потребности в военной продукции со стороны государственного заказчика сопровождалось снижением конкурентоспособности как военной, так и гражданской продукции предприятий ВПК Дальнего Востока на внутреннем потребительском рынке. Это явилось следствием действия региональных удорожающих факторов.

Издержки производства при сравнимом технико-технологическом уровне производства на предприятиях ВПК региона всегда были на 60-80% выше, чем на аналогичных предприятиях других районов России и компенсировались из государственного бюджета. В последнее время процесс роста инфляции издержек усилился. Очередное повышение цен на энергетические ресурсы поставило предприятия на грань остановки. Увеличились транспортные тарифы.

Кроме общих причин спада, характерных для кризисной ситуации в экономике России, возникли ограничения со стороны платежеспособного спроса населения. Причина заключалась и в спонтанном выборе нового вида гражданской продукции, не ориентированном на изменение потребительского спроса населения, и в выполнении директивно установленных плановых заданий по переходу на производство сложной бытовой техники, технологического оборудования для агропромышленного комплекса, торговли и общественного питания в соответствии с программой конверсии, принятой в бывшем СССР.

В результате производство отдельных видов гражданской продукции, в натуральном выражении, в 1994 г. на предприятиях ВПК было снижено на 80-90% к уровню 1991 г.

На этом этапе конверсии произошла дифференциация оборонного комплекса региона по степени сокращения военных заказов, а также условий и методов проведения конверсии.

Первая группа - это предприятия, имеющие 100% военного заказа и не подлежащие конверсии, а также имеющие долю военного заказа от 70 до 90%. В 1994 г. в эту группу входили предприятия: "Гранит", "Восток", ПБ "Волна", "Вымпел", Авиацонная компания "Прогресс", АО "Тихоокеанское предприятие "ЭРА", завод "Звезда".

Вторая группа - это предприятия, для которых сокращение военных заказов было значительным и ожидается его дальнейшее уменьшение. Вместе с тем не решен вопрос о их полном перепрофилировании на выпуск гражданской продукции, и возможность размещения военного заказа сохраняется. Сокращение военных заказов для данных предприятий составило 50-70%.

С точки зрения возможности полной конверсии эти предприятия делятся на две категории. Во-первых, это предприятия, производственные мощности которых не могут быть перепрофилированы на выпуск гражданской продукции, однако на них происходит значительное сокращение военного производства. Для сохранения своего существования данные предприятия рассматривали возможности переработки подлежащей утилизации военной продукции, а также создания новых производственных мощностей по выпуску продукции высоких технологий с использованием местных сырьевых ресурсов. Во-вторых, это предприятия, производственные мощности которых могут быть перепрофилированы на выпуск гражданской продукции: Хабаровский судостроительный завод, АО "Амурский судостроительный завод". Предприятия сохраняют свой производственный профиль, но должны реконструировать действующие и создать новые мощности.

Третья группа - это предприятия, которые либо совсем не имеют военного заказа (5 - в Приморском крае, 6 - в Хабаровском крае), или этот заказ имеет достаточно небольшой объем в общем выпуске продукции предприятия. К данной группе относятся также строящиеся предприятия.

На действующих предприятиях конверсия проводится в форме перепрофилирования на производство гражданской продукции, ориентированной на удовлетворение внутрирегиональных потребностей. Прежде всего это производство оборудования для АПК, фермерских хозяйств, производство медицинской техники, бытовой электроники. Предприятия с незавершенным строительством, такие как "Парус", "Полимер" активно осуществляют налаживание производства под выпуск гражданской продукции.

Таким образом, экономическая ситуация на оборонных предприятиях характеризуется резким падением прибыльности, снижением инвестиционной активности и стремлением сохранить производственный потенциал на минимально возможном уровне.

Недостаточное финансирование за прошедшие пять лет позволяло лишь в основном сохранить кадровый потенциал и производство. Финансовые средства направлялись на поддержку существующих производственных мощностей, содержание мобилизационного потенциала, заработную плату.

Период проведения конверсии можно охарактеризовать как период технического, технологического застоя, отрицательно сказавшемся на темпах научно-технического прогресса, на существующем, и без того низком качественном уровне материально-технической базы оборонных предприятий региона, не соответствующем мировым стандартам.

Не оказывают положительного влияния на ситуацию и программы конверсии регионального и федерального уровня, которые были разработаны

в 1992 г. и начали частично реализовываться. Предприятия региона участвуют в федеральных программах конверсии: "Возрождение Российского флота", "Развитие гражданской авиационной техники", "Разработка и производство новых видов медицинской техники". В соответствии с этими программами Арсеньевский авиационный комплекс "Прогресс" освоил производство минивертолетов для несения патрульной службы в городских условиях, на очереди производство восьмиместного вертолета и суперлайнера АН-74. "Амурмаш" приступил к выпуску автобусов (вместимостью 110 человек), с годовой производительностью 2,5 тысячи штук.

Реальные инвестиции на осуществление конверсионных проектов практически отсутствуют. Предоставляемый конверсионный кредит оказывается во много раз меньше устанавливавшегося до начала конверсии финансирования. При общей инвестиционной потребности в регионе на выполнение программ конверсии, рассчитанных на период 1992-1995 гг., в сумме около 2 млрд. ам.долларов, за 1992-1994 гг. было направлено менее 1% капитальных вложений.

Все большую остроту приобретает проблема занятости, обостряется социальная напряженность на предприятиях ВПК. Заработная плата выдается с задержками. На заводе Амурмаш на май 1995 г. не была выплачена заработная плата за 1994 г. Абсолютный отток кадров сопровождается потерей квалификации, отсутствием обновления состава работающих.

Социальная и экономическая цена реорганизации ВПК региона оказывается намного выше, чем могла бы быть. Многоплановый процесс снижения уровня милитаризации экономики искусственно ограничивается лишь рамками промышленного производства. Реально полного перепрофилирования военно-сборочных производств на выпуск гражданской продукции не происходит.

При сохранении мобилизационного потенциала и возможности размещения военного заказа, предприятия находятся на стадии коммерциализации использования существующего оборудования и технологий, производственных площадей. Коммерциализация происходит в значительной степени спонтанно, характеризуется низкой степенью компетентности руководителей при работе с партнерами как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Отсутствие координации и кооперации между предприятиями и научными центрами, инвестиций приводит к развитию производств, ориентированных не на выпуск наукоемкой продукции, а на эффективные в данный момент товары широкого потребления, с разработкой которых могут справиться конструкторские подразделения предприятий.

С момента принятия постановления Правительства Российской Федерации № 479 (1994), предоставившего производителям оружия право экспортировать его самостоятельно все большее значение приобретает ранее провозглашенный принцип так называемой "экономической конверсии" в противовес существовавшей концепции "физической конверсии". Вместо инвестиций из государственного бюджета на перепрофилирование военных производств и выпуск гражданской продукции предприятия получили свободу использования части выручки от экспорта оружия. Прогноз в таком способе получения финансовых средств более чем пессимистический, по оценке руководителей предприятий.

Приобретение лицензий на экспорт военной продукции сдерживается недостаточным знанием рынка вооружений, длительным процессом согласования вопросов продажи оружия с Росвооружением, а также меньшей конкурентоспособностью предприятий региона в условиях конкурсного размещения военного заказа.

Помощь Японии экономическим реформам России

© 1995

Э.Кикабидзе

Еще в 1969 г. Япония приняла ряд специальных решений по предоставлению международной помощи в виде субсидий по каналам двусторонних связей и с тех пор расширяет ее соразмерно с экономическим развитием своей страны. В 1991 году, согласно данным об официальной помощи развитию (ОПР), Япония, вторая экономическая держава в мире по объему валового национального продукта, стала крупнейшей страной-донором, оказывающей экономическую помощь другим государствам. В июне 1992 г. Япония опубликовала свою, так называемую Хартию ОПР, в которой излагается стратегия оказания Японией экономической помощи. В будущем Япония намеревается не только расширить и качественно улучшить свою помощь нуждающимся, но и более успешно и эффективно воплотить ее в жизнь.

ОПР осуществляется в виде грантов и безвозмездного технического содействия (в рамках двустороннего сотрудничества), в форме правительственных займов и пожертвований и вкладов в международные организации (формы многостороннего содействия)¹.

Гранты предоставляются развивающимся странам без обязательства их возмещения. Техническое содействие многим развивающимся странам Япония оказывает с целью совершенствования людских ресурсов в интересах государственного строительства в этих странах. Содействие оказывается в ответ на нужды стран-реципиентов и приобретает разнообразные формы, от санитарно-медицинской помощи и до помощи в области компьютеризации и т.п.

Поддерживаемое правительством техническое содействие включает: 1) прием стажеров на обучение; 2) направление специалистов на работу за границу; 3) снабжение оборудованием и материалами; 4) техническое содействие в виде какого-либо комплексного проекта, включающего вышеуказанные пункты; 5) исследование проблем развития; 6) командировки членов Добровольной организации внешнего сотрудничества (ДОВС).

Другими формами помощи являются обучение иностранных студентов за счет правительственных субсидий, обследования, научно-исследователь-

Кикабидзе Этери Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

ские проекты, прием стажеров на обучение и командировки специалистов на работу за рубежом местными властями.

Государственные "иеновые займы", как форма помощи, предоставляются под низкие проценты с длительными сроками их возвращения на гибких условиях. Такая форма сотрудничества способствует экономическому подъему стран, уже находящихся на достаточно высокой стадии экономического развития, и предполагает предоставление ресурсов, необходимых прежде всего для социально-экономической инфраструктуры. При этом предпочтение отдается содействию, осуществляемому через международные организации, так как оно считается политически нейтральным видом помощи.

В последние годы Япония стала оказывать помощь странам Восточной Европы и СНГ, включая Россию. Еще в декабре 1990 г. на волне всеобщей поддержки странами Запада перестройки в бывшем СССР японское правительство приняло решение выделить России низкопроцентный кредит в 100 млн. долл. экстренных поставок продовольствия и медикаментов. Однако впоследствии появились некоторые "технические проблемы", которые помешали реализовать льготный кредит. В частности, выяснилось, что для выделения государственным Экспортно-импортным банком Японии кредитов национальным торговым компаниям - поставщикам медикаментов и продовольствия - необходимы гарантии Государственного банка СССР, который тогда не смог их предоставить. С распадом СССР возникла проблема страны назначения намеченных поставок. Первым практическим шагом к реализации этой "экстренной" программы стало заключение в мае 1993 г. крупной японской торговой фирмой "ТОМЭН" контракта с государственной российской компанией о поставке в Россию партии ветеринарных препаратов на сумму 900 млн. иен (примерно 8,2 млн. долл.)². Однако только в декабре 1993 г. фирма приступила к отгрузке медикаментов в Россию. Еще одна японская компания, "Искра", специализирующаяся на экспорте медикаментов и медицинской техники в страны СНГ, в январе 1994 г. начала отгрузку в Россию партии аминокислот на общую сумму 30 млн. иен (около 270 тыс. долл.). Кроме того, правительство Японии в конце 1994 года решило в рамках экстренной помощи предоставить России сливочное масло и другие молочные продукты, но это скорее связано с тем, что наблюдается их перепроизводство. Япония с 1993 г. осуществляет гуманитарную помощь России, но крупные поставки России сельхозпродукции в соответствии с этим решением начали осуществляться впервые. Россия должна была получить продовольствия на общую сумму 17,5 млн. долл., которое направлялось в города российского Дальнего Востока³. Таким образом, реализация экстренной помощи России со стороны Японии была задержана почти на три года.

По объему объявленной экономической помощи России Япония занимает пятое место в "семерке" ведущих государств. При этом, японский взнос в будущие кредиты для России по линии международных организаций больше суммы двусторонней помощи. Япония предпочитает действовать по многосторонним каналам, отодвигая на второй план прямые контакты с Россией. Помощь Японии в этом смысле является составной частью пакета мер по содействию России, принятого апрельским 1993 года совещанием министров иностранных дел и финансов стран "семерки" в Токио. Япония взяла на себя десятую часть финансирования международного фонда содействия малому и среднему бизнесу России, общий размер которого составляет 300 млн. долл.⁴

Программа многосторонней помощи России обсуждалась также на встрече "семерки" в Неаполе (июль, 1994 г.). Эта программа сосредоточивает

внимание на поддержке структурных реформ и на проведении в России эффективной макроэкономической политики.

Объемы помощи Запада странам Восточной Европы, включая Россию, были достаточно ограниченными как в абсолютном выражении, так и в процентном отношении к валовому национальному продукту государств-доноров. Например, Австрия выделила на эти цели 0,22% своего ВВП, Германия - 0,20%, Франция - 0,03%, а США и Япония - по 0,01%. На первом месте по объему выделенных средств стоит Германия (в 1992 г. - 3,9 млрд. долл.), на втором - США (740 млн. долл.), на третьем Италия (460 млн. долл.). Австрия по объему помощи (410 млн. долл.) почти вдвое опередила Японию (240 млн. долл.).

В настоящее время созданный для содействия странам бывшего социалистического блока в переходе от плановой экономики к рыночной фонд банка составляет 10 млрд. экю. Однако этих финансовых средств, по мнению японских экспертов, может оказаться недостаточно для полномасштабной реализации программ содействия. Если в 1992 г. по линии ЕБРР бывшим странам соцлагеря было предоставлено кредитов на сумму 1,1 млрд. экю, то в 1993 г. - уже 2,3 млрд. экю⁵.

Япония сохраняет осторожный подход к финансированию каких-либо проектов в России на двусторонней основе, поскольку нет уверенности в стабильности в отношении экономической ситуации. Частным акционерным компаниям страны трудно осуществлять инвестиции в экономику России, за которой осталась непогашенной задолженность. Японские банки не санкционируют сделки частных компаний в России, если обнаруживают непогашенную задолженность по предыдущим сделкам.

Российские предприятия, как показали совместные встречи деловых кругов России и Японии, не осознают необходимости скорейшего решения этой проблемы. В феврале 1994 г. российской стороне был предложен разработанный Токийским клубом проект решения проблемы погашения коммерческой задолженности (примерно 1,6 млрд. долл.). В частности, предполагалось использовать систему экономической помощи для уплаты долга. В качестве формы возврата задолженности предполагалось десять выплат каждые полгода равными частями⁶.

В январе 1995 г. пул из тринадцати крупных японских торговых компаний выразил намерение начать переговоры с Россией по долгу бывшего СССР этим фирмам на сумму 940 млн. долл. Из долгового пакета в 940 млн. долл. более 600 млн. долл. приходится на долю трех крупных компаний - "Ниссио иваи", "Марубэни" и "Мицубиси". Японские эксперты придают важное значение подписанию данного соглашения. По их мнению, это окажет позитивное влияние и на ход переговоров по долгам России мелким и средним торговым фирмам Японии на общую сумму 160 млн. долл.

Прямые японские инвестиции в экономику России весьма малы. Пассивность японских компаний объясняется политической нестабильностью в России, кризисом российской экономики, несовершенством законодательной базы, постоянным изменением нормативных актов, а также общей коррумпированной и преступной атмосферой в России.

Несмотря на это японские эксперты все чаще указывают, что предпринимателям Японии не следует воздерживаться от сотрудничества с российскими компаниями и ждать момента, когда в России стабилизируется экономическая ситуация и будут созданы стройные финансовые и законодательные системы, отвечающие требованиям рыночной экономики. Они считают, что необходимо учитывать трудности переходного периода в России, выбирать конкретные направления двустороннего сотрудничества, и способство-

вать укреплению в России рыночной экономики. Однако, по мнению японских экспертов, и российская сторона должна предпринимать, в свою очередь, встречные попытки к развитию сотрудничества с зарубежными партнерами. Так, например, профессор Цунзо Морита полагает, что России необходимо выработать и проводить специальную политику, направленную на привлечение иностранных инвестиций. Для этого предлагается создать в России правительственные агентства, ответственные за финансирование перестраивающихся или репрофилирующихся предприятий, например Банка развития, который бы регулировал потоки иностранного капитала.

В настоящее время правительство и частный капитал Японии намерены тщательно следить, в каком порядке и на какие цели Россия будет использовать ранее выделенные ей средства по линии Экспортно-импортного банка и как они будут возвращаться. Только после этого, по мнению японского эксперта Кэнсаку Кумабэ можно будет начинать разговор о новых кредитах и инвестиционных проектах. В частности, МИД Японии в марте 1994 г. направил в Россию неофициальную группу в составе семи японских экспертов, которая в ходе работы в Хабаровске, Владивостоке и других городах изучала положение дел с японской экономической помощью, направляемой по официальным каналам в регионы Дальнего Востока России.

Во время визита в Японию (ноябрь 1994 г.) первого вице-преьера РФ Олега Сосковца, между Россией и Японией была достигнута договоренность об отсрочке выплаты долгов экс-СССР на сумму 280 млн. долл.⁶ Россия подтвердила свои обязательства по долгам бывшего Советского Союза, неясность в вопросе которых тормозила развитие двусторонних торговых отношений. Япония, в свою очередь, определила наконец, свой собственный подход к России. В ходе визита первого вице-преьера РФ министр внешней торговли и промышленности Японии Рютаро Хасимото передал японский сценарий оказания содействия российским реформам, сразу получивший название "План Хасимото". Этот документ представляет собой попытку свести воедино уже предлагавшиеся ранее японским правительством меры технической и финансовой помощи для успешного осуществления рыночных преобразований в России.

Провозгласив своей целью содействие России в выполнении среднесрочной программы экономического развития на 1995-1997 гг., "План Хасимото" выделяет в этой связи следующие приоритетные направления: развитие российского экспорта, совершенствование структуры экономики РФ, выработка курса промышленной политики России с целью достижения стабильного экономического роста.

По мнению составителей плана, для расширения экспортных возможностей России необходимо прежде всего оказать помощь энергетическому комплексу, продукция которого составляет 48 процентов всего экспорта страны, а также поддержать предприятия, имеющие потенциал для выхода на внешний рынок. В плане предлагается, в частности, использовать для модернизации производственного оборудования средства в рамках выделенного ранее лимита государственного страхования внешнеторговых операций с Россией. В ходе визита представительной российской делегации был определен целый ряд инвестиционных проектов, на которые японское правительство решило распространить систему государственного страхования внешнеторговых операций. Для совершенствования структуры российской экономики МВТП Японии готово оказать техническую помощь промышленным гигантам бывшего СССР, а также нарождающемуся малому и среднему бизнесу.

Что касается достижения стабильного экономического роста России, то, по замыслу авторов "Плана Хасимото", японская сторона могла бы внести

вклад в разработку курса промышленной политики правительства РФ, ежегодно направляя в Москву своих консультантов-рыночников.

В процессе перестройки экономической системы Россия столкнулась не только с дефицитом финансовых средств, но и с такими насущными проблемами как отсутствие управленческих кадров. Решение проблем организации труда в условиях рыночной экономики оказалось для российских предприятий насущно необходимым. В этот период очень важны любые попытки Японии поощрять развитие людских ресурсов в России и не только в сферах контроля производства и финансовой системы, но и в управлении экономикой и административном менеджменте.

По мнению многих японских экспертов и, в частности вице-президента японского филиала "Барклайс банка" Кэн Сунамуры, Японии следовало бы более широко оказывать техническую помощь, опираясь на свой ценный опыт успешной послевоенной реконструкции экономики страны¹⁰. Техническое содействие Японии, по мнению исполнительного директора Национальной корпорации малого бизнеса Кэйсиро Кавамо, подразумевает не только проведение семинаров, обмен специалистами и оказание консультативной помощи, но и создание на территории России специальных центров обучения российских предпринимателей. В рамках технической помощи правительство Японии разработало конкретные проекты трех основных крупных центров в Москве, Владивостоке и Хабаровске и двух малых в Санкт-Петербурге и Южно-Сахалинске.

На работу в японские центры будут направляться представители экономических и деловых кругов, эксперты и сотрудники частных компаний. Их задача - на основе собственного опыта и при помощи современных средств обучения передать российским слушателям накопленные Японией знания в таких областях, как макроэкономическая политика, реформы финансовой, кредитно-денежной системы и промышленных структур, а также становления малого и среднего бизнеса. Желающие могут изучать также японский язык, основы информатики и работу с компьютером, необходимые современному бизнесмену. Общая стоимость проекта составит предположительно 90 млн. долл. Эта сумма будет выделена из 190 миллионного взноса Японии в Фонд содействия переходу к рыночной экономике, который был образован по решению состоявшейся в апреле 1993 г. в Токио конференции стран "семерки" по проблемам помощи странам бывшего СССР¹¹.

В оказании технической помощи России Япония делает акцент на подготовку специалистов по менеджменту. Так во время визита в Москву в марте 1994 г. бывший глава МИД Японии Цугому Хата предложил комплексную программу помощи России. Основой программы является создание на экономической факультете МГУ "Исследовательского центра обучения японским методам менеджмента". Одним из первых конкретных реализуемых проектов оказания Японией содействия российским реформам, является создание в Москве японского образовательного Центра менеджмента. Договор об этом подписан в марте 1994 г.¹² Многоаспектная деятельность Центра, который действует с сентября 1994 г., нацелена на освоение опыта японского менеджмента и его широкое распространение в России. Речь идет о проведении научных исследований, выпуске пособий и учебных материалов.

Первый на российском Дальнем Востоке японский учебный центр для бизнесменов был открыт в ноябре 1994 года в Хабаровске. На 36 учебных мест в центре претендовали около 100 предпринимателей. Слушатели изучают японский опыт управления производством, основы маркетинга и менеджмен-

та. В дальнейшем предусмотрено изучение японской банковской и аудиторской систем. В 1995 г. предполагается открытие подобного центра во Владивостоке.

Доступ к передовым японским промышленным технологиям российские предприниматели, ли смогут получить, пройдя соответствующую подготовку в высших учебных заведениях Владивостока. На их базе по договоренности с "РОТОБО" (Японская ассоциация по торговле с Россией и странами Восточной Европы) создаются соответствующие учебные центры. Их открытие будет осуществляться в процессе реализации финансовой помощи России. Согласно этой программе российским деловым кругам из бюджета Японии выделено 30 млн. долл.¹³ Большая часть этих средств направляется в Приморье, а уже местная администрация решила вложить их в образование.

Японская сторона намерена принимать на стажировку в частных компаниях и государственных ведомствах большие группы специалистов из России. Во время своего визита в Россию бывший глава МИД Японии Цутому Хата объявил о готовности Японии пригласить в 1995 г. для стажировки несколько сотен российских молодых бизнесменов.

Примерно около двух с половиной лет назад началось российско-японское сотрудничество в области малого и среднего бизнеса. Известно какую важную роль сыграло мелкое предпринимательство в послевоенном формировании японской экономики. Председатель Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству Исаму Ямасита назвал малые и средние предприятия "колыбелью индивидуальных технологий", составляющей "подножье гор", вершинами которых были крупные предприятия. Малые фирмы на деле являются источником гибкости японской экономики, живым творческим звеном, на базе которого образуются крупные корпорации типа "Хонда мотор" или "Мацусита".

Создание в различных отраслях хозяйства широкой сети малых и средних предприятий в условиях нынешнего кризисного состояния экономики России смогло бы ускорить решение целого ряда неотложных проблем: наполнение потребительского рынка товарами и услугами, создание новых рабочих мест, вовлечение в производство дополнительных производственных и материальных ресурсов. Становление малого и среднего предпринимательства в России идет очень тяжело по целому ряду причин, связанных с общей политической и экономической ситуацией в стране.

Для того, чтобы сделать российско-японское сотрудничество более эффективным, Россия, по мнению экспертов, должна решить такие проблемы как предоставление малым и средним предприятиям производственных площадей и офисов, создание системы финансово-кредитного обеспечения их деятельности, страхование финансирования малого и среднего бизнеса, проведение научных исследований применительно к данной области.

Использование богатейшего японского опыта развития малого бизнеса может существенно сэкономить время и ресурсы для решения возникающих проблем при реформировании российской экономики.

Президент Российской Федерации Б.Ельцин во время визита в Японию (12 октября 1993 г.) приветствовал создание международного центра малых и средних предприятий во Владивостоке. "Пусть контакты на уровне малого и среднего бизнеса прокладывают путь впечатляющим проектам освоения Сибири и Дальнего Востока, акватории Японского и Охотского морей". На встрече с Президентом России президент Кэйданрэн (Федерация экономических организаций Японии) господин Хираива от имени деловых кругов страны заявил, что вместе с правительством бизнесмены готовы оказать народу России любую возможную помощь и поддержку, но российское правительство

должно, в свою очередь, стремиться к устранению факторов, тормозящих российско-японское торгово-экономическое сотрудничество.

* * *

Несмотря на некоторую заторможенность, зависящую не только от позиции Японии, но и от условий, организации и темпов проведения экономических реформ в нашей стране, Япония стремится оказать России наряду с гуманитарной, финансовую и особенно техническую помощь. По мнению японских экспертов, в настоящее время, когда велик технологический разрыв России с промышленно развитыми странами и Японией, в том числе, без притоков капиталов, технологий и квалифицированных кадров нельзя создать конкурентоспособную промышленность. Необходимо проводить политику, направленную на экономическую стабилизацию, снижение финансовых рисков, ускорение широкого спектра системных реформ, в том числе в области внутреннего законодательства и урегулирования проблемы внешних долгов.

Наряду с выжидательной и осторожной позицией японского частного бизнеса по отношению к инвестированию в российскую экономику можно отметить тенденцию к поиску решений проблемы коммерческой задолженности России.

Япония, являясь признанным во всем мире лидером в области менеджмента, предпринимает различные шаги для оказания помощи России в подготовке квалифицированных кадров, в частности, в сфере административного управления экономикой. Российские партнеры приглашаются на стажировку в Японию, им предоставляется возможность непосредственно черпать опыт в японских учреждениях и частных фирмах. Кроме того, японские специалисты участвуют в создании на территории нашей страны различных центров по обучению российских партнеров.

По мнению признанного авторитета в сфере экономических связей с Россией и другими странами СНГ, исполнительного директора одной из крупнейших японских торговых компаний "Ниссико иваи" С.Иосида, начался процесс ликвидации ненормального дисбаланса в двусторонних отношениях, в которых на первом плане всегда были лишь политические проблемы, а экономическая сфера неизменно оставалась в тени¹⁴.

1. Основные данные о японской официальной помощи развитию. - МИД Японии. - Токио, июль, 1993. - С. 40.
2. ИТАР ТАСС. Серия "АК". - 1994. - 6 декабря. - С. 7.
3. ИТАР ТАСС. Серия "МЭИ". - 1994. - 17 марта. - С. 8.
4. Мировая экономика и международные отношения. - 1993. - № 11. - С. 46.
5. ЭКО ТАСС. - 1994. - 19 апреля. - С. 5.
6. ЭКО ТАСС. - 1994. - 23 ноября. - С. 13.
7. ИТАР ТАСС. Серия "АК". - 1995. - 10 января. - С. 6-7.
8. Дипломатический вестник. - 1994. - № 23-24. - С. 14-16.
9. ИТАР ТАСС. Серия "АК". - 1994. - 29 ноября. - С. 11.
10. Япония о себе и мире. Дайджест. - 1994. - Июнь. - № 7. - С. 131-132.
11. ЭКО ТАСС. - 1995. - 11 января. - С. 3.
12. Япония сегодня. - 1994. - № 6. - С. 27.
13. ЭКО ТАСС. - 1993. - 10 декабря. - С. 4.
14. Коринф. - 1995. - № 1. - С. 20.

Государство и общество

Политические реформы в современной Монголии

© 1995

Г.Яскина

Примерно с середины 1980-х годов в монгольском обществе начали проявляться первые явные признаки неблагополучного положения дел во всех сферах политики, экономики и культуры. Официальная статистика продолжала фиксировать рост национального дохода, расширение импортно-экспортных операций, рост новых городов и т.д. Но это был лишь внешний фасад здания, фундамент которого давно подтачивали многие неблагоприятные факторы. Так, в национальном доходе значительную часть занимали советские кредиты, а за монгольской экономикой все прочнее закреплялось положение сырьевой базы. Сельское хозяйство было в значительной степени обескровлено непосильными многолетними государственными поставками продукции, и продовольственные фонды начали истощаться. Страна стала страдать от недостатка электроэнергии, жидкого топлива, продуктов питания, товаров повседневного спроса. Упадок наметился в организации народного образования, здравоохранения, снизилось качество работы учреждений культуры.

Одновременно произошло усиление "руководящей и направляющей роли" единственной в то время партийной структуры в МНР - Монгольской народно-революционной партии. Ее ячейки функционировали во всех предприятиях и организациях, а их руководители являлись важным звеном в механизме управления всеми государственными делами сверху до низу.

Тотальная централизация - характерный признак монгольской политической системы, подавляла творческую активность населения, лишала страну в целом стимула развития.

Внешним толчком, побудившим Монголию осознать невозможность дальнейшего продвижения вперед, оставаясь в плену старой идеологии, послужили события в Советском Союзе, когда советским руководством во главе с М.С. Горбачевым был взят курс на радикальную перестройку общества.

Почва для восприятия обновленческих идей в МНР к этому времени была уже подготовлена. Первая широкомасштабная вспышка недовольства пришла на декабрь 1989 г., когда по стране прокатилась волна митингов и

забастовок, направленных против деятельности руководящих органов МНРП, правительства, за выход МНР из зоны советского влияния и т.д. 10 декабря того же года был создан Монгольский Демократический союз (МДС), массовая организация, основной состав которой представляла революционно настроенная молодежь. Это была первая политическая оппозиция МНР за последние несколько десятилетий.

Из недр демократического движения в первой половине 1990 г., вслед за МДС, возникли новые политические партии, большинство которых присоединилось к оппозиции. Наиболее значительными были: Монгольская демократическая партия (МДП), Монгольская социал-демократическая партия (МСДП), Монгольская партия национального прогресса (МПНП), Монгольская партия свободного труда (МПСТ), Монгольская партия зеленых (МПЗ) и ряд других. Несмотря на некоторые различия в программах, все эти организации представляли собой ту или иную разновидность демократии, что во многом объясняется однородностью социального состава - учащаяся молодежь, техническая или гуманитарная интеллигенция, рабочие и служащие. В то время частный сектор находился в зачаточном состоянии и его представители, хотя и объединенные в рядах МПСТ, имели еще слабую общественную поддержку. То же самое можно сказать и о социал-демократах - в монгольском обществе того времени не было либеральной буржуазии, которая могла бы взять на себя историческую задачу решения социальных проблем общества.

Монгольская партия зеленых поставила перед собой цель - сохранять первозданную природу страны, окружающую среду. Но такая цель в период политических катаклизмов обычно отходит на второй план. Так произошло и в Монголии. Деятельность МПЗ в начале 90-х годов оставалась малозаметной.

Более популярными были демократическая партия и партия национального прогресса. Первая имела общие корни с Монгольским демократическим союзом, пользовалась его всесторонней поддержкой и помощью. Ее задача - демократизация всех сторон общественной жизни - казалась понятнее массам, особенно тем, что была противопоставлена политике МНРП, которая в 1990 г. еще и не помышляла об отказе от марксистских позиций. Условно говоря, это партия рыночников. В ее рядах насчитывалось немало известных экономистов страны, политэкономов, финансистов, банковских работников. Она стала быстро приобретать авторитет, так как отстаивала общую задачу, постепенно осознаваемую всем обществом, - необходимость перехода к рыночной экономике.

До начала марта 1990 г. МНРП в основном занимала выжидательную позицию: она не искала консенсуса с новыми демократическими силами, но и не выступала в открытую против их активной деятельности в массах. Подобная реакция проистекала из уверенности политического лидера государства в незыблемости своих позиций, а с другой - отчасти из-за растерянности в условиях отсутствия опыта политической борьбы с оппозицией.

Первые два месяца 1990 г. прошли под знаком развития демократического движения, чьи отголоски стали ощущаться на периферии, в глубинке, где МНРП еще пользовалась авторитетом, особенно среди аратов (крестьянства). На местах возникали ячейки МДП, МСДП, МПНП и других. Местные власти, включая организации МНРП, препятствовали деятельности новых ячеек административными методами, поэтому провинциальные группы и отделения оппозиционных партий не могли оказать центру действенной поддержки, хотя их представители неоднократно выезжали в столицу на инструктаж, для участия в различных акциях протеста против старого мон-

гольского руководства страны. Таким образом, главным очагом демократического движения оставался Улан-Батор.

Демократическое движение начала 1990 г. характеризовалось особым накалом радикалистских настроений. Мартовские массовые митинги, особенно голодовка, объявленная группой молодых демократов, вынудила МНРП согласиться на крупные уступки - политбюро ЦК МНРП во главе с генеральным секретарем объявило об уходе в отставку в полном составе.

Таким образом, дорога к дальнейшим радикальным преобразованиям в монгольском обществе оказалась расчищенной. 12 мая 1990 г. весенняя сессия Великого народного хурала* приняла Закон о партиях, дающий им право на официальную регистрацию в качестве таковых Верховным судом МНР, а следовательно и на легальную деятельность, на участие в выборах в любые органы государственной власти. Был также принят Закон о выборах в хуралы всех ступеней и определена процедура выборов.

Президиум Великого народного органа принял решение об учреждении в Монголии должности президента страны.

Мартовские события вызвали правительственный кризис: необходимо было обновить состав хуралов и сформировать новый кабинет министров.

МНРП приняла активное участие во всех этих процессах, несмотря на то, что ее поддерживали только 33,8% опрошенных¹.

Документальную основу деятельности МНРП в новых условиях составили решения ее чрезвычайного съезда.

Съезд принял новые Программы (Платформа партии) и Устав МНРП; в отличие от действовавших ранее они свидетельствовали о намерении народно-революционной партии отказаться от теоретического догматизма и превратиться в творчески мыслящую партию, поддерживающую плюрализм мнений. Она провозгласила себя партией народной демократии, придерживающейся идеи научного социализма.

Новый Устав МНРП открывал путь к демократизации внутривнутрипартийных отношений, к отмене прежних, диктаторских форм руководства государственнымными, общественными, хозяйственными и культурными организациями.

Чрезвычайный съезд призвал население к национальному согласию и выдвинул такие неотложные задачи, как досрочное проведение демократических выборов в народные хуралы всех степеней, поддержка всех форм собственности и переход к рыночной экономике, углубление социальной направленности внутренней политики государства, возрождение ценного наследия национальной культуры - истории, религии, прогрессивных традиций².

После съезда предвыборная кампания развернулась с новой силой. Характер кампании определяло противостояние МНРП и новых демократических партий.

Оппозиционеры продолжали жестко критиковать МНРП, возлагая на нее ответственность за выбор страной некапиталистического пути развития, за тесное сотрудничество с КПСС, а также за развал экономики и неэффективное внешнеэкономическое сотрудничество.

Молодые партии активно разыгрывали "советскую карту", обвиняя Советский Союз в несправедливой политике по отношению к МНР - в неравноправной внешней торговле, навязывании планов социалистической индустриализации и кооперирования крестьянства, подавлении национальных и культурных традиций и т.д.

* Двухпалатный монгольский парламент. Существовал до выборов в 1992 г.

В той критике было, на наш взгляд, много справедливого, но она часто выплескивалась за грани объективных фактов, хорошо известных населению: с помощью СССР, бесспорно, было покончено с эпидемиями и безграмотностью, созданы система народного образования и здравоохранения, научные учреждения, а также построены отрасли современной промышленности, транспорта и связи. Не говоря уже о неизменном выступлении Советского Союза на международной арене в защиту суверенитета Монголии, продвижении МНР в члены ООН, обеспечение приоритетного положения Монголии в составе Совета экономической взаимопомощи и многое другое.

Необъективность оценок, взятых оппозицией на вооружение, снижала рейтинг новых партий, как это стало ясно особенно к концу выборной кампании, настораживало многих избирателей.

Выборы в народные хуралы состоялись 29 июля 1990 г. В результате кандидаты от МНРП набрали 61,7% голосов избирателей, что обеспечило ей место правящей партии. Еще убедительнее были итоги выборов в Великий народный хурал, верховный орган власти страны, которые дали МНРП 84% мест, или 360 мандатов. Оставшиеся места распределились следующим образом: МДП - 3,9%, или 17 мест, по 5 мест (или в общей сложности 2,4%) - МПНП и МСДП. 39 мест (9%) в парламенте пришлось на долю независимых (беспартийных) депутатов и одно место было предоставлено депутату от МПСТ. Многие считали, что избиратели отдали предпочтение кандидатам в депутаты от МНРП потому, что она не оказала сопротивления требованиям масс об отставке политбюро ЦК, созвала Чрезвычайный съезд, согласилась на создание новых партий легитимным путем и участие в выборах на равных с ними правах³.

Но это объяснение - лишь один фрагмент общей картины, и она будет неполной, на наш взгляд, если не добавить: к моменту выборов за короткий срок МНРП сумела мобилизовать внутренние резервы и проявить довольно сильную политическую волю к победе, чему способствовали такие факторы, как значительное численное преимущество ее рядов. Известно, что накануне выборов в них состояло примерно 94-95 тыс. членов в то время, как в составе МДП вместе взятых - 7 тысяч, в МПНП - около 2 тыс. и по 800 человек в МПСТ и МПЗ⁴.

У МНРП была прочная материальная и финансовая база, под ее контролем все еще находился государственный бюрократический аппарат и почти все общественные организации. В глазах многих она оставалась инициатором политики перестройки, проявила склонность к консенсусу, призывала к национальному единению.

Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что в рядах МНРП были собраны наиболее образованные и политически грамотные кадры страны: 29,9% ее членов имели законченное высшее образование, а 30,4% - полное среднее или специальное среднее. В МНРП состояло 80% всех кандидатов и 90% докторов наук, которыми располагала Монголия.

Истоки победы народно-революционной партии следует искать также в слабости оппозиционных сил. Преимущественно молодежный состав новых партий благоприятствовал ведению "уличных" форм борьбы, но в иных условиях, на уровне выдвижения депутатов, вызывал недоверие, особенно у пожилых избирателей, относившихся к младодемократам скорее как к мальчикам, а не зрелым мужам, способным стать у кормила государственной власти.

Несмотря на поражение, оппозиция тем не менее получила ценные уроки политической борьбы. Не зря лидеры социал-демократов оценили итоги выборов как "крупный шаг в сторону демократии".

Первые демократические выборы в условиях многопартийности носили признаки либерализации: множественность кандидатур, допуск оппозиции к средствам массовой информации, состязательность. Но признать их подлинно демократическими затруднительно, так как они не изменили радикально всю политическую систему МНР: у власти осталась МНРП, хотя и в заметно обновленном виде; количество демократов, получивших парламентские мандаты, оказалось не столь значительно, чтобы противостоять натиску большинства, имеющего мандаты от МНРП.

В 1990 г. первая сессия нового Великого хурала избрала президента Монголии, первого в ее истории. Им стал видный государственный деятель, член МНРП (позднее он приостановит свое членство в этой партии) П.Очирбат. На заседании ВНХ 4 сентября 1990 г. президент торжественно поклялся "последовательно отстаивать национальное единство народа, независимость и полноправие Монгольской Народной Республики"

Введение института президента в политическую структуру монгольского государства было не просто перенесением на национальную почву примера Запада: Президент появился как символ нации, альтернатива прежним лидерам страны, как противовес опасности возрождения диктатуры правящей партии, гарант демократии.

Правда, права президента были значительно ограничены целой системой взаимных связей и обязательств перед парламентом, которому фактически стала принадлежать вся законодательная власть в стране.

Осенью 1990 г. в Монголии было сформировано новое правительство во главе с Д.Бямбасурэном, известным экономистом - практиком, значительное время проработавшим на довольно высоких хозяйственных постах. По его инициативе в кабинет министров вошли представители других партий, а не только МНРП, что придало ему коалиционный характер.

Правительство Д.Бямбасурэна стало проводить монетаристскую политику и явилось проводником новой экономической реформы, ключевой задачей которой была объявлена денационализация государственной собственности (приватизация).

Демократические выборы 1990 г. не поставили последнюю точку в проведении политических реформ, хотя и завершили их первый этап, заметно катализировав процесс обновления общества. Второй этап характеризуется прежде всего формированием юридической базы реформ. В 1991 г. была принята целая серия новых законов, а также изменения и дополнения в Гражданском кодексе МНР, суть которых заключалась в предоставлении права любому гражданину страны заниматься хозяйственной деятельностью, по собственному усмотрению выбирая форму собственности, Закон о хозяйственной единице, существенно расширяющей права предприятий, Закон о банках (государственном и коммерческих), Закон об индивидуальной трудовой деятельности, Закон о кооперации и другие.

В феврале 1991 г. в Улан-Баторе прошел XX съезд МНРП с повесткой дня "Общественно-политическое положение в МНР и задачи МНРП".

Съезд дал политическую оценку пройденного этой партией исторического пути, наметил методы решения назревших проблем, включая задачи по углублению курса на перестройку и обновление самой МНРП.

Большой интерес вызывает позиция XX съезда по партийным идеологическим установкам. Победа МНРП на выборах и обретение статуса правящей партии дали возможность отстаивать приверженность социализму, скоординировать социалистическое учение с происходящими в стране преобразованиями. "Насчет социального выбора у МНРП нет сомнений, - говорилось в

докладе председателя ЦК Г.Очирбата. - С этой высокой трибуны мы торжественно заявляем, что МНРП, ставя превыше всего права и свободы человека, прогресс, демократию, равенство, справедливость и гуманизм, будет последовательно бороться за предворение в специфических условиях Монголии идей научного социализма, направленных на утверждение спокойствия и благополучия, без насилия, гнета и эксплуатации"⁸.

Этот тезис подвергся резкой критике со стороны демократов, усмотревших в нем возможность возврата МНРП к ориентации на построение социализма.

Действительно, материалы съезда в этом плане производили впечатление двойственное: с одной стороны, ими признавалась самоценность социализма как науки (научный социализм), неправильность представления о нем в прошлом и поспешность в осуществлении замыслов, а с другой, - оправдывались необходимость централизации в руках государства производства и системы распределения, к чему привели "слаборазвитые производительные силы и бедная экономика, которые не в состоянии были обеспечить элементарные материальные и духовные потребности населения"⁹.

XX съезд внес дополнения в Устав МНРП: положение о том, что "МНРП будет проводить свою деятельность в рамках Конституции МНРП", требования о поддержке плюралистических начал в партийной деятельности, уважения взглядов меньшинства. В Устав был внесен и такой пункт: "В границах идей Программы и Устава в партии могут иметь место течения и фракции, придерживающиеся иных взглядов по вопросам их реализации"⁸.

Во время работы съезда активизировала свою деятельность оппозиция МНРП. От нее исходили предложения (их поддерживала часть делегатов, превратить МНРП в парламентскую партию, упразднить Центральный Комитет, его аппарат, сохранив только теоретико-методологический центр.*

В целом съезд отразил состояние монгольского общества и его острые проблемы и вынес немало важных решений, направленных на обновление партии, так и на укрепление ее позиций в обществе. В них можно обнаружить противоречия и определенную непоследовательность, но нельзя не согласиться с генеральным выводом, прозвучавшим в отчетном докладе ЦК о том, что в стране за короткий срок был сделан ряд шагов по формированию новой системы государственного управления и обеспечению политической стабильности. Правда, были изменены лишь формы и организационные стороны старой политической системы и заложены только начала составляющих новой системы⁴.

Решающим моментом второго этапа политических реформ, призванным закрепить упомянутые начала новой системы, явилась новая Конституция Монголии (принятая в январе 1992 г.), в соответствии с которой страна является республикой - государством, которое строит новое гуманное демократическое гражданское общество¹⁰.

Впервые в документе такого рода появилась статья о правах человека, включая право собственности, выбора любого вида хозяйственной деятельности и другие.

Слово "впервые" можно предпослать и многим другим статьям и пунктам нового основного закона. Так, вместо двухпалатного парламента (великий и малый хуралы) власть переходит к однопалатному - Государственному парламенту, избираемому путем всеобщего тайного голосования сроком на четыре года. Конституция закрепила статус президента в структуре государственной

* Съезд счел осуществление этих предложений преждевременным.

власти и определила правила, регулирующие взаимоотношения между президентом, парламентом и правительством. Президент Монголии отныне должен избираться всеми гражданами, а не какой-либо властной структурой.

Конституция внесла изменения в административное устройство страны, наделила местные органы власти правом экономической инициативы.

Принятие новой Конституции потребовало приведение системы государственного управления в соответствие с новыми требованиями.

В стране были приняты Закон о выборах в великий государственный Хурал, Закон о выборах президента, на основе которых началась новая избирательная кампания. Оппозицию поддерживали созданные в 1992 г. Монгольская партия возрождения, Монгольская буржуазная партия, Объединенная партия частных собственников и некоторые другие. Оппозиция продолжала искать союзников среди общественных организаций. Так, после раскола в рядах Монгольских профсоюзов социал-демократы стали ориентироваться на Монгольский свободный профсоюз, а Монгольская демократическая партия - на Свободный демократический профсоюз.

Дискуссии между МНРП и оппозиционными силами часто вводили избирателей в сторону от понимания собственных интересов и лишали шанса сделать правительственный политический выбор. Все политические организации выдвигали одинаковые цели - вывод страны из экономического кризиса, дальнейшая демократизация всех сфер жизни общества, рост жизненного уровня. Но поскольку в стране сохранялось напряженное положение в экономике: к моменту новых выборов (июнь 1992 г.) на 27,3% сократился выпуск промышленной продукции и на 8,3% - объем внешнего товарооборота. На десятки миллионов тугриков было недополучено товаров широкого потребления и продовольствия. Правительство было вынуждено временно ввести нормированное снабжение населения. Резко сократилось количество денежных средств, поступающих в госбюджет, что сужало возможности оказания финансовой помощи сельскому хозяйству и поддержки социальных программ.

Ответственность за столь неблагоприятное положение дел в стране оппозиция возлагала на МНРП и использовала этот фактор в пропаганде во время избирательной компании.

На выборах в Великий государственный хурал, проведенных в июле 1992 г. на многопартийной основе, вновь МНРП вышла на первое место по числу набранных голосов: 56,9%, коалиция (объединенная партия из выше названных трех партий) - 17,5%, МСДП - 10,1%. У Монгольской партии возрождения было 3,7%, у буржуазной партии - 2%, у Монгольской партии за независимость - 1,9%. Остальные, в том числе партия зеленых и религиозно-демократическая партия не набрали и по одному проценту голосов¹¹.

6 июля 1993 г. в Монголии прошли выборы президента, вторые в истории и первые - на широкой демократической основе. Им вновь стал П.Очирбат, выдвинутый на этот раз оппозицией, и опередивший альтернативного кандидата от МНРП Л.Тудэва, набрав 57,8% голосов¹².

Выборы на пост президента, кандидата от оппозиции (ее представляли две партии, получившие, кроме МНРП, места в парламенте) были самым ее существенным достижением, которое в значительной мере нейтрализовал другой, негативный факт - новый кабинет министров не представлял собой коалицию, как это было с правительством Д.Бямбасурэна. Правительство П.Жалсрая, углубляя монетаристскую политику своего предшественника, превратилось в постоянный объект критики. Она особенно усилилась после того, когда в октябре 1992 г. завершилось организационное слияние молодых политических организаций, представлявших главную оппозицию на выборах.

На съезде четырех партий - демократической, возрождения, национального прогресса, объединенной состоялось рождение Монгольской национально-демократической партии. Ее лидером был избран председатель МНРП Д.Ганболд, занимавший в прежнем многопартийном кабинете министров пост первого вице-премьера.

Лето и осень 1992 г. - это водораздел между вторым и третьим этапами политических преобразований.

Правительство П.Жалсрая функционирует в сложных условиях. В самом начале 1993 г. оппозиция, представленная в парламенте незначительным числом голосов и лишённая таким образом оказывать действительное влияние на политику государства, перешла в атаку на большинство в парламенте, на правительство, пытаясь таким образом взять реванш в борьбе за власть. Атакам подверглись программные документы, включая разработанные кабинетом министров Основные направления социально-экономического развития и бюджет на 1993 год, а также новое налоговое законодательство. Основные направления расценивались как возврат к административно-командным методам, бюджет - как не сбалансированный с денежной политикой Монгобанка (Центральный банк страны), налоги на прибыль в частном секторе - неправомерно завышенными¹³. Для атак оппозиции была благоприятная обстановка. В стране усилилась социальная напряженность, в известной мере связанная с поспешной приватизацией, сопровождавшейся "растаскиванием госсобственности". Девальвирован был официальный курс тугрика. Многие из принятых законов бездействовали. Все громче заявляли о себе проблема безработицы, ухудшение криминогенной обстановки.

В марте 1994 г. в монгольской столице прошли массовые митинги, руководимые Монгольским демократическим союзом и Союзом монгольских студентов. Группа молодых демократов объявила голодовку. Ее участники требовали досрочных перевыборов парламента, отставки правительства.

Правительство приняло во внимание многие критические выпады, для которых имелись достаточно веские аргументы: частично пересмотрело налоговые ставки в сторону понижения, стабилизировало курс национальной валюты.

Но главная цель - стабилизация экономики, вывод ее на развитие - не могла быть достигнута в одночасье. Об этом свидетельствуют недобор налогов за первые три квартала 1994 г. Нарушение налогового законодательства обошлось государству в 4,5 млрд. тугр. Разбазаривание и раздача госимущества в различных формах приобрели массовый характер. По неполным данным, за 1993-1994 гг. не возвращены кредиты на сумму 22 млрд. тугр. По мнению президента П.Очирбата, эти финансовые нарушения как бы были санкционированы постановлениями и распоряжениями правительства, идущими вразрез с законодательством.

Такое положение связано со спецификой страны, придающей переходному периоду к рынку особые трудности. По словам премьер-министра П.Жасрая, в Монголии "на одного с сошкой приходится не семеро с ложкой", а гораздо больше, так как половину населения республики (2,2 млн. человека) составляют дети до 18 лет, кроме того здесь 330 тыс. пенсионеров, 70 тыс. безработных и 130 тыс. занято в непроизводственной сфере (образование, здравоохранение, наука, культура, армия и госсектор)¹⁴. "Мы никогда не жили в условиях демократии, свободной экономики, у нас не хватает политической культуры, цивилизованного бизнеса"¹⁵, - считает он.

Таким образом, развитие политической ситуации в Монголии пока определяется значительным числом дестабилизационных факторов. Их нейтрализация, по нашему мнению, во многом зависит от согласованных действий

главных политических сил страны, от окончательного преодоления остатков прежней тоталитарной системы, инертности местных органов власти. Тем более, что для консолидации здоровых сил нации не так уж и мало благоприятных условий. Так, приносит неплохие плоды открытая внешняя политика новой Монголии; на ровный, более плавный курс выходит российско-монгольское сотрудничество, растет число зарубежных деловых партнеров республики. Это способствует преодолению иждивенческой психологии, становлению эффективного национального рынка. Понемногу накапливается опыт и у монгольских политиков: коренная перемена взглядов на общественное устройство постепенно ведет к реальной оценке ситуации и выработке конструктивных решений. Тем не менее, политические преобразования в Монголии далеки от своего завершающего этапа. Страна только-только вступила на новый путь развития, и ей еще предстоит обогатить свою традицию культурой демократии и рынка, способной приобщить Монголию к единой магистрали исторического развития.

1. Манай Индэр. Улан-Батор: N 12, 1990. - С. 30.
2. Унэн, 14.06.1990.
3. Манай индэр, 1990. - N 12. - С. 30.
4. Унэн, 26.12.1991.
5. Ардын эрх, 05.09.1990.
6. Унэн, 21.02.1991.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Монгол Улсын ундээн хууль (Конституция Монголии). Улан-Батор, 1992, с. 1 (на монг. яз.)
11. Ардын эрх, 03.06.1992.
12. Ардын эрх, 27.05.1993.
13. Эрх Чолло (орган Монгольской национально-демократической партии), 27.01.1993.
14. ИТАР-ТАСС. Улан-Батор, 19.X.1994, серия "АК-23"; 24.XI.1991, серия "АК-16".
15. Там же.

Первые трехпартийные выборы на Тайване

© 1995

Л.Гудошников

На состоявшихся 3 декабря 1994 г. очередных выборах на Тайване впервые среди основных партий наряду с Гоминьданом (ГМД) и Демократической прогрессивной партией (ДПП) выступила Новая партия (Синьдан). Ее участие, в частности, сыграло решающую роль в отстранении правящей партии Гоминьдан от управления крупнейшим городом региона Тайбэем. Само понятие "правящая партия" по отношению к Гоминьдану после этих выборов стало ставиться под сомнение¹.

В этот декабрьский день 1994 г. тайваньцы избрали губернатора провинции и мэров городов непосредственного (центрального) подчинения Тайбэй и Гаосюн. Одновременно избирались депутаты провинциального собрания и члены городских советов. По формальному рангу эти выборы были местными, однако фактически они имели гораздо большее значение, чем некоторые выборы более высокого уровня². Для такого утверждения существуют серьезные основания. Начнем с того, что губернатор провинции и мэры Тайбэя и Гаосюна избирались впервые. По действующей на Тайване Конституции Китайской Республики 1947 г. губернаторы провинций и мэры городов непосредственного подчинения, как и главы других местных администраций, избираются населением этих административно-территориальных единиц. Однако на практике избирались только главы администраций уездов и городов провинциального подчинения и нижестоящих единиц. Губернатор же Тайваня и мэры Тайбэя и Гаосюна назначались премьером Исполнительной палаты, т.е. главой правительства Китайской Республики на Тайване. При этом должно быть отмечено, что Тайбэй и Гаосюн получили свой нынешний статус в 1964 и 1979 гг., соответственно. До возведения их в положение единиц непосредственного подчинения их мэры были выборными, затем было введено назначение мэров из центра. Что касается провинциального собрания и городских советов Тайбэя и Гаосюна, то они и ранее избирались населением. В 1988 г. представительные органы провинции и указанных городов, т.е. собрание и советы, получили право утверждать на своих сессиях губернатора и мэров. Тогда эта процедура не вызывала трудностей: во всех трех представительных органах правящая партия Гоминьдан обладала большинством голосов. Назначаемые губернатор и мэры были членами этой партии. Надо сказать, что посты губернатора и мэра бывали важными ступенями в карьере видных тайваньских политических деятелей. Так, нынешний Президент Ли Дэнхуэй в 1978-1981 гг. был мэром Тайбэя, а в 1981-1984 гг. - губернатором провинции Тайвань; губернатором провинции в 1990-1993 гг. был нынешний премьер Исполнительной палаты

Тайваня Лянь Чжань; Заместитель председателя партии Гоминьдан, бывший председатель Палаты юстиции Линь Янган, претендующий на занятие в будущем поста Президента Китайской Республики на Тайване, был и мэром Тайбэя (1976-1978), и губернатором провинции (1978-1981), и т.д.³ Выборность губернатора и мэров двух крупнейших городов острова было давним требованием оппозиционных сил и либералов внутри Гоминьдана. В 1990 г. на Конференции по национальным проблемам был достигнут консенсус различных политических сил Тайваня по вопросу о прямых выборах губернатора провинции и городов непосредственного подчинения.

Другой чертой декабрьских выборов была небывалая даже для Тайваня активность избирателей, хотя там и ранее всегда был велик процент голосующих на всех видах выборов. В Гаосюне к избирательным урнам пришли 80,58% внесенных в избирательные списки. Число голосовавших за кандидатов в мэры Тайбэя и губернатора превысило 75% избирательного корпуса города и провинции, тогда как в прошлом при выборах представительных органов этих административно-территориальных единиц обычно не превышало 70%. Общий процент участия избирателей во всех шести видах выборов 3 декабря составил 76,83%⁴. Сама избирательная кампания сопровождалась многочисленными маршами и митингами, что это вызвало беспокойство правительственного кабинета в отношении возможности насильственных действий в день выборов. На этот день по распоряжению премьера Лянь Чжаня было мобилизовано 70 тыс. полицейских и подготовлены специальные средства борьбы с массовыми беспорядками⁵. К счастью, тревога оказалась напрасной. Вместе с тем министерством права⁶, выполняющим на Тайване следственно-прокурорские функции, было получено свыше шестисот заявлений о махинациях на выборах, включая подкуп избирателей. По всей вероятности, многие из этих сигналов могут оказаться небезосновательными, поскольку подобные явления стали, к сожалению, спутниками молодой тайваньской демократии⁷.

В период кампании впервые имели место телевизионные дебаты между кандидатами на посты мэров. При этом, хотя кандидаты в губернаторы провинции не участвовали в телевизионных дебатах, они по нескольку раз выступали по телевидению с изложением различных положений своих избирательных платформ. Высказывается надежда, что телевизионные предвыборные дебаты станут теперь непременным атрибутом избирательных кампаний на Тайване⁸.

Как уже отмечалось выше, декабрьские выборы 1994 г. стали первыми в истории тайваньского региона трехпартийными выборами. На них во весь голос заявила о себе отколовшаяся от Гоминьдана Новая партия. Образование Новой партии в августе 1993 г. было отражено на страницах нашего журнала⁹.

Однако в то время ее политические перспективы четко не просматривались. При ее основании отцы Новой партии, которыми были довольно популяриные деятели Гоминьдана, заявили, что их отмежевание от старейшей партии лишь в малой степени связано с идеологическими разногласиями, а объясняется в основном недовольством стилем правления Гоминьдана, ее растущей тенденцией к "политике денег". Они критикуют правящую партию и ее председателя, президента Китайской Республики на Тайване Ли Дэнхуэя за неприятие критики, авторитарный стиль руководства, преувеличение неприятия выходцев из материкового Китая и тайваньцами друг друга. Правящая партия критикуется также за коррупцию и отстаивание корпоративных интересов, недостаток внутрипартийной демократии, растущую неспособность удержать за собой ключевые округа на выборах и уладить конфликты между местными фракциями.

Впервые Новая партия участвовала в выборах в ноябре того же 1993 г., когда избирались главы администраций уездов и городов. Ей не удалось тогда

получить ни одного поста в местных администрациях. Тем не менее за нее проголосовали 17% избирателей в округах, где она выставила своих или поддерживала других кандидатов. Уже после этих первых для партии выборов политические обозреватели отмечали ее недостатки, которые партии необходимо преодолеть. Один из них - состав партии, преобладание в ней выходцев из континентального Китая, эвакуировавшихся на остров в 1949 г. и их нисходящих. Другая - недостаточная база в электорате, которая ограничена северной частью острова, главным образом городом Тайбэй, уездами Тайбэй и Таоюань. И хотя партия включает в себя некоторое количество коренных тайваньцев и большинство ее членов свободно владеет местным диалектом, этого недостаточно для расширения влияния в народе. Им советовали сформировать костяк из молодых тайваньцев, выдвигать их кандидатами на выборах, стараться получить поддержку от тайваньского политического истеблишмента. Еще одной задачей партии, считали политические обозреватели, должно быть разъяснение их позиции по вопросу объединения страны. Большинство лидеров партии стоит на позиции возможности объединения в будущем с материковым Китаем, но не за счет безопасности и благосостояния острова. И хотя многие лидеры Синьдана утверждают, что курс на объединение - лучший способ предотвратить использование силы против Тайваня, детали этой позиции, по мнению аналитиков, нуждаются в более четком разъяснении. Например, когда члены Новой партии выступают за прямые воздушные и морские связи с континентальной частью страны, они должны показывать, что такие связи будут более всего выгодны людям делового мира Тайваня. Партии рекомендовали также расширить состав своих научных консультантов, развивая более тесные отношения с учеными, способными помочь формулировать внутреннюю и международную политику партии¹⁰.

Очевидно, некоторые из этих рекомендаций были учтены лидерами Синьдана. Во всяком случае, состоявшиеся в январе 1994 г. выборы низовых представительных органов принесли партии восемь мест. Одновременно Новая партия набирала политические очки своей парламентской деятельностью, поскольку шесть ее основателей - члены Законодательной палаты. Партия сконцентрировала свои усилия в политической борьбе на маневрировании в законодательной деятельности, межпартийных сделках и лоббировании групповых интересов. Эта тактика принесла определенный успех. Влияние партии стало возрастать за счет популярности ее основателей среди избирателей и их умения формулировать предметы обсуждения в парламенте, задавать острые вопросы и делать законодательные заготовки. Ее блокирование по различным вопросам с другими партиями в парламенте или отдельными группами их членов дало парламентариям Синьдана большие возможности влияния на законодательную процедуру, чем это можно было бы ожидать от парламентской группировки малой численности. Например, законодатели от Новой партии объединились с коллегами по парламенту из ДПП и частью гоминьдановских законодателей в поддержку права Законодательной палаты расследовать деятельность Исполнительной палаты, включая обозрение правительственных документов. Новая партия объединилась с ДПП в оппозиции к законам, регулирующим организацию и деятельность Совета национальной безопасности и Управления национальной безопасности, подчиненных Администрации Президента, а также Центрального управления кадров Исполнительной палаты (полномочия трех указанных органов, первоначально установленные в период действия чрезвычайного положения, представлялись оппозицией как предоставление Администрации Президента более широких полномочий, чем следует из положений Конституции). И хотя правящей партии и правительству, несмотря на сопротив-

ление оппозиции, удалось провести все три законопроекта в течение одного дня (30 декабря 1993 г.) и в тот же вечер подписать их у Президента, Новой партии тоже удалось получить в этом столкновении определенные политические дивиденды. Вместе с тем Новам партия объединилась в парламенте с Гоминьданом для того, чтобы провалить законопроект ДПП о референдуме, направленном на объявление независимости Тайваня¹¹.

Декабрьские выборы 1994 г. явились показателем существенного сдвига в политической жизни Тайваня - формированием трехпартийной системы, в которой Синьдан стал называться одной из трех главных партий региона. Общее число партий на острове превышает 70, но теперь уже не две, а три являются силами, оказывающими непосредственное влияние как на формирование власти, так и на другие стороны политической жизни.

Позиция Синьдана при выборах мэра Тайбэя (как уже отмечалось) определила отстранение от должности в результате выборов гоминьдановского мэра Хуан Дачжоу (58 лет), члена Постоянного Комитета ЦК и ЦК ГМД. За избрание на этот пост, кроме того, боролись сорокатрехлетний¹² член Законодательной палаты от ДПП Чэнь Шуйбянь, имевший также опыт работы в городском совете Тайбэя в 1981-1984 гг. и другой законодатель, но уже от Новой партии - Чжао Шаокан (44 г.), занимавший в 1991-1992 гг. правительственный пост управляющего Администрацией охраны окружающей среды. Кроме того, выдвигался один независимый кандидат. Чэнь Шуйбянь получил 615.090 голосов избирателей (43,67%), Чжао Шаокан - 424.909 (30,17%), а состоявший в то время в должности мэра Тайбэя Хуан Дачжоу - 364.618 (29,89%) голосов, т.е. менее всех кандидатов от главных партий. Независимый кандидат собрал всего 0,28% голосов¹³.

По свидетельствам очевидцев, избирательная кампания Новой партии в Тайбэе отличалась наибольшей активностью. Однако поражение ГМД на выборах тайбэйского мэра, очевидно, нельзя объяснить только этим. В частности, могло сыграть роль и то обстоятельство, что многими прошлая деятельность гоминьдановского кандидата на посту мэра не считалась блестящей (в частности, он, как считают, не разрешил трудную для Тайбэя транспортную проблему), а сам он не сумел достаточно продуманно провести предвыборную кампанию. С другой стороны, отмечалось, что очень разумно выступал перед выборами кандидат ДПП Чэнь Шуйбянь, не особенно выпячивая неприемлемый для значительной части избирателей лозунг независимости острова, больше взывая к "тайваньскому самосознанию" и выступая в большинстве случаев на местном диалекте. В сущности, он перехватил у ГМД и лозунг сохранения социальной стабильности, сделав упор на "счастье и надежду" избирателей. Но как бы то ни было, недостатки и достоинства кампаний мэров не были главной составляющей в поражении ГМД в Тайбэе и успехе ДПП. Это подтверждается и результатами проходивших одновременно выборов в городское собрание. И здесь ГМД потерпел поражение, получив в результате выборов 20 мест из 52-х (в прошлом составе собрания у него было большинство - 36 мест из 51-го), 18 мест у ДПП (ранее 14) и 11 у Новой партии. Таким образом, ни у одной из партий в совете большинства нет и им придется блокироваться при решении конкретных вопросов.

На выборах губернатора провинции Тайвань и мэра Гаосюна победу одержал Гоминьдан, он сохранил и большинство в провинциальном собрании (48 мест из 79) и городском совете Гаосюна (23 из 44), однако в том и другом случаях число мандатов уменьшилось на 6. При этом выросло число мест, занимаемых ДПП, соответственно на 7 и 3. У Новой партии в собрании и совете по 2 места.

Победа на выборах губернатора имела для ГМД большое значение, ввиду предстоящих в 1996 г. президентских выборов. Губернатором был из-

бран занимавший этот пост по назначению Сун Чуюй (Джэймс Сун), член ЦК и Постоянного комитета ЦК ГМД, родившийся в 1942 г. в Хунани. Таким образом, при этом выдвижении ГМД отступил от традиции замещения этой должности лицами тайваньского происхождения, существовавшей с 1972 г. Сун Чуюй до назначения губернатором провинции был генеральным секретарем ЦК ГМД (1989-1993), ранее занимал важный политический пост генерального директора Управления информации Исполнительной палаты и правительственного представителя для прессы (1979-1984), а также другие посты в правительстве и центральном аппарате ЦК ГМД. При этом он никогда не занимал постов, на которые избирает население. Пост генсека партии он покинул добровольно, взяв на себя вину за сочтенное неудачным участие ГМД в выборах в Законодательную палату в 1992 г. Сун набрал на выборах 4.726.012 голосов избирателей (56,22%), его главным соперником был кандидат от ДПП член Законодательной палаты Чэнь Диннань (52 года), занимавший ранее должность главы администрации уезда Илань. Он собрал 3.254.887 голосов (38,72%). Гораздо менее успешно выступил кандидат от Новой партии Чжу Гаочжэн (законодатель, 41 год), за которого проголосовали 362.377 человек. Двум независимым кандидатам удалось собрать лишь 0,75% голосов.

Считается, что Сун Чуюй провел свою избирательную кампанию блестяще, перечеркнув неблагоприятные для него прогнозы ряда политических обозревателей, утверждавших, что его шансы на выборах как выходца с континента невелики в тайваньском электорате, 85% которого - местные уроженцы. Сун практически все 18 месяцев своего пребывания в должности назначенного губернатора готовил свое избрание на эту же должность. В этот период он посетил все 309 волостей и городок провинции, не говоря о крупных населенных пунктах, приложив все усилия для популяризации своей кандидатуры и через средства массовой информации. Здесь были и подробные репортажи о его церемониальных выездах на места в печати и реклама через принадлежащее провинциальному правительству тайваньское телевидение. Он стал и самым популярным среди гоминьдановских претендентов на этот пост. Самый сильный и тоже достаточно популярный в партии его соперник при назначении кандидата от ГМД для выборов бывший министр внутренних дел У Босюн (в настоящее время - генеральный секретарь Администрации Президента Тайваня) снял свою кандидатуру. Август-декабрь 1994 г. - официальный период предвыборной кампании - был использован Сун Чуюем на борьбу с соперником от ДПП Чэнь Диннанем. Последний - недавний член ДПП (должность главы администрации уезда Илань он занимал, будучи избран как независимый кандидат); у него не было такой хорошо организованной и обеспеченной тылами кампании, как у Сун Чуюя. Между тем последний действовал довольно жестко по отношению к своему сопернику. В результате Чэнь выиграл выборы только в одной из 21 единиц провинциального подчинения (уездов и городов) - в уезде Илань, уступив Суну более миллиона голосов. В целом, можно сказать, что большинство тайваньцев не приняли призыва ДПП "Тайваньцы, голосуйте за тайваньцев". Послевыборные анализы в тайваньской печати показали, что большинство избирателей провинции высказались за статус-кво, и стабильность в демократической трансформации Тайваня и центристский курс прагматического маневрирования между независимостью и объединением. К последнему сюжету мы еще вернемся в статье, но сначала кратко о выборах мэра второго крупнейшего города на острове - Гаосюна.

Выше уже говорилось о том, что в Гаосюне на выборах мэра и городского совета победил Гоминьдан. Как и в двух других случаях, на пост мэра от этой партии выдвигался действующий глава администрации. Им был соро-

кашестилетний уроженец Тайваня, член Постоянного комитета ЦК и ЦК ГМД У Дэни. Пост мэра Гаосюна он занимал с 1990 г., перед назначением на пост мэра был председателем Тайбэйского городского комитета ГМД (1989-1990), а ранее - главой администрации уезда Наньтой (1981-1989). Его соперниками на выборах были от ДПП: законодатель Чжан Чжунсюн (58 лет), а от Новой партии - ровесник последнего по возрасту адвокат Тан Акэн, бывший в 1980-1986 гг. депутатом Национального собрания. Кроме того, выдвигались кандидатуры двух независимых кандидатов. У Дэни получил 400.766 голосов избирателей (54,46%), Чжан Чжунсюн - 289.110 (39,29%), а Тан Акэн - 25.413 (3,45%). Независимые кандидаты вместе собрали 2,8% голосов. В целом ГМД выиграл выборы в Гаосюне примерно в таком же соотношении голосов, как в провинции.

Победа на выборах в Гаосюне, конечно, достаточно важна для ГМД. Однако победа в борьбе за губернаторское кресло ее значительно перевешивает. Партия, потеряв часть своего членского состава и сторонников в электорате, тем не менее в результате декабрьских выборов обрела определенную уверенность в отношении исхода предстоящих президентских и парламентских выборов (правда, в отношении выборов в Законодательный юань высказываются предположения относительно возможности потери ГМД большинства в этом органе)¹⁴.

Оценивая значение победы Гоминьдана на выборах губернатора Тайваня, являющегося по должности главой провинциального правительства, следует иметь в виду, что это правительство контролирует одну из трех важнейших радиостанций острова, Банк Тайваня с правом эмиссии юаней Китайской Республики и три важнейших коммерческих банка. Штат его служащих составляет треть миллиона человек¹⁵. При смене власти в провинции не только были бы утрачены возможности получения льготных кредитов, но новые хозяева могли бы попросить налоговосборщиков заняться налоговыми книгами местных политиков, а это было бы для них настоящим кошмаром¹⁶.

Гоминьданом извлечены и некоторые уроки из прошедших трехпартийных выборов. Так, главной из причин потери голосов признан недостаток решительных организационно-мобилизационных действий по сбору голосов, односторонняя ориентация на контролируемые партией средства массовой информации. В свою очередь Новая партия решила усиливать свои позиции в центральном и южном Тайване. Что касается ДПП, то ее вывод из прошедшей кампании наиболее существенен и кардинален, поскольку касается смягчения одного из программных положений партии - вопроса о тайваньской независимости. 5 февраля 1995 г. в ДПП состоялось обсуждение возможных изменений в партийном уставе и программе партии. Участники совещания высказались за сохранение лозунга независимости Тайваня в качестве общей идеи, но без выставления требований о конкретных мероприятиях в этом направлении, например, требования провозглашения независимости острова после проведения референдума по этому вопросу.

Оценивая общее значение этого сюжета в политической борьбе на Тайване, обратимся к свидетельству видного тайваньского журналиста и издателя, знатока политической жизни острова Цзян Чуньнана. Анализируя итоги первых трехпартийных выборов на состоявшемся 7 декабря 1994 г. специальном семинаре по этому поводу, он сказал в своем выступлении: "В течение этой избирательной кампании было много межпартийных споров по вопросам об объединении и независимости. Но из моих контактов с людьми из всех трех партий я понял, что почти все они говорят одно, а делают другое. На самом деле существует прочный консенсус. Во время выборов они действуют так, как если бы были врагами друг другу, но когда прислушаетесь к их

реальному голосу, вы узнаете, что ДПП не такая уж сторонница независимости и противница объединения и Новая партия не за немедленное объединение. Фактически все партии заинтересованы в сохранении статус-кво"¹⁷. Первые трехпартийные выборы вызвали множество откликов как на самом Тайване, так и за рубежом. В основном, эти выборы рассматривались как позитивное явление, знаменующее собой дальнейшую демократизацию политической жизни острова. Особо отмечалось значение широкого выхода на политическую арену страны Новой партии, создания трехпартийной системы. Известно, что попытки создания третьей партии, дистанцированной как от ГМД, так и ДПП, предпринимались и ранее. На такую роль, в частности, претендовала Рабочая партия (гундан), затем - Социал-демократическая. Однако Гундану не удалось провести в парламент ни одного своего представителя, ограничившись всего лишь одним местом в городском совете Гаосюна. Что касается социал-демократов, то им удалось избрать в законодатели только своего лидера, выходца из ДПП Чжу Гаочжэна. В дальнейшем эта партия вместе со своим лидером влилась в Новую партию. "Новая партия, - говорил только что цитировавшийся Цзян Чуньнань, - тем хороша, что у нас сейчас три партии, отражающих все аспекты тайваньского общества, все виды устремлений. Новая партия является новым феноменом, и это очень важно для нашей политической культуры... Сейчас она бросила вызов и ГМД, и ДПП, и это очень важно в нашем политическом развитии"¹⁸. Результаты выборов рассматривались и в более широком плане. "Вопреки остающимся несовершенствам, - писал американский политолог, профессор Джэймс Робинсон, - демократизация Тайваня является значительным достижением. И надо понимать, что это достигнуто с минимумом насилия или угрозы насилем. Сунь Ятсен, Отец Китайской Республики, был апостолом Азиатской, или более точно - Китайской демократии. Он также был сторонником постепенности, демократических принципов, внедряемых в период опеки... Постепенная мирная трансформация была целью ГМД. Более быстрый, но тоже ненасильственный переход был целью оппозиционной партии. В тандеме они сотрудничали, чтобы сделать так называемый тайваньский опыт более чем примером экономического роста. Они дали миру необычный урок передачи власти путем демократического процесса, а не свержения ее путем революции... Более того, это произошло в регионе мира, считающимся невосприимчивым к этой идее"¹⁹. По этим причинам, считает автор, значение выборов 1994 г. значительно шире, чем избрание и введение в должность кандидатов партий, выигравших места на небольшом острове с 21 миллионом жителей.

Следует отметить, однако, что демократические процессы на Тайване оцениваются за его пределами далеко не однозначно. Из различных форм неприятия этих процессов остановимся на одной - критике с точки зрения уграты Тайванем "азиатских ценностей". В числе критиков Тайваня с этих позиций - старейший политический деятель Сингапура, бывший его премьер-министр Ли Куан Ю. Сторонники таких взглядов считают, что демократическое развитие отодвигает Тайвань от китайской политической культуры. Даже некоторые либерально настроенные деятели в Сянгане, в целом одобряя происходящие на Тайване процессы, высказывают опасение, что он слишком быстро дистанцируется от материкового Китая²⁰.

Во всяком случае Тайвань является единственным китайским политическим образованием (политией), в котором существует реальная оппозиция власти, которой нет ни в материковом Китае, ни в Сингапуре, ни в Сянгане. Разумеется, было бы неправильно возводить в абсолют и идеализировать тайваньский опыт, подавать его в сплошь радужных тонах. Это относится и к

декабрьским выборам 1994 г. Уже 19 февраля 1995 г. было предъявлено обвинение в подкупах новому заместителю спикера Тайваньского провинциального собрания Ян Вэньсину и в получении взятки 12 депутатам собрания. Ян Вэньсин - сын процветающего бизнесмена из Центрального Тайваня - подкупил своих коллег, чтобы занять нынешний пост в собрании. И взяткодатель, и взяткополучатели - все члены партии Гоминьдан. Если они будут осуждены, они будут привлечены и к партийной ответственности. Сообщается также, что следствие велось и в отношении заместителя спикера Гаосюнского городского совета, однако обвинение ему не было предъявлено²¹. Ранее весьма неутешительные данные о депутатах корпусе местных представительных органов сообщил начальник тайбэйской полиции. По его словам, более трети избранных в январе 1994 г. депутатов являются выходцами из криминальной среды²². В свете этих данных становится понятным скепсис ряда тайваньских специалистов по местному самоуправлению, высказывавшийся в связи с готовившимся, а в июле 1994 г. принятым Законом о местном самоуправлении. Они подвергали сомнению возможность подлинного самоуправления при местных правительствах, контролируемых властью денег, местными политическими машинами и даже гангстерами²³.

Думается, однако, что в криминализации местных политических структур нет ничего азиатского и специфически китайского. Такие явления известны и в Америке, и в Европе, да и на евразийских просторах СНГ. Всякая демократия, и особенно молодая, должна уметь себя защитить от них.

1. Free China Review. - 1995. - Feb. - Vol. 45. - № 2. - P. 34.
2. Известный американский специалист по Тайваню, заслуженный профессор политологии Университета Западной Флориды Джэймс Робинсон в своем анализе декабрьских выборов 1994 г. не считал гиперолой определение их тайваньской печатью как "наиболее важных выборов десятилетия". Ibid., p. 36.
3. Тайвань, краткие справочные сведения. - М.: ИДВ РАН. Вып. IIIю - Сс. 13, 16-17.
4. The Free China Journal. - 1994. - Dec. 9. - Vol. XI. - № 48.
5. Free China Review. - 1995. - Feb. - Vol. 45. - № 2. - P. 37.
6. Это министерство обычно именуется в публикациях о Тайване министерством юстиции, здесь применен более точный перевод китайского термина "фау бу".
7. Известно, например, что по результатам расследования махинаций во время выборов местных представительных органов Тайваня в январе 1994 г. было привлечено к уголовной ответственности и осуждено 143 человека (The Free China Journal. - 1994. - July 15. - Vol. XI. - № 27.)
8. Free China Review. - 1995. - Feb. - Vol. 45. - № 27 - P. 37.
9. См. ПДВ. - 1993. - № 5ю - Сс. 81, 95-96.
10. Free China Review. - 1994. - March. - Vol. 44. - № 3. - Pp. 9-10.
11. Ibid., p. 9.
12. Возраст всех кандидатов на выборные посты указан на день выборов.
13. The Free China Journal. - 1994. - Dec. 9. - Vol. XI. - № 48. По этому же источнику даются другие цифровые данные, касающиеся декабрьских выборов 1994 г.
14. The Free China Review. - 1995. - Feb. - Vol 45. - № 2. - P. 45.
- 15.
16. The Free China Journal. - 1995. - Feb. 10. - Vol. XII. - № 5.
17. Ibid., p. 43.
18. Ibid., p. 42.
19. Ibid., p. 41.
20. Ibid., p. 44.
21. The Free China Journal. - 1995. - Feb. 24. - Vol. 12. - № 7.
22. Известия. - 1994. - 21 апреля.
23. Гуанхуа (Синорама) . - 1993. - № 12. - С. 89.

К 50-летию окончания второй мировой войны

Зачем Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?

© 1995

Б.Славинский

Соединенные Штаты начали работать над Манхэттенским проектом¹ с 1941 г. и к весне 1945 г. добились ощутимых успехов. Истратив огромные по тем временам деньги — более двух миллиардов долларов, ученые, собранные из разных стран мира, в том числе бежавшие из гитлеровской Германии, начали подготовку к испытательному взрыву первой атомной бомбы. Первоначально предполагалось использовать новое оружие против Германии, но она была разгромлена и без атомной бомбы. Поэтому администрация США с приходом в Белый дом Г. Трумэна (12 апреля 1945 г.) решила реализовать угрозу применения атомной бомбы, чтобы заставить Японию капитулировать без американского вторжения на собственно Японские острова, при котором были неизбежны огромные жертвы среди американцев, и избежать нежелательных политических последствий от советского вступления в войну².

Однако поскольку оружие должно было быть готовым к испытаниям только в середине лета 1945 г., то его возможности, не говоря уже об способах использования, оставались неопределенным фактором. Кроме того, многие советники Трумэна предлагали ему принять мирные посреднические предложения японцев и не использовать против них оружие страшной разрушительной силы.

Наиболее осведомленным лицом об атомной программе США и возможностях ядерного оружия в американском правительстве был военный министр Г. Стимсон. Он первым начал пропагандировать силу нового оружия, в первую очередь, как инструмента американской дипломатии. В начале апреля 1945 г. руководители Манхэттенского проекта представили Стимсону доклад о сроках готовности атомных бомб: "Через четыре месяца мы, несомненно, завершим создание оружия, ужаснее которого не знало человечество. Одна такая бомба может разрушить целый город"³. 24 апреля Стимсон обратился к Трумэну с просьбой срочно принять его для подробной беседы по атомной проблеме. "... Вопрос этот представляется мне столь важным для дальнейшего

Славинский Борис Николаевич, заместитель главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

развития наших международных отношений и столь глубоко занимает мои мысли, - писал он, - что я считаю себя обязанным немедленно ввести Вас в курс дела"⁴. Обращает на себя внимание, что уже на этом этапе Стимсон указывает на то, что атомная бомба может оказать влияние на развитие международных отношений.

На следующий день состоялась продолжительная беседа Стимсона с Трумэн о перспективах применения ядерного оружия. Военный министр высказал уверенность в успехе проекта и заверил президента, что в начале июля можно произвести испытательный взрыв, а через месяц бомба будет готова к использованию в боевых условиях. Стимсон заявил Трумэну, что бомба вызовет "революционные изменения в ведении войны" и наверняка окажет решающее влияние на отношения США с другими странами.

Состоявшаяся беседа произвела на Трумэна глубокое впечатление. В последующие дни он продолжал обсуждать атомную проблему со своими ближайшими советниками. "Бомба даст нам возможность продиктовать наши условия в конце войны", - заявил Трумэну Дж. Бирнс, который 3 июля 1945 года стал госсекретарем США. В результате бесед с различными советниками Трумэн утвердился во мнении, что атомная бомба может значительно усилить американскую дипломатию, даст в руки правительства США "больше козырей", чем другие средства давления на Советский Союз, поможет "сделать Россию более сговорчивой в Европе"⁵. "Если она взорвется, что, я думаю, произойдет, - сказал он своим ближайшим советникам об атомной бомбе, - то у меня, конечно, будет дубина для этих парней"⁶. Так как ближайшая встреча с "этими парнями" планировалась в Потсдаме, то Трумэну очень хотелось, чтобы к его визиту туда уже были известны результаты ядерных испытаний. В 1962 г. Трумэн в одном из интервью подтвердил, что в его решении отложить встречу в верхах, несмотря на настойчивые просьбы Черчилля провести ее как можно скорее, эти испытания играли важную роль⁸. После капитуляции Германии руководитель Манхэттенского проекта генерал Л. Гровс настоятельно требовал от своих подчиненных всемерного сокращения сроков работ. "Наши силы были напряжены до крайности"⁹, - писал он впоследствии о работе исследовательских учреждений и заводов, занятых созданием атомного оружия летом 1945 г.

Военный министр Г. Стимсон в одной из бесед с Р. Оппенгеймером - руководителем Лос-Аламосской лаборатории, где изготовлялись атомные бомбы, специально подчеркнул связь готовности нового оружия с созывом конференции в Потсдаме. "На нас оказывалось невероятное давление, чтобы иметь бомбу до встречи в Потсдаме," - отмечал по этому поводу Оппенгеймер¹⁰.

Параллельно проводились активные приготовления к боевому применению атомных бомб. Предполагалось, что они будут сбрасываться с самолетов B-29, переоборудованных в соответствии с новыми задачами. Уже с сентября 1944 г. 509-я авиагруппа 20-й воздушной армии США начала проводить специальные тренировки. В качестве базы, на которой предполагалось произвести подготовку к бомбардировке Японии, был избран остров Тиниан (Марианские острова). В мае 1945 г. туда прибыл первый отряд технической службы, сформированной из специалистов Лос-Аламосской лаборатории, с задачей собрать бомбы и проинструктировать экипажи самолетов. Все службы, предназначенные для обеспечения боевого применения нового оружия, были в готовности к началу июня, а в конце июля крейсер "Индианаполис" доставил атомные бомбы на Тиниан.

Ранее, в начале мая Трумэн учредил Временный комитет из представителей ВВС армии США и ученых для подготовки рекомендаций по исполь-

зованию атомной бомбы. В протоколе его заседания от 1 июня 1945 г. говорилось, что по предложению Дж. Бирнса комитет согласился с тем, что "бомбу следует использовать как можно скорее против Японии, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, и что ее следует применить без предупреждения"¹¹. При выборе конкретных объектов для атомной бомбардировки комитет рекомендовал в качестве первых целей четыре японских города: Хиросиму, Кокуру, Ниигату и Киото¹². По указанию президента Трумэна командующий ВВС генерал Арнольд отдал приказ авиационным частям не подвергать налетам эти города, чтобы получить более наглядное представление о результатах атомной бомбардировки. В тот же день Трумэн одобрил рекомендации Временного комитета.

16 июля 1945 г. в пустынном районе штата Нью-Мексико, недалеко от авиабазы Аламогордо, был произведен первый экспериментальный атомный взрыв. В связи с неблагоприятной погодой некоторые ученые предлагали отложить испытание, но генерал Гровс не согласился с ними. "Я был в высшей степени заинтересован, - писал он в своих воспоминаниях, - в проведении испытания по намеченному расписанию, ибо знал, какое значение это событие может иметь при переговорах в Потсдаме"¹³.

Официально вопрос о войне против Японии на Потсдамской конференции не рассматривался, а обсуждение дальневосточных проблем происходило во время неофициальных двусторонних встреч глав правительств или министров иностранных дел. Что же касается атомной проблемы, то она не обсуждалась с советской делегацией даже неофициально, хотя в Потсдаме западные союзники уделили ей большое внимание.

Президент Трумэн, прибыв в Потсдам, с нетерпением ожидал информации об испытании атомной бомбы. Первая краткая телеграмма поступила к нему накануне открытия конференции, вечером 16 июля. В ней сообщалось, что результаты испытания "удовлетворительны и даже превзошли ожидания"¹⁴. На следующий день состоялось открытие конференции. Уже в первом своем выступлении Трумэн высказал неудовлетворенность ходом выполнения решений предыдущей, Ялтинской конференции. В дневниковой записи, помеченной той же датой, адмирал Леги отметил, что Трумэн "ухватился за долгожданную возможность начать наступление"¹⁵.

Особенно уверенно почувствовал себя президент США после того, как ознакомился с полученным 21 июля подробным письменным отчетом о взрыве в Аламогордо. Сразу после этого он собрал совещание всех высших военных руководителей США, находившихся в Потсдаме: адмиралов Леги и Кинга, генералов Маршалла, Арнольда и Эйзенхауэра. Обсуждался один вопрос: об использовании атомной бомбы против Японии. Все единодушно согласились, что ее следует применить. Что же касается президента, то в последствии он писал в своих мемуарах: "Пусть в этом отношении не будет никакой ошибки. Я рассматривал атомную бомбу как военное оружие и никогда не сомневался, что оно должно быть использовано"¹⁶.

24 июля Маршалл, Стимсон и Трумэн одобрили подготовленный штабом армии США приказ командующему стратегической авиацией генералу Спаатсу об атомной бомбардировке Японии. "509-й авиагруппе 20-й воздушной армии, - говорилось в приказе, - доставить первую специальную бомбу сразу после 3 августа 1945 г., как только погода позволит произвести визуальное бомбометание, на одну из следующих целей: Хиросима, Кокура, Ниигата и Нагасаки..."¹⁷.

Трумэн, столкнувшись на конференции с твердой позицией советской делегации практически по всем обсуждавшимся вопросам, решил отложить

решение большинства спорных проблем на период, когда атомное оружие уже будет применено. При этом Сталин не поддался "психологической атаке" президента, когда тот сообщил генералиссимусу об оружии "небывалой мощи", которым обладают США. Советское правительство в то время из разведывательных источников уже располагало данными о том, что США работают в области создания атомного оружия, и ускоренными темпами развернуло аналогичные работы в России.

Следует особо подчеркнуть, что факт обладания ядерным оружием оказал в Потсдаме большое влияние на отношение американских руководителей к вопросу о вступлении СССР в войну против Японии. Некоторые из них считали, что наличие у США атомного оружия позволяет отказаться от помощи Советского Союза в разгроме Японии и тем самым ограничить его участие в решении дальневосточных проблем. Такой точки зрения придерживался, в частности, помощник военного министра Дж. Макклой. Еще на совещании высших американских военачальников в Белом доме 18 июня он заявил, что атомную бомбу следует рассматривать с точки зрения заинтересованности "Соединенных Штатов в помощи России для разгрома Японии"¹⁸. С мнением Макклоя соглашался и Трумэн. Но тогда атомной бомбы еще не было, и многие военные даже сомневались, что "эта штука сработает". Поэтому президент решил все-таки добиваться помощи Москвы. В мемуарах он писал, что для него одной из важнейших задач в Потсдаме было "получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии"¹⁹.

По мнению советских ученых, подготовивших 12-ти томную "Историю второй мировой войны, 1939-1945", "лишь после успешного испытания бомбы правительства США и Англии стали склоняться к мысли, что лучше закончить войну с Японией без участия Советского Союза"²⁰. 22 июля 1945 г. Стивенсон записал в своем дневнике, что США "уже больше не нуждаются в России"²¹. Такую же позицию занимал и Черчилль, на которого, по свидетельству фельдмаршала Брука, доклад о результатах экспериментального взрыва произвел весьма сильное впечатление²².

Однако руководители США считали нецелесообразным выступать открыто против участия СССР в войне с Японией: во-первых, потому, что недавно настаивали на этом; во-вторых, из опасений, что атомное оружие может не оказать необходимого воздействия на японское правительство. "Я должен откровенно признаться, - писал Дж. Бирнс в своих мемуарах, - что испытал бы чувство удовлетворения, если бы русские решили не вступать в войну... Однако соглашение было заключено, и мы вынуждены были придерживаться своих обязательств"²³.

Теперь основные надежды администрация США возлагала на то, что использование атомных бомб вызовет капитуляцию Японии еще до того, как Советский Союз вступит в войну. Поэтому госдепартамент США предпринимал различные шаги, чтобы отсрочить это вступление. Вашингтон, например, оказывал нажим на китайскую делегацию, которая в это время вела переговоры с советским правительством о политических условиях вступления СССР в войну, пытаясь затянуть эти переговоры. "Наша цель заключалась в том, - признался позже Дж. Бирнс, - чтобы поощрять китайцев продолжать переговоры... Продолжение переговоров между Сталиным и Чан Кайши затянуло бы вступление в войну СССР, а японцы тем временем могли бы капитулировать. Президент разделял эту точку зрения"²⁴.

Еще в июне президент Трумэн и заместитель госсекретаря Грю в беседах с Сун Цзывэнэем перед отъездом последнего в Москву дали ему понять, что некоторые пункты соглашения в Ялте не могут быть выполнены до встре-

чи "большой тройки" в Потсдаме. В то же время Трумэн заверил китайского премьер-министра, что США не сделают ничего, что могло бы повредить интересам Китая. Американский посол в Москве А. Гарриман получил указание президента удерживать китайскую делегацию от выполнения любых советских требований.

На Потсдамской конференции Трумэн избегал обсуждения со Сталиным проблем советско-китайских переговоров. Он отверг предложение экспертов госдепартамента пригласить Сун Цзывэня в Потсдам, чтобы завершить переговоры по нерешенным проблемам. 23 июля, когда из Вашингтона пришла информация об уточненных сроках готовности атомных бомб, президент и государственный секретарь телеграфировали Чан Кайши, чтобы он не шел на какие-либо уступки русским. Одновременно они рекомендовали китайцам возобновить переговоры с советским правительством. "Я опасался, - писал Дж. Бирнс, - что, если они не сделают этого, Сталин может немедленно вступить в войну"²⁵.

Факт существования атомной бомбы сыграл решающую роль и в определении даты опубликования текста Потсдамской декларации, проект которого был подготовлен правительством США еще до начала конференции в Потсдаме. Но текст его передали для подписания Чан Кайши и Черчиллю только 24 июля - после того, как стала известна предполагаемая дата атомной бомбардировки. 25 июля Черчилль сообщил Рузвельту, что он согласен с предложенным проектом, а на следующий день прибыл положительный ответ и от Чан Кайши. Вечером 26 июля Потсдамская декларация от имени Г. Трумэна, У. Черчилля и Чан Кайши была передана для объявления по радио, а на следующее утро ее опубликовали в газетах.

Госсекретарь Бирнс, который считал, что была совершена "ужасная ошибка," когда западные союзники позволили России стать могущественной державой, еще больше расширил брешь между СССР и его западными союзниками, предав гласности текст Потсдамской декларации без предварительного информирования советского правительства. Декларация призывала Японию немедленно капитулировать, в противном случае ей предрекались ужасные разрушения. В то же время, в ней не было упомянуто ни об атомной бомбе, ни о будущем статусе императора.

Напомним читателям, что проект Потсдамской декларации был разработан под руководством Дж. Грю еще в мае 1945 г. Основная идея, заложенная в нем, заключалась в том, чтобы сбалансировать угрозу тотального разрушения Японии предложением сохранить в ней императорскую форму правления, что, по данным американской разведки, оставалось практически единственным реальным условием, при котором Япония могла бы капитулировать.

И вот здесь в полной мере проявилась некомпетентность госсекретаря Бирнса, его незнание психологии и умонастроений японцев. Игнорируя мнение специалистов, он, сохранив проект декларации практически в том же виде, как ее составил Дж. Грю, тем не менее "улучшил" ее тем, что просто выбросил из документа ту ее часть, смысл которой касался возможности сохранения императора у власти в Японии после капитуляции. И, как сказано выше, Дж. Бирнс опубликовал текст Потсдамской декларации без подписания его Советским Союзом.

Напомним, что одна из задач дипломатии США в то время заключалась в том, чтобы заставить Японию капитулировать до вступления СССР в войну, и элементарная логика подсказывала, что Москве следовало предложить подписать Потсдамскую декларацию. Ведь Сталин в разговоре с Трумэ-

ном 17 июля в Потсдаме подтвердил, что Советский Союз выступит против Японии в середине августа. Более того, США, которым удалось овладеть японским шифровальным кодом, из перехваченных телеграмм, посылаемых из Токио японскому послу в Москве, знали, что неучастие СССР в войне, просьба к Москве выступить посредником в выходе Японии из войны оставались единственной надеждой, утрата которой неизбежно приводила Японскую империю к капитуляции. Об этом, в частности, уведомил Трумэн перед его отъездом в Потсдам Объединенный разведывательный комитет США: "Вступление Советского Союза в войну окончательно убедило бы японцев в неизбежности полного поражения"²⁶.

Как показали последующие события, опубликование 26 июля текста Потсдамской декларации без участия Советского Союза породило в Токио надежды, что Москва обдумывает или склоняется к мысли выступить посредником в достижении компромиссного мира с Соединенными Штатами. На состоявшемся 27 июля совещании Высшего совета по руководству войной японские руководители решили дать ответ лишь после того, как станут ясны намерения СССР. "Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, - телеграфировал утром 28 июля министр иностранных дел Японии Того японскому послу в Москве Н.Сато, - будет с этого момента влиять на наши действия..." Послу предписывалось срочно выяснить, "какие шаги Советский Союз предпримет против Японской империи"²⁷.

Японское правительство выжидало. Было решено лишь опубликовать Потсдамскую декларацию в сокращенном виде, а в комментариях намекнуть, что правительство, по-видимому, оставит ее без внимания. Это в значительной мере определило и ответ премьер-министра Судзуки на пресс-конференции 28 июля о том, что Япония игнорирует Потсдамскую декларацию, что в дальнейшем стало основным оправданием для использования американцами атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки.

После трагической ошибки премьер-министра Судзуки, который, вопреки накануне принятому кабинетом министров решению похоронить Потсдамскую декларацию с помощью "мокусацу", т.е. "убить ее молчанием", заявил о ее отклонении, американское руководство пришло к заключению, что необходимо использовать любые возможности для того, чтобы сохранить жизни американцам и в кратчайшие сроки закончить войну. Для этого, по мнению приближенного к американским дипломатическим и военным кругам Герберта Фейса, существовало два основных средства воздействия на Японию, применить которые готовились союзники в течение длительного времени: первое — сбросить на Японию атомную бомбу и второе — объявление Советским Союзом войны Японии²⁸. Можно полагать, что такого же мнения придерживались и президент и военное командование США. Так что же им выбрать?

Давайте порассуждаем. Еще 17 июля Трумэн получил подтверждение, что в середине августа СССР вступит в войну. Таким образом, второе средство было близко к реализации. При этом, как уже упоминалось, американское руководство из разведывательных источников знало, что вступление Советского Союза в войну рассматривалось в Токио как крах его последней надежды, после чего Япония должна будет капитулировать. Более того, Советский Союз с помощью США тщательно готовился к вступлению в войну, и не было такой силы, которая могла бы воспрепятствовать этому. Так почему же США не ограничились этим? Может быть они сомневались в надежности такого шага и нуждались в дополнительных гарантиях?

При ответе на эти вопросы нужно исходить из того, что в этот период Вашингтон интересовала не только капитуляция Японии, хотя это и рассмат-

ривалось как основная цель, но и способ ее достижения. Трумэн и Бирнс в Потсдаме строили свою дипломатию таким образом, чтобы вынудить Японию капитулировать до вступления СССР в войну с тем, чтобы, по крайней мере, затруднить для Москвы реализацию Ялтинского соглашения, в соответствии с которым Советский Союз в значительной степени укреплял свои стратегические позиции на Дальнем Востоке.

Для реализации этого курса Вашингтон избрал из рассматриваемых выше двух средств первое, т.е. решил применить против Японии только что появившуюся у него атомную бомбу. Хотя Трумэн, как он впоследствии отмечал в своих мемуарах и публичных заявлениях, полностью отдавал себе отчет в том, какой разрушительной силой обладало новое оружие, тем не менее во имя политических целей президент игнорировал советы своих ближайших помощников - Леги, Эйзенхауэра, многих ученых-разработчиков ядерного оружия, воздержаться от его применения и отдал приказ о бомбардировке.

4 августа 1945 года личный состав 509-й авиагруппы был впервые кратко информирован о природе новой бомбы и характере ее взрыва. На следующий день экипаж самолета Б-29 "Энола Гэй" получил приказ сбросить первую атомную бомбу. В ночь на 6 августа экипаж приступил к выполнению задания. В 8 часов 15 минут по местному времени бомба была сброшена на парашюте, и через несколько минут над Хиросимой взвился смертоносный атомный гриб, мгновенно унесший многие десятки тысяч человеческих жизней.

Таким образом, США впервые в мире применили ядерное оружие против мирных жителей. Но не потому, что это диктовалось военной необходимостью для достижения скорейшей капитуляции Японии, а для того, чтобы она капитулировала до вступления в войну Советского Союза.

Через 16 часов после уничтожения Хиросимы Белый дом опубликовал официальное заявление, в котором он кратко информировал об истории создания атомного оружия, подчеркивал его огромную разрушительную силу и предупреждал Японию, что в случае отклонения требований о капитуляции ее "ожидает с воздуха такой поток разрушений, которого никогда не знала земля"²⁹. Правительство США ожидало, что сразу же после атомного взрыва Япония признает свое поражение.

Однако этого не произошло. 7 августа, уже после того, как было опубликовано заявление Трумэна, японский премьер Судзуки получил данные о результатах бомбардировки Хиросимы и сразу же предложил созвать заседание Высшего совета по руководству войной, но военные руководители выступили против. Не был собран даже кабинет министров. Военное руководство ограничилось посылкой в Хиросиму комиссии для расследования. Оно активно продолжало подготовку армии и страны к решительному сражению на территории собственно Японии.

Не добившись желаемого результата, американские политики стремились как можно скорее сбросить вторую бомбу, чтобы продемонстрировать Японии и всему миру, что США могут продолжать атомные удары. Еще в конце июля срок применения второй бомбы был перенесен с 20-го на 11 августа, а через неделю его сократили еще на два дня.

Теперь давайте рассмотрим, как развивались события, связанные с применением второй американской атомной бомбы против Нагасаки. Есть ли в таком поступке хотя бы вышеупомянутая логика, природа которой, как мы это показали, все же весьма сомнительна?

Итак, Трумэн узнал об "успешном" применении атомной бомбы против Хиросимы на борту крейсера "Аугуста" ("Augusta") на пути из Потсдама до-

мой. 7 августа в 11 часов вечера того же дня (по Вашингтонскому времени) Трумэн вошел в Белый дом.

Тем временем развитие событий стремительно нарастало. 8 августа в 17 часов Молотов вызвал к себе японского посла Сато и уведомил его о том, что с нуля часов 9 августа 1945 г. Советский Союз будет в состоянии войны с Японией. Обратим внимание, что в этот момент в Токио было уже 11 часов вечера, а в Вашингтоне только 8 часов утра того же дня. Сразу же после этого Сталин пригласил к себе американского посла А. Гарримана и проинформировал его о вступлении Советского Союза в войну против Японии. Генералиссимус сказал, что первые подразделения Красной армии уже пересекли маньчжурскую границу и продвинулись вперед на 10-12 километров на восточном и западном участках фронта.

Гарриман спросил Сталина, какой эффект, по его мнению, окажет атомная бомбардировка на японцев? Генералиссимус ответил, что последнее время они искали предлог для того, чтобы свергнуть свое правительство и выйти из войны. Теперь атомная бомба может стать таким предлогом. Продолжая разговор об ядерном оружии, Сталин заявил, ссылаясь на мнение советских ученых, что его создание представляет собой большую научную проблему. Посол добавил, что США начали работу над этой программой еще в 1941 г., истратив на это более 2 млрд. долларов.

Можно предположить, что Гарриман по возвращении в свое посольство немедленно уведомил президента США о вступлении СССР в войну. Хотя Вашингтон мог узнать об этой новости практически одновременно с Японией (в 10-11 часов утра 8 августа), так как спецслужбы США вели непрерывный мониторинг всех японских радиопередач. Хорошо осведомленный Г. Фейс писал, что президент узнал об этой новости в полдень³⁰. Сразу после этого он провел, пожалуй, самую короткую в истории пресс-конференцию. Трумэн сказал корреспондентам газет и радио: "Я хочу сделать краткое уведомление. У меня нет возможности на проведение регулярной пресс-конференции, но это сообщение, по моему мнению, крайне важно, чтобы вы его знали. Россия объявила войну Японии. Это все"³¹.

9 августа 1945 г. в 11 часов 30 минут (по токийскому времени) США сбросили вторую атомную бомбу, на этот раз на Нагасаки. В это время в Вашингтоне было 10 часов 30 минут вечера еще 8 августа. Президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн уже 10-12 часов знал, что Советский Союз вступил в войну против Японии. Возникает вполне законный вопрос: почему президент не отменил свой приказ о бомбардировке Нагасаки? Или, может быть, трудно было установить радиосвязь с островом Тиниан? Неужели трагедия с Нагасаки случилась из-за плохой работы связистов? Я думаю, что в США в свое время найдутся мужественные историки, которые напишут об этом преступлении правдивый рассказ. Японцы имеют право знать правду о том, почему погибли многие тысячи ни в чем не повинных, мирных граждан Нагасаки.

1. Условное наименование организации, которая вела работы по созданию атомной бомбы.
2. Memorandum by Forrestal, May 12, 1945, in Walter Millis, ed., *The Forrestal Diaries*. New York, 1951, p. 56; Herbert Feis, *Contest Over Japan*. - New York, 1967, p. 27-28; Martin Sherwin, *A World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance* New York, 1977, and Gregg Herken, *The Winning Weapon: The Atomic Bomb and Cold War, 1945-1950* (New York, 1982).
3. In: Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin: the War They Waged and the Peace They Sought. - London, 1957. - P. 636.
4. Truman H. *Memoirs*. - N.Y., 1955. -Vol. 17 - P. 85.

5. Ibid., - P. 87.
6. Цит. по: Вильямс В. Трагедия американской дипломатии/. Пер. с англ. - М., 1960. - С. 165.
7. In: Daniels J. The Man of Independence. The Life and Times of Harry Truman. - N. Y., 1951. - P. 266.
8. Drunks H. Harry S. Truman and the Russians. - N. Y., 1966. - P. 40.
9. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. Перевод с английского. - М., 1964. - С. 49.
10. On the Matter of J. Robert Oppenheimer. Transcript of Hearing before Personnel Security Board. - Cambridge - London, 1971. - P. 32-33.
11. NAUS. 336. Manhattan District, Folder 100, Notes of the Interim Committee Meeting, 1 June 1945. - P. 9-10.
12. В конце июля вместо Киото было решено нанести удар по Нагасаки.
13. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. - С. 245.
14. FRUS. The Conference of Berlin (Potsdam), 1945. - Vol. II. Washington, 1960. - P. 1360.
15. In: Alperovitz G. Atomic Diplomacy. Hiroshima and Potsdam. - N. Y., 1965. - P. 147.
16. Truman H. Memoirs. - Vol. I. - P. 419.
17. Ibid. - P. 420.
18. In: Forrestal J. The Forrestal Diaries. - N. Y., 1951. - P. 70.
19. Truman H. Memoirs. - Vol. I. - P. 411.
20. История второй мировой войны 1939-1945. М.: Воениздат, 1980. - Том 11. - С. 153.
21. In: Craig W. The Fall of Japan. - London, 1970. - P. 58.
22. In: Yass M. Hiroshima. - London, 1971. - P. 66.
23. Byrnes J. Speaking Frankly. - N. Y., 1947. - P. 208.
24. Byrnes J. All in One Lifetime. - N. Y., 1958. - P. 291.
25. Ibidem.
26. The Entry of the Soviet Union into the War against Japan. - Wash., 1955. - P. 87.
27. FRUS. The Conference of Berlin (Potsdam), 1945. - Vol. II. - P. 1292-1293
28. Ibid.
29. FRUS. The Conference of Berlin (Potsdam), 1945. - Vol. II. - P. 1376-1377.
30. Feis H. Japan Subdued. - P. 116.
31. Ibid. - P. 116.

Наш юбиляр

Борису Николаевичу Славинскому — 60 лет

17 августа исполнилось 60 лет заместителю главного редактора нашего журнала Борису Николаевичу Славинскому.

Борис Николаевич работает в системе Российской академии наук с 1971 г. Он был назначен заместителем главного ученого секретаря Президиума только что созданного Дальневосточного научного центра АН СССР во Владивостоке и одновременно — заведующим сектором "Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке" в Институте истории ДВНЦ. В рамках этого сектора при участии ряда ученых других научных центров подготовлен труд "История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945-1986 гг." (вышел в свет в 1988 г.), в котором Б. Н. Славинский написал разделы по внешней политике СССР на Дальнем Востоке.

С 1982 г. Борис Николаевич работает в Москве в издательстве "Наука" вначале — ответственным секретарем журнала "Social Sciences", затем заместителем главного редактора редакции "Общественные науки и современность", а с августа 1988 г. — заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

Знание российского Дальнего Востока позволило ему привлечь для публикаций в журнале многих ведущих ученых и специалистов-дальневосточников, а также руководителей краев и областей дальневосточного региона. Неоднократно он сам выступал на страницах журнала по вопросам истории международных отношений и внешней политики России на Дальнем Востоке.

Благодаря усилиям и инициативе Бориса Николаевича наш журнал одним из первых среди периодических изданий в "Науке" внедрил компьютерный набор и компьютерную верстку, что позволило редакции выйти на качественно новый уровень работы.

Борис Николаевич активно занимается научной работой. Он опубликовал ряд книг, в том числе монографию "Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945-1986 гг." В Японии опубликована его книга по Сан-Францисскому мирному урегулированию. В последнее время им подготовлены две монографии: "Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг." и "Ялтинская конференция и проблема северных территорий". Б. Н. Славинский написал большое количество статей, он является автором отдельных глав ряда коллективных монографий.

Редакция и редколлегия поздравляют юбиляра и желают ему здоровья, счастья и новых творческих успехов.

Проблема вступления СССР в войну против Японии глазами общественно-политических сил Соединенных Штатов

© 1995

Р.Иванов

Советско-американские отношения перед нападением Германии на Советский Союз были весьма прохладны. Антисоветизм, антикоммунизм руководства США проявлялся во всем, негативную реакцию Вашингтона вызывал любой шаг, укреплявший международное положение СССР. В отчете Посольства СССР в США за 1941 год, подписанным советником А.А.Громыко, отмечалось: "Значительный холодок в советско-американские отношения был внесен заключением между СССР и Японией в апреле 1941 года пакта о нейтралитете". И далее: "Американское правительство сразу же после заключения указанного пакта дало понять путем усиления экономических репрессий против нас, что оно было недовольно заключением этого пакта"¹.

Антисоветизм перед войной преобладал при оценке Вашингтоном советско-японских отношений. Во всяком случае в известных мне американских источниках не встречалось ни одной попытки проанализировать характер советско-японских противоречий, с целью поиска перспектив и точек соприкосновения американских и советских интересов на Дальнем Востоке. В то же время к Японии со стороны Вашингтона отношение было весьма снисходительным. Посольство СССР информировало НКВД СССР, что в США активно работает японская разведка, но японские консульства, откуда тянулись основные нити японской разведки, не закрыты, тогда как деятельность всех германских и итальянских консульств прекращена. Японские авуары в американских банках были заморожены позже, чем германские и итальянские².

Проявлялась эта снисходительность и в отношении США к агрессии Японии против Китая. В отчете Посольства СССР в США отмечалось, что "помощь Соединенных Штатов Китаю носила более политический и моральный характер...", хотя составители отчета и находили этому оправдание в том, что "США были по существу не в состоянии оказать существенную помощь Китаю, не ослабляя помощи Англии и не замедляя темпов вооружения своей собственной армии и развития военно-морского флота"³.

Тем не менее печать и общественность США выражали обеспокоенность возможным нападением Японии на Советский Союз и указывали на то, что в случае советско-японского конфликта важно поддержать СССР. Так, 28 июня 1941 года, через неделю после вторжения германских войск в СССР,

Иванов Роберт Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

канзасская газета "Топика дейли кэпитл", отмечая между Японией и СССР существование пакта о нейтралитете, тем не менее, предупреждала, что "нацисты атакуют первыми, когда это им выгодно". При этом делался вывод, что не исключена возможность "нападения Японии на Сибирь в нарушение соглашения о нейтралитете". Если это произойдет, писала газета, то американцы "должны полностью прекратить снабжение Японии".

В своих многочисленных обращениях в советское Посольство американцы высказывали озабоченность в связи с возможностью нападения Японии на СССР. Характерна цитата из письма бизнесмена А.Цевелла из Филадельфии послу СССР в США: "Было бы желательным, чтобы Советское правительство предприняло немедленные меры для подготовки миллиона китайских солдат, с тем, чтобы использовать их на Дальнем Востоке против возможного вторжения японцев через Маньчжурию в Сибирь"⁴. Одновременно правительству США направлялись письма и телеграммы с требованием принять действенные меры в поддержку СССР. Характерна телеграмма, направленная 18 октября 1941 г. собранием общественности города Сиэтл президенту США Рузвельту с решением собрания, в котором говорится, что США должны начать военные действия против Японии и открыть на Западе фронт против Гитлера⁵.

Влияние развития обстановки на советско-германском фронте и угроза падения Москвы в 1941 году оценивались в США прежде всего с точки зрения возможных действий Японии против СССР, Сенатор Ние, республиканец от штата Нью-Джерси считал, что "исход битвы за Москву", по всей вероятности, окончательно определит японскую политику: вполне очевидно, что Япония постарается быть на стороне победителя". Сенатор Хили, демократ от штата Алабама, говорил: "Многие в Конгрессе США считают, что решением Японии будет удар по Сибири"⁶.

В то же время американская общественность в значительной мере была загипнотизирована огромной мощью США и в своем подавляющем большинстве не допускала, что Япония рискнет пойти на войну с их страной. 4 декабря 1941 года канзасская газета "Топика дейли кэпитл" опубликовала передовую, автор которой безапелляционно утверждал, что переговоры с Японией достигли той фазы, когда можно с уверенностью сказать, что "ничего не может случиться в настоящее время".

Пламя второй мировой войны полыхало в Европе, в Азии, в Африке. Вне войны оставались только Соединенные Штаты. Американцы твердо придерживались позиции неучастия в боевых действиях. Видимо поэтому, рассматривая самые невероятные повороты в развитии военно-политических событий, авторы военных и политических прогнозов не ставили вопрос о возможности удара Японии по территории США.

Известие о нападении Японии на Перл-Харбор прокатилось по США как удар грома. Даже ярые изоляционисты поняли, что от войны Соединенным Штатам уклониться не удалось. Один из них, сенатор от штата Канзас Кеппер в заявлении для печати сказал: "Нападение японцев означает начало войны... И, конечно, я поддерживаю президента". Аналогичную позицию занял губернатор Канзаса Пейн Ретнер⁷.

Оплот изоляционизма - Канзас - активно выступил в поддержку президента Рузвельта, считавшего необходимым более весомое участие США в мировой политике. Это означало, что общественность США сделала выбор: стране навязана война, от исхода которой зависит судьба американцев, и необходимо выступить единым фронтом против агрессоров.

В этих условиях произошла резкая переориентация общественного мнения США на более активную поддержку русского союзника, ведшего борьбу не на жизнь, а на смерть с сильнейшей из держав "оси" Берлин-Рим-Токио. 11 декабря Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. Это означало, что США оказались в состоянии войны со всеми тремя странами "оси". В связи с этим уже 12 декабря в "Топика дейли кэпитл" было напечатано сообщение из Вашингтона: "Таким образом, завершилось грандиозное размежевание мировых держав для ведения второй мировой войны, но с одним главным исключением - Россия, находящаяся в состоянии войны с Германией и Италией, все еще не объявила войну Японии. Однако государственный секретарь Хэлл выразил уверенность, что скоро Россия сделает это"⁸.

Важно отметить, что в этом номере газеты, как и в предыдущих, не было никакой информации о битве за Москву, о тяжелейшем положении советских войск на фронтах. Публикации были посвящены японо-американским отношениям. При этом упоминалась необходимость для СССР срочно объявить войну Японии. Лишь 13 декабря американские газеты публикуют сообщение о разгроме немцев под Москвой как сенсацию. Но и здесь интересен характер комментариев. Канзасская газета, подробно излагая сводку Совинформбюро, в передовой статье "Почему Гитлер не может победить?" писала: "Нацистские вооруженные силы разгромлены в ходе зимней кампании, плюс вступление Соединенных Штатов в войну - все это повергло немецкий народ в шок"⁹.

Вступление США в войну против Германии качественно повысило уровень советско-американских отношений. Теперь это были связи между двумя державами, воюющими против общего противника, что создало хорошую основу для оформления антигитлеровской коалиции. Однако с другой стороны, вступление США в войну создало дополнительные проблемы для военных поставок из США в Советский Союз. В отчете посольства СССР в США за 1941 год указывалось, что и до 7 декабря планы поставок из США оружия и материалов не выполнялись, а нападение Японии "еще больше ухудшило положение. Поставки из США вооружения и важнейших сырьевых материалов на 2-3 недели совершенно были остановлены". По данным Посольства на 1 января 1942 года план поставок самолетов был выполнен на 20%, танков на 28%, зенитных орудий на 40%, поставки противотанковых орудий не начались, разведывательных автомашин на 20%, грузовых автомашин на 33%¹⁰.

Вступление Соединенных Штатов во вторую мировую войну было поддержано большинством населения страны. Естественно, что в этих условиях роль общественно-политических сил, как фактора, влияющего на принятие решений в высших правительственных кругах, корректирующего эти решения в процессе их осуществления значительно возросла. Анализируя отношение американских общественно-политических сил к СССР после нападения Японии на Перл-Харбор и объявления Германией и Италией войны Соединенным Штатам, советские дипломаты отмечают резкое улучшение отношения американцев к СССР. В отчете Посольства СССР констатировалось, что рабочий класс, фермерство, руководящие круги американской буржуазии и правительство США "стали убеждаться в том, что Советский Союз является естественным союзником Соединенных Штатов Америки, Англии и других стран в борьбе против фашистской агрессии". В отчете говорилось также, что в США создаются добровольные комитеты по оказанию медицинской помощи Красной Армии и гражданскому населению СССР. Проводятся массовые митинги в поддержку Советского Союза, пресса активно выступает за развитие

военного, экономического, политического сотрудничества между США и СССР".

Однако при этом, не считаясь с катастрофически тяжелым положением СССР, который фактически один на один сражался с фашистской Германией, а подавляющая часть вермахта находилась на советско-германском фронте, многие в США требовали, чтобы советские вооруженные силы нанесли удар по Японии. Психологически было вполне объяснимо желание американцев, чтобы Советский Союз объявил войну Японии и две великие державы вместе противостояли японским милитаристам-агрессорам. Однако было очевидно, что Советский Союз не имел ни военных, ни экономических возможностей вести войну на два фронта - против Германии и одновременно против Японии.

Эта истина постепенно доходила до американских общественно-политических сил и находила свое отражение на страницах прессы США. 16 декабря "Топика дейли кэпитл", объясняя позицию Советского Союза по вопросу о вступлении в войну с Японией писала: "Советские армии слишком заняты изгнанием нацистов от Москвы и делами на всем фронте, чтобы немедленно, сейчас же вступить в войну на Тихом океане... Не время критиковать стратегию России. Армии Сталина сражаются с нацистами исключительно успешно... Россия сокрушает нацистскую угрозу и прокладывает путь к полному уничтожению гитлеризма в Европе". В заключение статьи говорилось: "Будем снисходительны, когда Сталин задерживается со своим прыжком на Японию из-за того, что его руки полностью связаны на Западном фронте".

Официальные круги и общественность США живо интересовало мнение советской стороны о возможности нападения Японии на СССР. В американском дипломатическом документе от 9 февраля 1942 года с грифом "Совершенно секретно" подробно рассказывается о состоявшейся в декабре 1941 года беседе американских дипломатов с советским руководством с участием Сталина. "Когда Сталина спросили, - говорится в документе, - как он расценивает ситуацию, если Россия окажется втянутой в войну на Дальнем Востоке, он ответил, что отнесется к этому без энтузиазма, но что войска, выведенные оттуда, будут заменены новыми формированиями, и этот район будет также надежно защищен, как и раньше. Он убежден, что Япония нападет на СССР до наступления весны..."¹².

То, что Сталин допускал вероятным возможность нападения Японии на Советский Союз подтверждается и из английских источников. Министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, сообщая Черчиллю о своей встрече со Сталиным в декабре 1941 г., писал, что советский руководитель "считает вероятным" нападение Японии на СССР¹³. Косвенно об этом свидетельствует и письмо Сталина Черчиллю от 3 сентября 1941 года, в котором он писал: "Советский Союз не считает возможным нарушать договоры, в том числе и договор с Японией о нейтралитете. Но, если Япония нарушит этот договор и нападет на Советский Союз, она встретит должный отпор со стороны советских войск"¹⁴.

Был ли Сталин действительно уверен, что Япония нападет на СССР или он преднамеренно нагнетал опасность вступления Японии в войну с СССР? И руководство США, и часть американской общественности сомневались, выдержит ли Советский Союз страшную войну с Германией. Если бы СССР подвергся еще и нападению со стороны Японии, то это могло иметь для него и всех его союзников катастрофические последствия. Можно полагать,

что своими заявлениями Сталин лишь стремился подтолкнуть Вашингтон и Лондон к скорейшему открытию второго фронта.

Отношение к СССР в США в значительной мере строилось, исходя из приоритетов в политической и военной стратегии США в борьбе с державами "оси". Пресса США, отражая настроения общественно-политических сил, указывала на то, что разгром Германии должен быть первоочередной задачей США и их союзников. Генерал Эйзенхауэр, один из наиболее влиятельных военных руководителей, заявлял: "Мы должны отправиться в Европу и сражаться там, надо прекратить разбрасывание наших ресурсов по всему миру". Он объяснял это тем, что нельзя предоставлять немцам время для более эффективного использования "возможностей промышленного производства", которые выше, чем у японцев. Во многих своих выступлениях Эйзенхауэр подчеркивал, что Европа, а не тихоокеанский регион должны стать главным театром военных действий¹⁵. И тем не менее основная масса американских вооруженных сил была сосредоточена на Тихом океане.

Американский институт общественного мнения периодически проводил опросы населения страны с целью выяснения, против кого - Германии или Японии, должны быть сосредоточены основные усилия США. Характерны опросы за май и июль 1942 года.

	Май	Июль
1. Использовать в войне против Японии основные силы США и оказывать Европе достаточную помощь, чтобы помешать Гитлеру добиваться новых успехов	33%	22%
2. Использовать в войне против Германии основные силы США и оказывать Тихоокеанскому фронту достаточную помощь, чтобы помешать Японии добиваться новых успехов	22%	34%
3. Наносить по Германии и Японии удары равными силами	27%	28%
4. Оттянуть наши силы ближе к дому, использовать их для защиты собственного побережья	7%	7%
Не имели мнения	11%	9%

Комментируя результаты опросов, разведслужба США констатировала: "Опросы убедительно иллюстрируют смещение внимания общественности с Тихоокеанского на Европейский фронт. Аргументы, чаще всего выдвигаемые в пользу концентрации наших сил против нацистов, сводятся к тому, что нацисты сильнее японцев и представляют большую угрозу нашему благополучию и что разгром Японии можно будет легче осуществить после поражения Германии"¹⁶.

Несмотря на это Вашингтон продолжал основное внимание уделять боевым действиям на Тихом океане. При этом в средствах массовой информации постоянно муссировался вопрос о том, когда и при каких условиях к этим действиям подключится Советский Союз. Понимая, что СССР сам не пойдет на войну на два фронта, чаще всего высказывалось предположение, что Япония нападет на СССР. Например, каждое серьезное осложнение положения советских войск в войне с Германией сразу же вызывало прогнозы о возможности нападения Японии на Советский Союз. Так, в первые недели битвы за Сталинград, 19 августа 1942 года "Топика дейли кэпитл" писала, что "существует почти полная уверенность, что японцы нанесут удар в Сибири".

Более опасны, чем эти прогнозы для СССР были раздававшиеся в США настойчивые требования предоставить американцам военно-воздушные базы на территории советского Приморья для бомбардировок Японии. Работникам Посольства СССР в Вашингтоне постоянно приходилось разъяснять

американской общественности опасность для Советского Союза войны на два фронта. Посол СССР М.М.Литвинов на встрече с американскими журналистами 10 августа 1942 года заявил, что Россия не будет предоставлять Соединенным Штатам право использовать базы во Владивостоке и Сибири, так как это втянет Россию в войну с Японией, а Россия хотела бы избежать возникновения для нее второго фронта на Востоке, который раздробит ее силы. Советский посол, писала газета "Вашингтон пост", одновременно заявил о "тяжелой ответственности, которая ложится на плечи союзных лидеров, отказывающихся открыть второй фронт"¹⁷.

Вашингтон, пытаясь втянуть СССР в войну с Японией, сам уклонялся от активных действий в Европе. 14 августа 1942 года советник Посольства СССР в США А.А.Громько сообщил В.М.Молотову, что за последние год-два США неизмеримо укрепили свою военную мощь. И тем не менее, в "этой подготовке нет, однако, целеустремленности направить основную массу своих ресурсов против Гитлера как основного и наиболее опасного врага. Правительство США основную массу этих ресурсов направляет против Японии". Автор доклада делал вывод, что "и в ближайшем будущем будет такое распределение усилий США"¹⁸.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом стал поворотным моментом в развитии многих внешнеполитических процессов, в том числе проблем в советско-американских отношениях, связанных с Японией. Стало очевидно, что наступил перелом в ходе Великой Отечественной войны, и СССР сможет выиграть войну с Германией и без второго фронта. В Вашингтоне осознавали, что такой исход войны дал бы огромные преимущества Советскому Союзу в Европе, а на Востоке открывал новые перспективы для распространения советского влияния. Это не вызывало энтузиазма в Соединенных Штатах.

Непосредственно на Дальнем Востоке после Сталинградской битвы практически снималась с повестки дня угроза японской агрессии против СССР. Война же на Тихом океане приняла затяжной характер.

С учетом сложившейся ситуации в правительственных сферах и в различных кругах общественности США все более настойчиво повторялась мысль о том, что приоритетным в войне должен быть разгром Германии и только после этого все силы следует бросить против Японии.

С другой стороны, у общественности США были серьезные сомнения, сможет ли Советский Союз, истощенный тяжелейшей войной с Германией, принять участие в военных действиях против Японии. Например, 8 июня 1943 года "Кензас сити стар" писала: "Страшная борьба с Германией настолько ослабит Россию, что у нее не будет никакого желания принять участие в еще одной войне, если это даже окажется для русских необходимым. Россия очень заинтересована в разгроме Японии, но если она будет считать, что Соединенные Штаты и Британия смогут завершить это без ее помощи, Россия будет этому рада".

В средствах массовой информации США тот факт, что Япония, вопреки многочисленным прогнозам обозревателей воздерживалась от удара по СССР, зачастую объясняли только победами американского оружия на Тихом океане, игнорируя такой решающий фактор, как успехи Красной Армии на советско-германском фронте. Так, 21 января 1943 года "Кензас сити таймс" писала, что "военные обозреватели были убеждены в неизбежности удара Японии по Сибири, и только победа американцев на Соломоновых островах помешала сделать это". Одновременно автор статьи выражал надежду на то, что Россия вступит в войну с Японией, считая, что "задержка японцев с ударом предоставит России время лучше подготовиться к борьбе, когда она начнется".

Начиная с Перл-Харбора вопрос о предоставлении Советским Союзом права использовать свои дальневосточные базы американскими ВВС для бомбардировок Японии постоянно находился в центре внимания американской прессы. А по мере приближения разгрома Германии такие просьбы-требования к Советскому Союзу выдвигались все более настойчиво. Например, 17 июня 1943 года "Кензас сити таймс" писала: "Нет уверенности, что Россия разрешит проводить наши операции (против Японии. - Р.И.) из Сибири". Позиции СССР автор противопоставлял позицию Китая: "Пока Сталин решает вопрос о предоставлении своим союзникам права на использование военно-воздушных баз в Сибири, Китай предлагает возможность приблизиться к противнику как можно ближе". В статье отмечалось, что между Советским Союзом и Китаем имеются серьезные противоречия, подчеркивалось, что "правительство Чан Кайши опасается возможных русских пригрозаний через некоторое время на Северную Маньчжурию, которая удерживается японцами, но раньше была частью Китайской империи".

Разведывательные и информационные службы США тщательно анализировали военный и экономический потенциал Советского Союза с точки зрения возможного участия в войне против Японии. 1 сентября 1943 года в обзоре Службы военной информации "СССР - положение, возможности, намерения"¹⁹ в специальном разделе "Наступательные возможности. (России. - Р.И.) Сухопутный театр военных действий" говорилось: "Русские в настоящее время не в состоянии предпринять решительных операций (против Японии. - Р.И.)... без получения подкреплений. Ожидать подобных подкреплений невозможно до тех пор, пока не будет ликвидирована для России угроза со стороны Германии". Как видно из компетентного мнения американской военной разведки, вступление СССР в войну с Японией до завершения разгрома фашистской Германии на том этапе было нереально как с военной, так и с экономической точек зрения.

Тогда закономерен вопрос: почему в США столь активно дискутировалась возможность и даже необходимость для Советского Союза объявить войну Японии? На наш взгляд, одна из важнейших причин этого состояла в стремлении руководства страны оказать давление на американские общественно-политические силы с целью оправдать свою позицию затягивания открытия второго фронта. Аргумент был таков: если Советский Союз отказывается начать войну с Японией, то и американцы не могут форсировать открытие второго фронта в Европе.

В разделе "Намерения" указанного выше документа отмечалось: "Россия не примет участия в войне на Тихом океане до тех пор, пока не будет ликвидирована немецкая угроза для нее. После этого она... будет руководствоваться своими собственными интересами и вступит в войну только в том случае, если будет убеждена, что Японию можно будет победить малой для России ценой". Авторы обзора отмечали, что Россия "имеет большие экономические, политические и военные интересы для оккупации Южного Сахалина, Северной Маньчжурии и примыкающих районов, включающих по крайней мере один незамерзающий порт".

В обзоре явно сквозила тревога по поводу возможных советских территориальных притязаний на Дальнем Востоке. "В случае ухода японцев из этого региона, - говорилось в выводах, - или угрожающего им поражения, советская оккупация этих районов может достичь масштабов, которые превысят соответствующие возможности других союзников".

Серьезный интерес американской общественности к проблеме вступления Советского Союза в войну против Японии сохранялся и после Тегеран-

ской конференции, на которой Советский Союз взял на себя обязательство объявить войну Японии после разгрома Германии. Решение об этом сохранялось в строжайшей тайне. О нем знало только высшее руководство СССР, США и Великобритании. Что же касается общественности и даже весьма информированных ведущих политических обозревателей, то они могли только строить различные предположения по вопросу об участии Советского Союза в военных действиях против Японии.

В большинстве анализов тем не менее указывалось, что без участия Советского Союза, как в войне против Японии, так и в послевоенном урегулировании, обойтись будет весьма трудно, практически невозможно. 16 февраля 1944 года известный американский политический обозреватель Уолтер Липпман констатировал, что в будущем разгрома Японии "действия России будут очень важны, а, возможно, они приобретут и решающее значение". В статье У.Липпман подчеркивал, что для победы над Японией необходимо будет разгромить мощные сухопутные силы Японии, находящиеся в Китае. С точки зрения решения этой проблемы, "вступление России (в войну с Японией. - Р.И.) ...радикальным образом изменит всю ситуацию"²⁰.

В это время, кроме проблемы завершения войны, все чаще начинает подниматься и проблема послевоенного урегулирования. В той же статье, например, У.Липпман писал: "Существует много конкурирующих между собой теории, как вести войну. Но нет ни одного плана ее ведения, который рассматривался бы всерьез и не предусматривал бы создания мощной и безопасной для нас полосы в Азии, от Южного Китая до Восточной Сибири". И здесь, конечно, затрагивались судьбы Китая. Американцы отмечали, что разгром Германии и Японии не будет означать разрешения сложного комплекса китайских проблем. Очевидно было и то, что Советский Союз будет играть важную роль в китайских делах. Вот почему в США с пристальным вниманием следили за всем новым, что появлялось в советской позиции в отношении Китая.

Советский Союз еще не вступил в войну с Японией, объявив лишь о денонсации пакта о нейтралитете, а американская пресса сразу начала делать прогнозы, в какой мере последствия советско-японской войны скажутся на отношениях между СССР и США. 7 апреля 1945 года, уже на второй день после денонсации пакта о нейтралитете, "Кензас сити таймс" отмечала: "Долго ожидавшаяся денонсация Россией пакта о нейтралитете с Японией означает не только то, что Сталин присоединится к западным союзникам России, воюющим с Японией, но и то, что Советы попытаются приобрести доминирующие политические позиции в Восточной Азии и на Тихом океане". Автор статьи предсказывал, что новая расстановка сил, которая возникнет как следствие участия СССР в войне с Японией, обострит отношения между США и Советским Союзом. "Разрешит ли Америка России после этой войны проникнуть в те сферы влияния, из которых будет вытеснена Япония?" - ставился вопрос в статье. К моменту капитуляции Германии накопился тяжелый груз советско-американских противоречий, который оказывал свое негативное воздействие и на комплекс дальневосточных проблем.

В конце мая 1945 года известный государственный деятель США Гарри Гопкинс встречался со Сталиным. Эта ответственная миссия не случайно была поручена сподвижнику президента Рузвельта. Гопкинс был одним из немногих деятелей Запада, пользовавшихся расположением советского лидера.

Судя по отчету о беседе для Государственного департамента США²¹, Гопкинс начал разговор с заявления, что причина его визита заключается в том, что наступило ухудшение в отношениях между США и СССР. Два месяца назад в Соединенных Штатах повсеместно отмечалась симпатия к Совет-

скому Союзу, но за последние шесть недель положительное отношение к СССР столь изменилось к худшему, что вся структура сотрудничества между двумя странами, созданная Рузвельтом и Сталиным, оказалась под угрозой. Президент Трумэн очень обеспокоен этой ситуацией и горит желанием исправить ее.

Далее Гопкинс указал на ряд причин ухудшения отношений с СССР. Главная из них - явная неспособность выполнять Ялтинское соглашение по Польше. Сталин ответил, что "советское руководство обеспокоено рядом акций США и считает, что американцы ведут себя так, как если бы они больше не нуждались в Советском Союзе после разгрома Германии".

Судя по отчету, Сталин подтвердил уже высказывавшееся неоднократно ранее советской стороной мнение, что Китай должен быть единым и суверенным государством. Весьма примечательной была оценка Сталиным положения в Китае. "Он заявил, - говорится в документе, - что приветствует объединение Китая и что Чан Кайши лучший, чем коммунисты лидер для решения вопроса о единстве страны. Когда советские войска вступят в Маньчжурию или другие районы Китая, они передадут там административную власть представителям Чан Кайши".

В ходе беседы Сталина с Гопкинсом был рассмотрен целый комплекс проблем советско-китайских отношений. "Сталин сказал, что Советы не намереваются пересматривать вопрос о китайском суверенитете над Маньчжурией и другими районами Китая. Внешняя Монголия, как и в настоящее время, останется независимой республикой". Были обсуждены и пути восстановления экономики Китая. "Сталин согласился с политикой открытых дверей в Китае в интересах коммерческой деятельности в этой стране, но высказался за то, что США предоставили возможно большую часть капиталов и экспертов для перестройки и развития экономики Китая".

Записка констатировала, что в ходе беседы Сталина с Гопкинсом подчеркивалось, что соглашения между ними по блоку дальневосточных проблем носят предварительный характер. Конкретнее отмечалось, что "стороны достигли договоренности, что все эти проблемы будут вновь обсуждены на встрече Большой тройки".

Американцев больше всего беспокоил вопрос о том, выполнит ли Советский Союз взятое на себя на Крымской конференции обязательство объявить войну Японии. Во всяком случае с этого вопроса Гопкинс начал обсуждение со Сталиным дальневосточных проблем. "Гопкинс подчеркнул, что Советы согласились в Ялте вступить в войну на Тихом океане спустя два или три месяца после окончания войны с Германией и спросил, может ли Сталин назвать приблизительную дату (вступления СССР в войну с Японией. - Р.И.).

Представитель президента США получил предельно конкретный ответ. "Сталин заявил, - говорится в документе, - что Советы будут готовы 8 августа, но для того, чтобы оправдать перед советским народом участие в войне на Тихом океане, Китай предварительно должен признать советские пожелания, согласованные в Ялте". Была достигнута договоренность, что и советская и американская сторона проведут соответствующие переговоры с Китаем.

Сталин и Гопкинс обсудили все важнейшие вопросы, которые возникали в связи с предстоящим вступлением СССР в войну с Японией. "Сталин приветствовал (решение. - Р.И.) о безоговорочной капитуляции Японии, хотя и заявил, что японцы будут сражаться до конца". Советский руководитель высказался за то, чтобы навсегда покончить с японским милитаризмом. "Он сказал, что такая война, как нынешняя, происходит раз в сто лет, и она представляет наилучшие возможности для полного уничтожения японской мили-

таристской касты, которая в противном случае всегда попытается взять реванш". Тем не менее, Сталин не исключал возможности поиска альтернативных путей вывода Японии из войны. "В целом, - говорится в документе, - Сталин считал, что с Японией можно обойтись более снисходительно, чем с Германией". С учетом жесткого характера советского лидера, подобная позиция, очевидно, была достаточно неожиданной.

Участники беседы обсудили и вопросы будущего политического устройства Японии. "Сталин высказался за то, чтобы покончить с институтом императора в Японии. Если нынешний император предсказуем, следующий может иметь агрессивный характер". В ходе беседы обсуждался и будущий оккупационный режим в Японии. "Сталин считает, - говорится в отчете, - что Япония должна быть оккупирована, а Советы участвовать в этой оккупации".

Советско-американские противоречия по блоку дальневосточных проблем после денонсации советско-японского пакта о нейтралитете весьма активно обсуждались на встречах руководителей США.

23 апреля 1945 года в Белом доме состоялось представительное совещание, в котором приняли участие руководители основных министерств, дипломаты и военные. На совещании обсуждался комплекс возникших к концу войны проблем в советско-американских отношениях. В первую очередь рассматривался польский узел противоречий. Судя по отчету²² о совещании, президент Трумэн задал жесткий тон всему совещанию. В отчете говорится: "Президент Трумэн заявил, что в прошлый вечер он сказал Молотову, что, по его мнению, соглашения США с Советским Союзом являются улицей с односторонним движением, и это не может продолжаться. Это решится сейчас или никогда. Трумэн намерен изложить свою политику на Конференции в Сан-Франциско, и если русские не желают к ним присоединиться, то пусть идут к черту".

Президент попросил присутствующих высказать свое мнение. Выступили все участники встречи и некоторые из них коснулись дальневосточных проблем. Генерал Маршалл сказал, говорится в отчете, что "...русские имеют возможность задержать свое вступление в войну на Дальнем Востоке до тех пор, пока мы не выполним там всю грязную работу". Генерал говорил о серьезных трудностях в отношениях с Россией и выразил согласие с другими участниками в том, что "возможность разрыва отношений с Россией очень серьезна".

Гарриман констатировал, что Советский Союз выполнял взятые на себя серьезные военные обязательства, хотя некоторые из них не реализуются. "Он сказал, - говорится в отчете, - что год назад США договорились (с советской стороной. - Р.И.) о начале подготовки к сотрудничеству по вопросам войны на Дальнем Востоке, но ни одна из договоренностей не выполнялась. Он попросил генерала Дина (Военный атташе посольства США в СССР. - Р.И.) высказать свое мнение".

Генерал Дин по вопросу о вступлении Советского Союза в войну с Японией высказал свою оценку, во многом отличную от той, которую сформулировал генерал Маршалл.

"Генерал Дин сказал, что Советский Союз вступит в войну на Тихом океане так скоро, как это будет возможно и независимо от того, что произойдет на других театрах военных действий". По его мнению русские должны сделать это быстро, так как народ России устал от войны, и остается немного времени, когда можно вести военные действия в Маньчжурии. На основании своего опыта работы в Москве он считал нужным не бояться русских и "действовать решительно в тех случаях, когда мы считаем себя правыми".

Материалы и этого, и других совещаний в Белом доме в канун капитуляции Германии свидетельствуют о том, что послевоенное урегулирование в

Европе порождало серьезные проблемы в отношениях между СССР и его западными союзниками, в первую очередь с Соединенными Штатами. Эти проблемы во многом проецировались на Дальневосточный регион, где война еще продолжалась.

Американская общественность высказывала серьезные опасения, что советско-американские противоречия и усталость Советского Союза от войны с Германией приведут к отказу СССР от участия в войне с Японией. Однако эти опасения не оправдались. В согласованное на Крымской конференции время Советский Союз объявил войну Японии. Это была последняя совместная военная акция союзников по антифашистской коалиции. Почти сразу после ее завершения началась "холодная война", на столетия расколовшая мир на два враждующих лагеря.

1. Архив внешней политики России. МИД РФ. Фонд референтуры по США. Оп. 25-а. Пор.8 Инд. 590. Папка 236. Л. 31 (далее: АВПР).
2. Там же, л. 24-25.
3. Там же, л. 7, 18, 19.
4. АВПР. Фонд Посольства СССР в США. Оп. 8. Пор. 6. Папка 56. Л. 125.
5. Там же. Пор. 12. Папка 57. Л. 171.
6. Там же. Л. 179.
7. The Topeka Daily Capital. - 1941. - December 4. (Далее TDC).
8. TDC. - 1941. - December 12.
9. Ibidem. - December 13.
10. АВПР. Фонд референтуры по США. Оп. 25-а. Пор. 8. Инд. 590. Папка 236. Л. 2-34.
11. Там же. Л. 43.
12. Franklin D. Roosevelt Library, Hurry L. Hopkins, Box 217, Russia, p. 24, Troopers to Britman, p. 1 (Далее: FRL).
13. Черчилль У. Вторая мировая война. - М., 1991. - В 3-х тт. - Т. 2. - С. 289.
14. Там же. - С. 291.
15. Levering R. American Opinion and the Russian Alliance, 1939-1945. Chappel Hill. - 1976. - P. 87.
16. Library of Congress. The Collection of the Manuscript Division. The papers of Raymond Clapper, Container 50.
17. Library of Congress. The Collections of The Manuscript Division. The papers of Raymond Clapper, Container 50.
18. АВПР. Фонд референтуры по США. Оп. 26. Пор. 6. Папка 143. Л. 15.
19. FRL. PSF. Box 174, Intelligence Report 6 1943, September 1.
20. The Kansas City Times. - 1944. - February 16.
21. The National Archives. General Records of the Department of the State, Summary of Hopkins-Stalin Conversation; 1945, Yune 25.
22. The National Archives. General Records of the Departments of State. Records of Charles E. Bohlen, 1942-1952, Bohlen Correspondence, Box 1, Correspondence, "F".

История

Третья дальневосточная война 1894-95 гг. и эволюция политики России в регионе

© 1995

В.Мясников

В истории любой войны есть множество аспектов: чисто военных, политических, экономических, психологических, касающихся судеб мирного населения и военнопленных, а также лиц, боровшихся на оккупированной противником территории и, наоборот, сотрудничавших с ним. Китайско-японская война 1894-95 гг. не является исключением. На протяжении последнего столетия историки не раз обращались к ее различным сторонам. В комплексе международных отношений того времени история этой войны анализировалась в русской историографии Б.А.Романовым¹, А.Л.Нарочницким², Г.В.Ефимовым³.

Б.А.Романовым были впервые предприняты попытки освещения роли России в китайско-японской войне 1894-95 гг., концепция же была разработана на основе изучения архивных документов и опубликованных источников в фундаментальном труде А.Л.Нарочницкого, где этой теме посвящена почти треть исследования. Суть этой концепции сводится к тому, что Россия, оценив свои возможности, в начале кризиса избрала верную линию - позицию невмешательства в конфликт, но позже, исходя из интересов укрепления своего влияния в Восточной Азии и следуя логике соперничества с Англией, выступила фактически на стороне Китая. Сориентировавшись на совместное выступление с Францией и Германией, русская дипломатия допустила ошибку, неверно оценив новую роль и новые возможности Японии. Говоря о качестве этой дипломатии, А.Л.Нарочницкий с горечью отметил: "В Китае царское правительство имело дипломатов, зорко следивших за положением вещей и хорошо осведомленных в китайских делах, в отличие от тех невежественных и недалеких представителей, которыми оно располагало в Токио"⁴. Конечно можно оспаривать этот суровый вердикт, но фактом является то, что последствия ошибок, имевших место в ходе кризиса и войны 1894-95 гг. проявились десять лет спустя и привели Россию к поражению в войне 1904-1905 гг.

В настоящее время достаточно углубленный анализ историографии китайско-японской войны 1894-95 гг. сделан в специально посвященной этой проблеме монографии Л.В.Забровской⁵. Сравнивая русскую и англоязычную историографию с трудами японских, китайских и корейских авторов,

Л.В.Забровская сочла необходимым отметить, что "международные проблемы японо-китайской войны освещаются южнокорейскими авторами в основном в тех работах, которые рассчитаны на зарубежных читателей и поэтому опубликованы на иностранных языках. В этом южнокорейская историография повторила практику японской"⁶. Исследование Л.В.Забровской показывает, что политика России в отношении Японии и Китая остается одной из наименее исследованных тем в русской и зарубежной историографии.

Наконец, в предварительном порядке необходимо внести ясность в применение терминологии. При знакомстве с историческими трудами обнаруживается, что имеются существенные расхождения в наименовании войны: китайско-японская или японо-китайская? Так, в русской историографии в работах, созданных по горячим следам войны, был устойчивым термин китайско-японская война⁷. Это же название было принято и в большинстве работ мировой историографии⁸. Но вот некоторые японские исследователи начали употреблять обратное наименование⁹, а китайские специалисты стали обозначать название циклическими знаками, соответствующими датировке события по традиционному лунному календарю¹⁰.

Представляется, что уточнение названия это отнюдь не схоластические упражнения, ибо в данном случае номенклатура исторического факта - не пустая этикетка. Наименование является свидетельством авторского подхода к событию. Так, например, известный английский журналист Невиль Максвелл в свое время специально дал своей книге название "Китайская война Индии"¹¹, чтобы оттенить авторскую точку зрения, что именно Индия являлась инициатором войны.

В русской историографии термин "японо-китайская война" был использован при публикации в журнале "Красный архив" достаточно полной подборки документов, озаглавленной "Из эпохи японо-китайской войны"¹². В современном его толковании этот термин утвердился после почти одновременного выхода в свет в 1956 г. перевода солидной работы Табохаси Киеси "Дипломатическая история японо-китайской войны"¹³ и уже упоминавшегося фундаментального труда А.Л.Нарочницкого.

Столетний юбилей является достаточным историческим рубежом, для того чтобы осмыслить событие и отойти от сложившихся стереотипов. Думаю, что термин "Третья дальневосточная война", вынесенный в заглавие этой статьи должен в первую очередь выразить идею многосторонней ответственности за возникновение военного конфликта. Такой подход, возможно, выведет историографию проблемы на новый уровень, сняв звучащий порой в национальных школах известный налет конфронтационности и взаимных обвинений.

В пользу термина "Дальневосточная война" говорит и тот факт, что в войну были вовлечены все три "аборигенных" дальневосточных государства - Китай, Япония, Корея - т.е. она носила региональный характер. При этом следует иметь в виду, что столкновение интересов и состязание в мощи трех упомянутых государств не было первым. Оно имело исторические корни. Если следовать принципу историзма, то следует вспомнить вторжение Сунского и Танского Китая на Корейский полуостров, когда государство Пэкче обращалось за поддержкой к Японии. Нельзя вычеркивать из исторического ряда и вторжение на Корейский полуостров армии Токтоми Хидееси, вновь приведшее к вооруженному столкновению трех сторон. Так что с учетом этих исторических прецедентов война 1894-95 гг. была Третьей Дальневосточной войной.

Просьба Китая о посредничестве

На протяжении нескольких столетий основным партнером России на Дальнем Востоке был Китай. Но "китайская политика" России учитывала ее интересы не только в дальневосточном регионе, но и в Центральной и Средней Азии. К 1885г. было завершено завоевание Средней Азии и наиболее острые конфликты с Англией по этому поводу отошли в прошлое¹⁴. Тем не менее именно здесь еще продолжался процесс установления рубежей двух великих многонациональных империй Российской и Цинской, между Петербургом и Пекином шли трудные переговоры о разграничении на Памире.

В начале 90-х гг. наблюдается значительный рост внимания правящих кругов России к дальневосточным районам страны и к торговле с Китаем. Но вовлеченность России в дела Дальнего Востока была еще относительно слабой. В первую очередь сказывалась общая неразвитость российской промышленности и внешней торговли. Так в 1894 г. в Китае действовало российских фирм - 12; английских - 350; германских - 85; японских - 50; американских - 31¹⁵. На рассматриваемый период падают и мероприятия по укреплению положения России на российском Дальнем Востоке и в регионе в целом. Основным из этих мероприятий было строительство Великой Сибирской магистрали с последующим соединением ее с железнодорожной сетью Китая и пристыковкой к морским портам.

Одной из главных задач российской дипломатии было сохранение баланса сил в Восточной Азии. Отсюда и вытекало ее стремление не допустить расчленения Китая державами, а также воспрепятствовать усилению позиций в регионе, как писалось в документах российского МИД, "третьей державы" (имелась в виду Великобритания) каким-либо иным путем (создание коалиций, союзов или других объединений, направленных против России).

Этот подход находил свое отражение и в поручениях российским дипломатам, направлявшимся на работу в страны региона. Так, инструкция русскому посланнику в Токио М.А.Хитрово от 8 сентября 1892 года особо подчеркивала, что русская политика на Дальнем Востоке отличается большой устойчивостью и обусловлена соседством относительно сильных держав - Японии, Китая - неразвитостью и отдаленностью русских дальневосточных окраин, из чего вытекает желательность "не только мирных, но и дружелюбных отношений с обоими соседними государствами". Инструкция вменяла посланнику в обязанность проявлять в отношении Японии такое же большое "миролюбие" и "расположение", как это делается русской дипломатией в ее связях с Китаем. "Ничто, повидимому, не препятствует нашему сближению с этой страной, так как между нею и нами не существует никакой принципиальной противоположности интересов". Подозрительность Японии, указывалось в инструкции, вызвана страхами, что Россия хочет захватить Корею, но страхи эти лишены основания.

Япония в инструкции рассматривалась как один из факторов "политического равновесия" на Дальнем Востоке, и особенно нежелательным считалось "тесное сближение" Японии с Англией и Китаем ("кошмар коалиций", как видим, преследовал не только Бисмарка), потому, что в Китае преобладало английское влияние, а сближение Японии с Китаем "могло бы совершиться лишь в пользу сего последнего, как сильнейшего из двух вышеуказанных государств"¹⁶. Такая оценка соотношения сил Японии и Китая свидетельствовала о том, что Петербург вступил на опасный путь иллюзорной дипломатии.

В представлениях российских политических деятелей все еще были живы реминисценции времен Крымской войны, когда английский флот по-

давлЯл своей мощью немногочисленные русские корабли в северной части Тихого океана. Поэтому в инструкции отмечалось, что "Япония может иметь для нас весьма большую важность в случае серьезных замешательств на Крайнем Востоке. Ее порты могут служить убежищем для наших морских сил и предоставлять средства для снабжения всем необходимым"¹⁷.

Итак, к середине 90-х гг. XIX столетия русская дипломатия руководствовалась стремлением сохранить *status quo* в дальневосточном регионе, причем ее представления о реальном соотношении сил аборигенных держав явно нуждались в корректировке.

Между тем кризис на Корейском полуострове развивался весьма стремительно. Проследившая его динамику, обратимся к хронике важнейших событий тех дней.

28 марта 1894 г. в Шанхае был убит Ким Ок Квон, лидер корейских реформаторов, ориентировавшийся на Японию.

7 июня состоялась беседа М.А.Хитрово с министром иностранных дел Японии М.Муцу, в ходе которой российский посол выразил озабоченность своего правительства развитием событий в Корее. Хотя М.Муцу делал упор на необходимость реформ в Корее, М.А.Хитрово понял, что возможно прямое вмешательство Японии в "корейский вопрос"¹⁸.

10-16 июня Япония под предлогом подавления восстания тонхаков произвела десантирование в Корее 4500 солдат.

16 июня в Лондоне состоялось подписание торгового договора Англии с Японией. Британская дипломатия таким способом выразила поддержку курса японского кабинета.

18 июня Хитрово передал Муцу вербальную ноту, содержание которой показывает, что Россия стремилась к наиболее выгодному сохранению предпосылок своего влияния в Корее. Ни укрепление зависимости корейского государства от Китая, ни подчинение его Японии не были желательны для России. Основной задачей, которую пыталась решить русская дипломатия было предотвращение военного столкновения на Корейском полуострове и вывод с территории Кореи китайских и японских войск. Это и стало целью первого этапа российской политики в период кризиса на Корейском полуострове.

20 июня русский посол в Китае А.П.Кассини встретился в Тяньцзине с Ли Хунчжаном. В ходе беседы Ли Хунчжан заявил, что он уже предлагал японской стороне одновременный вывод китайских и японских войск из Кореи, однако получил отказ. Тогда китайское правительство решило обратиться к США и европейским державам с предложением о посредничестве¹⁹.

Ли Хунчжан строил свою дипломатию в соответствии с традиционными китайскими стратегемами. Главную задачу он видел в том, чтобы добиваясь вмешательства России в кризис, использовать известное российско-английское соперничество в Азии и, в том числе, на Дальнем Востоке, одновременно вбивая клин в русско-японские отношения. Так он стремился изолировать Японию. Поэтому уже к окончанию беседы, когда обычно одна из сторон излагает главный предмет своего интереса, Ли решил "бросить кирпич, чтобы получить яциму" и заявил, что "с предложением о посредничестве уже выступил английский посланник, но, поскольку Россию и Корею связывают непосредственные интересы, естественно, что только Россия, несомненно, имеет исключительное право выступить в качестве посредника". Ли Хунчжан заверил Кассини, что, если японское правительство гарантирует правительству России немедленный вывод войск из Кореи, китайское правительство выведет свои войска с полуострова одновременно с Японией"²⁰.

Выслушав Ли Хунчжана, А.П.Кассини, по мнению Табохаси Киеси, пришел к заключению, что согласие на посредничество поможет России без особых жертв усилить русское влияние в Корее и на Дальнем Востоке в целом. Кассини сразу же заверил Ли Хунчжана, что скорейшим образом доведет до сведения своего правительства просьбу Китая. Табохаси Киеси отмечает, что сведения о японо-китайских отношениях, сообщенные Ли Хунчжаном русскому посланнику, были двухнедельной давности. Китайский дипломат ни словом не обмолвился, что обстановка изменилась существенно. "Посланник Кассини не был осведомлен относительно всей сложности взаимоотношений между Японией и Китаем и поэтому *должен был понять* (курсив мой. -В.М.), что базируясь лишь на одних объяснениях Ли Хунчжана, по меньшей мере неразумно брать на себя роль посредника", - справедливо, на наш взгляд, замечает японский автор²¹. Но в его позиции сквозит и другая мысль: России вообще не стоило вмешиваться в конфликт двух "аборигенов" Дальнего Востока.

Подкрепляя свой тезис фактами, Табохаси Киеси говорит, что в начале беседы Ли Хунчжан скрыл от представителя России, что еще 16 июня он получил от японского правительства предложение о проведении реформ внутреннего управления в Корее. Однако, когда Кассини положительно отнесся к его просьбе и дал согласие на посредничество, он рассказал ему о новых японских предложениях, полученных как раз в день встречи. Эти предложения вновь касались реформ внутреннего управления Кореей. Ли Хунчжан пояснил, что эти предложения "фактически сводятся к тому, чтобы с помощью вооруженной силы вмешаться во внутренние дела Кореи и в конце концов захватить ее территорию". Некритически восприняв сообщение Ли Хунчжана, Кассини направил в Петербург телеграмму с просьбой дать быстрый ответ²².

Рассматривая действия российских дипломатов как цепь ошибок, Табохаси Киеси оттенил в действиях министра иностранных дел Н.К.Гирса то, что последний придавал особое значение выбору Китая не Англии, а России в качестве кандидата в посредники. В случае успеха, Н.К.Гирс рассчитывал, что престиж России в Восточной Азии поднимется и она сможет воспрепятствовать проникновению туда Англии. Ошибкой было то, что Н.К.Гирс не запросил мнение посланника в Токио Хитрово о предложении Китая и позиции японского кабинета. 22 июня Н.К.Гирс получил санкции Александра III на действия в направлении урегулирования конфликта в Корее. Это означает, что уловка китайского дипломата удалась²³.

Однако японский автор, на наш взгляд, все же сгущает краски. Русская дипломатия не была так уж наивна. Это видно из письма Н.К.Гирса, направленного А.П.Кассини 8 августа, в котором министр, освещая позицию России в рассматриваемый момент, отметил, что "Министерство Иностранных дел ясно сознавало, что реформы служат только предлогом столкновения между китайцами и японцами и что вследствие неофициального посредничества нашего мы легко очутились бы, помимо нашей воли, открытыми противниками Японии и хитрого печелийского правительства"²⁴.

За день до того, как он высказал свою позицию Кассини, Н.К.Гирс подал на имя Александра III записку, в которой давался анализ ситуации и интересов России на Дальнем Востоке. Гирс считал, что Россия не должна допустить захват Японией Кореи. Войну следовало локализовать на Юге Корейского полуострова и как можно быстрее вести дело к миру. Главным для России, по мнению Гирса, было обеспечение мирными средствами выход для русских судов из Японского моря, не допустить создания на Дальнем Востоке "нового Босфора"²⁵. О реальных целях, которые ставились Японией при пла-

нировании войны (приобретение Ляодунского полуострова с Порт-Артуром), в европейских столицах и не подозревали.

Оценивая упомянутую беседу А.П.Кассини с Ли Хунчжаном А.Л.Нарочницкий, подчеркнул, что "обращение Китая к России с просьбой о дипломатической поддержке и посредничестве могло заставить британский кабинет дать японскому правительству более твердые советы сохранить мир. Ли Хунчжан явно намеревался столкнуть Россию с Японией и Англией, следуя основному принципу своей дипломатии - "применять один яд против другого". Таким образом, китайская дипломатия в лице Ли Хунчжана стремилась активно повлиять на течение событий и вовсе не оставалась пассивным объектом воздействия других держав"²⁴.

25 июня в Токио М.А.Хитрово на встрече с М.Муцу заявил, что "...правительство России готово любыми средствами не допустить возникновения войны..." Для этого предлагался совместный и одновременный вывод из Кореи войск двух государств. Муцу отказался от этого российского предложения. Он выдвинул свои условия сохранения мира, заключавшиеся в следующем: а) Китай совместно с Японией проводит в Корее реформы; б) если Китай откажется от совместного проведения реформ, то Япония будет самостоятельно поддерживать независимость Кореи. То есть фактически Китай должен был отказаться от своего особого политического статуса на Корейском полуострове, утратить сюзеренные права на Корею. Конечно, это означало, что первые шаги к распаду Цинской империи пришлось бы сделать самому пекинскому правительству. Поэтому условия, выдвинутые Японией, были явно неприемлемыми для маньчжурского двора.

Но, с другой стороны, сохранение в быстро менявшемся мире конца XIX в. таких атрибутов китайского мирового порядка, сложившегося в древности и средневековье, как остатки даннической системы и основанного на ней межгосударственного вассалитета, противоречило основным тенденциям развития всемирной истории. Япония после реформ Мэйдзи стала для Восточной Азии не только пионером капиталистического развития, но и лидером разрушения феодальных устоев. Феодализм отчаянно сопротивлялся, мимикрировал, но он был обречен, что и подтвердил ход исторического процесса уже в XX столетии.

В ответ на соображения, изложенные Муцу, Хитрово смог только заметить, что "Россия и Корея являются ближайшими соседями и поэтому вполне естественно, что русское правительство стремиться обсудить положение, создавшееся в Корее", т.е. заявил о российских интересах в Корее. Но заявить об интересах и защитить интересы это существенная разница. Японская сторона понимала, что у России нет возможностей для защиты ее интересов.

На следующий же день, 26 июня, японской стороной корейскому королю был вручен меморандум с требованием реформ. А уже 28 июня по требованию Японии король сделал заявление о независимости Кореи и ее отказе от сюзеренитета Китая.

30 июня состоялась новая встреча Хитрово с Муцу, в ходе которой министр иностранных дел изложил содержание официального ответа своего правительства. Русский посланник не смог разгадать истинные намерения Японии и предстоящий образ ее действий, наблюдаемые им шаги японской дипломатии казались ему не более чем проявлением чрезмерной амбициозности. Поэтому 1 июля Хитрово дал Н.К.Гирсу телеграмму, в которой утверждал, что "...мирный исход может быть достигнут только при помощи какого-либо видимого предлога, который дал бы возможность Японии отступить без крайнего ущерба для национального самолюбия".

Русское посольство получило письменный текст ответа японской стороны 2 июля. Этот ответ, как его характеризовал Муцу, означал, что Япония "при внешнем сохранении абсолютной вежливости в действительности в дипломатической форме отвергала совет русского правительства". Японская сторона акцентировала внимание русских властей на том, что беспорядки в Корее продолжаются, и принимаемые Японией меры это не агрессия, а полицейская операция. Войска будут отозваны "как только в Корее будут установлены мир и спокойствие и создастся уверенность, что в будущем ей ничто не угрожает".

В эти дни Ли Хунчжан в своих обращениях в Цзунлиань резко критиковал Россию за ее нерешительность в посреднической миссии. Но русское правительство уже определило свой курс. 3 июля Н.К.Гирс в инструкции посольствам в регионе говорил о нежелательности столкновения на Крайнем Востоке. Через несколько дней (7 июля) Кассини сообщил Гирсу, что по его сведениям Япония стремится устранить Россию от урегулирования кризиса.

9 июля Гирс в своей телеграмме Хитрово сообщал, что правительство России на основании сообщения японского правительства с удовлетворением констатирует отсутствие у Японии агрессивных целей и ее готовность вывести свои войска из Кореи как только японское правительство убедится, что спокойствие в стране восстановлено и нет опасности новых беспокойств. Японии следовало бы немедленно вступить в переговоры с Китаем на общих основаниях²⁷.

Русская дипломатия действовала весьма интенсивно. 12 июля Хитрово нанес очередной визит министру Муцу, который посетовал на неискренность Китая, что якобы и вынуждает Японию продлить пребывание войск в Корее. Хитрово предложил в качестве одного из вариантов выхода из кризиса основать в Сеуле смешанную комиссию из представителей Японии, Китая и России²⁸.

13 июля Хитрово вновь посетил Муцу и вручил ему ноту, составленную на основе упоминавшейся телеграммы Н.К.Гирса от 9 июля. В ноте говорилось: "...В данном случае правительство России руководствуется исключительно желанием устранить возможность осложнения между Японией и Китаем"²⁹.

Анализируя эту ноту Муцу отметил: нота дает понять, что "правительство России не намерено допускать, чтобы Япония в своих действиях вышла за пределы, указанные в ноте. Заявление русского правительства, что *положение соседа не позволяет России относиться безучастно* (курсив мой. -В.М.) к событиям в Корее, показывает, что тем самым оно занимает позицию, позволяющую ему в любое время вмешаться во внутренние дела Кореи. Необходимо правильно понять этот внутренний смысл ноты русского правительства"³⁰. На наш взгляд, нота, действительно выражала своеобразное предупреждение, касающееся допустимых рамок действий, предпринимаемых Японией. В тоже время этот документ перебрасывал мостик и к будущим шагам России, при оценке ею результатов войны.

К 13 июля для Петербурга идея о посредничестве России в китайско-японском конфликте себя полностью изжила и практические действия дипломатии в этом направлении в основном прекратились.

Тем не менее русские представители в Пекине и Токио еще продолжали предпринимать шаги, направленные на то, чтобы сохранить лицо и свободу рук для дальнейших действий. В телеграммах от 14 и 17 июля Кассини настаивал на созыве в Токио совещания дипломатических представителей великих держав, имевших значительные интересы в Восточной Азии, чтобы оказать давление на японское правительство и заставить его в кратчайший срок заключить соглашение с Китаем по корейскому вопросу. Для этого он считал необходимым сделать через Хитрово соответствующее предложение

японскому правительству. Однако ответа на эти телеграммы от российского МИД не последовало.

В свою очередь Хитрово 21 (в некоторых источниках 23. - В.М.) июля посетил Муцу и сделал ему следующее заявление: "В чем заключаются уступки, которых требует Япония от Китая? Какими бы ни были эти уступки, правительство России не сможет признать их правомерными, если они противоречат договорам, заключенным самостоятельным корейским государством с другими державами. Правительство России, руководствуясь желанием избежать излишних осложнений в будущем, вновь дружески заявляет об этом японскому правительству и обращает на это внимание"³¹. Так был переброшен второй мостик к послевоенному курсу России в китайско-японско-корейском кризисе. Российская дипломатия обратилась к заложенному в договорных документах принципу универсализма, с тем чтобы распространить его впоследствии и на Китай.

23 июля произошел захват королевского дворца в Сеуле и провозглашение главой правительства тэвонгуна.

25 июля Япония без предупреждения начала военные действия на море. Предотвратить войну не удалось.

Оценивая посредническую миссию России, Табохаси Киеси приходит к следующему заключению: "Таким образом, вмешательство русского правительства, начатое по просьбе Ли Хунчжана посланником Кассини, ожидавшего от этого шага России больших результатов, сначала приняло форму посредничества в конфликте между Японией и Китаем, затем свелось к рекомендации Японии вывести свои войска из Кореи и в конце концов было прекращено. Кассини считал, что отказ русского правительства от посредничества, несмотря на просьбу Китая, который, уважая Россию как своего непосредственного соседа, возлагал на ее вмешательство такие надежды, ведет к потере престижа Российской империи в Восточной Азии и является серьезной политической ошибкой"³².

На наш взгляд, главная ошибка российской дипломатии носила имманентный характер. Она заключалась не в том, что правительство допустило те или иные тактические промахи: переоценило военный потенциал Китая; недооценило растущие возможности Японии; не пошло на сближение с Англией или не вмешалось более решительно в конфликт двух соседних государств. Ошибка носила стратегический характер и была связана с оценкой главного направления развития ситуации. В Петербурге не сумели, да и не могли верно понять основную линию развития региона и мира в целом, которая заключалась в неизбежности реформ и революций. Реформы Мэйдзи, которые иногда называют и революцией по их значению для японского общества, реформы Кан Ювэя, стремление к реформам в Корею, наконец, столыпинские реформы в самой России, - вся эта волна реформ вызывалась объективной необходимостью общественных перемен. Там же, где реформы не смогли полностью реализоваться, через короткий промежуток времени грянули мощные революции - Синьхайская в Китае и Октябрьская в России.

Царское правительство боролось за сохранение статус-кво в регионе, в надежде выиграть время путем "торможения" развития ситуации. Но это была иллюзорная политика, нацеленная на сохранение уже изживших себя режимов. Дипломатия, основанная на порочной идее консервации устаревшего, не могла принести успех.

Дипломатические усилия в ходе войны

1 августа Япония объявила войну Китаю. В тот же день британский министр иностранных дел Кимберли, выразил надежду, что согласие Англии и России будет продолжаться и что следовало бы предпринять совместные действия для сокращения срока войны³³.

2 августа тэвонгун заключил с Японией союз, который должен был действовать до окончания войны.

9 августа в Петербурге было созвано Особое совещание по проблемам русской политики на Дальнем Востоке. Обсуждался вопрос, как действовать России в случае победы одной из сторон, особенно, если бы одна из них "вознамерилась нарушить территориальную неприкосновенность Кореи". Н.К.Гирс выступил в духе своей записки, отметив попытку Китая втянуть Россию в японо-китайский конфликт, поэтому его просьбы о посредничестве были отклонены. Гирс подчеркивал, что России не следует вмешиваться в войну, добиваясь дипломатическим путем мира. Главное, на его взгляд, было обеспечить свободу выхода русского флота из Японского моря.

За статус-кво выступил и военный министр Ванновский. Совещание признало "активное вмешательство России в китайско-японскую войну не отвечающим нашим интересам". Вместе с тем не было сочтено необходимым сделать специальное заявление о нейтралитете России в данном конфликте. В качестве желательного исхода войны было названо восстановление статус-кво. Было рекомендовано субсидировать укрепление боеготовности войск на Юге Приморья на непредвиденный случай. "Нет никакого сомнения, что многие дипломаты и военные в России в 1894 г. рассчитывали на возможность установления в будущем, после проведения Сибирской железной дороги, преимущественного влияния царской России на Дальнем Востоке и на приобретение там одного из незамерзающих портов"³⁴.

В октябре-ноябре Кимберли неоднократно предпринимал дипломатический зондаж, с целью выяснить, возможно ли "замирение" Японии путем какой-либо компенсации, пойдут ли другие державы на международные "гарантии" независимости Кореи, что фактически подразумевало передачу корейского государства под англо-японо-китайский контроль. Одновременно правительственные круги Британской империи через прессу имитировали улучшение англо-русских отношений.

Коллективная ревизия итогов войны

В ходе военных действий японские войска нанесли китайской армии ряд серьезных поражений. К сентябрю 1894 г японские части, заняв всю Корею, вступили на территорию Цинской империи. В ноябре пал Льюшуньюкоу, а затем и Вэйхайвэй. Победы Японии явились неожиданностью для российских сановников в Петербурге. Эти победы не устраивали и некоторые западные державы. Еще в ноябре 1894 г. США выступили с предложением посредничества в урегулировании конфликта. В США опасались выступлений китайского народа, вспышки антиправительственной и антизападной народной войны. Эти же опасения разделяли и в Токио.

После высадки японских войск у Вэйхайвэя в Хиросиму была направлена для переговоров китайская правительственная делегация. Согласовав предварительные условия, стороны приступили к переговорам.

В Петербурге наконец-то осознали мощь и новые возможности Японии, полная победа которой в схватке с Китаем стала реальностью. 1 февраля 1895 г. на заседании Особого совещания обсуждался вопрос о линии поведения

России в новых обстоятельствах. Великий князь Александр Александрович, который вел Совещение, отметил, что "постоянные успехи Японии заставляют ныне опасаться изменения status quo на Тихом океане, таких последствий китайско-японского столкновения, коих не могло предвидеть предшествующее Совещение (21 августа 1894 г. -В.М.). Это ставит в повестку дня обсуждение шагов, которые "следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке". Перед Россией стояла дилемма: выступать ли совместно с другими державами или вести сепаратную линию.

Участники Совещения предложили две линии поведения русской дипломатии. Одна из них предполагала необходимость приобретения незамерзающего порта для зимовки Тихоокеанской эскадры. Это дало бы России известную независимость от пользования японскими портами в этих целях. Предлагалось также прокладка железнодорожного пути через территорию Маньчжурии для сокращения времени движения к Владивостоку. Вторая часть присутствовавших считала необходимым, отстаивая независимость Кореи, организовать отпор Японии, чтобы не дать ей в результате победы над Китаем возможности укрепиться в Корее и Маньчжурии. Однако министры, учитывая слабость русского флота и сухопутных сил на Дальнем Востоке, рекомендовали воздержаться от силовых методов вмешательства.

Было принято решение усилить тихоокеанскую эскадру с тем, чтобы русские "морские силы были по возможности значительнее японских". На Министерство иностранных дел выпала задача предпринять попытку "войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы". В решении подчеркивалось, что "при этом Министерство Иностранных дел должно иметь ввиду, что главная цель, которую мы должны преследовать, - это сохранения независимости Кореи"³⁵.

Консультации в Париже и Лондоне подтвердили общность подхода держав к независимому будущему Кореи. В результате британский, французский и русский представители в Токио сделали М.Муцу однотипные заявления о необходимости придерживаться "умеренной" линии в отношении Китая, что подразумевало не допустить похода японских войск на Пекин, свержения цинской династии и подчинения Северного Китая Японии, как того требовала японская печать.

Поскольку дипломатическая тактика Японии строилась на использовании англо-русских противоречий, японское правительство было крайне встревожено совместным выступлением держав. М.Муцу попытался успокоить посланников. 15 февраля в беседе с Хитрово он официально заверил представителя России в том, что Япония не намерена привести дело к распаду Китая или свержению правящей династии. Вместе с тем, он впервые дал понять, что Япония будет настаивать на контрибуции и территориальных уступках³⁶.

Через несколько дней в Петербурге стали известны и конкретные требования Японии. 21 февраля японский посланник Ниси Токудзиро проинформировал директора Азиатского департамента МИД России В.В.Капниста о том, что Япония потребует у Китая Люйшунькоу или Вэйхайвэй, будет настаивать на признании независимости Кореи и подписании торгового договора на условиях общего режима неравноправных договоров западных держав с Китаем. В российском МИД, где в это время происходила смена министра, более месяца не могли определить позицию России. Это затруднялось еще и тем, что Ниси попросил русскую сторону не обсуждать японские требования с

другими державами, так как он сообщает их доверительно. Не зная позиции своих европейских партнеров, в Петербурге высказали общее пожелание Японии и Китаю заключить мир как можно быстрее.

Наконец, в марте Н.К.Гирса на посту министра сменил не менее опытный дипломат князь А.Б.Лобанов-Ростовский, который решил в первую очередь прозондировать отношение европейских держав к японским требованиям и в соответствии с их реакцией определить возможности России. В Петербурге знали, что в эти же мартовские дни Ли Хунчжан прибыл в Симонсеки, где началась заключительная стадия китайско-японских переговоров о мире. В качестве условия перемирия японская сторона потребовала согласия на оккупацию Шаньхайгуаня, Дагу, Тяньцзиня и связывавшей их железнодорожной линии. Фактически, таким образом, Пекин оказался бы под контролем японских войск. Ли Хунчжан отказался принять эти условия. В качестве советника китайской делегации на переговорах в Симонсеки выступал бывший госсекретарь США Д.У.Фостер, специально прибывший на Дальний Восток и фактически действовавший в пользу Японии³⁷.

Британская дипломатия рассудила, что российский демарш в поддержку Китая надолго испортит русско-японские отношения, что позволит Англии играть на противоречиях этих двух держав. Поэтому Лондон воздержался от поддержки русской инициативы. Франция, увязшая в Алжире и на Мадагаскаре, колебалась. Неожиданно активной оказалась позиция Германии. Рассчитывая усилить свое влияние на Дальнем Востоке, Берлин заявил 8 апреля о готовности поддержать протест Петербурга по поводу японских притязаний на Люйшунькоу и Вэйхайвэй. Это повлияло и на Париж: Франция с колебаниями, но все же поддержала своего союзника Россию.

11 апреля очередное Особое совещание приняло курс, предложенный министром финансов С.Ю.Витте. Однако накануне в Петербурге были заметные колебания. Вначале Николай II склонился к точке зрения А.Б.Лобанова, что Россия может поддержать не Китай, а Японию, получив в качестве компенсации незамерзающий порт в Корее. В ходе самого совещания великий князь Алексей Александрович, бывший шефом морского министерства, также иризывал не превращать Японию во врага России и союзника Англии³⁸. Тем не менее, обрисовав ситуацию, которая вела к серьезному столкновению интересов России и Японии в Китае, Витте подчеркнул, что "если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войска и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению с Японией". Исходя из того, что России выгоднее иметь своим соседом "сильный", но "неподвижный" (т.е. не стремящийся к расширению своих владений. - В.М.) Китай, Витте предлагал действовать решительно и без промедления, чтобы "не стремясь пока к исправлению... амурской границы", предупредить Токио, что Россия не может "допустить занятия Японией Южной Маньчжурии и что в случае невыполнения нашего требования мы будем вынуждены принять соответствующие меры". Позиция Витте учитывала согласие Франции и Германии поддержать Россию, что, по его мнению, снижало риск военного столкновения с Японией³⁹.

Позиция С.Ю.Витте встретила активное одобрение военного министра П.С.Ванновского, управляющего морским министерством Н.М.Чихачева и А.Б.Лобанова-Ростовского. В решении Совещания указывалось на необходимость: а) добиваться сохранения статус-кво на севере китайской империи, а в случае отказа Японии снять ее требования относительно Ляодунского полуострова "объявить японскому правительству, что мы оставляем за собой сво-

боду действий"; б) сообщить Китаю и европейским державам, что, "не стремясь со своей стороны ни к каким захватам, мы считаем необходимым для охраны своих интересов настаивать на отказе Японии от занятия Южной Маньчжурии"⁴⁰.

Между тем Китай, опасаясь японского наступления на Пекин, согласился на территориальные и иные уступки. 17 (5) апреля уполномоченными представителями двух императоров Ито Хиробуми и Ли Хунчжаном в Симоносеки (Бақан) был подписан Договор о мире между Японией и Китаем. Договор состоял из XI основных и III дополнительных статей. Статьей I Китай признавал "окончательно полную и безусловную независимость и автономию Кореи". Статья II касалась территориальных уступок со стороны Китая. Она гласила: "Китай уступает Японии навсегда и в полное верховенство нижеследующие территории вместе с находящимися в оных укреплениями, арсеналами и всем государственным имуществом:

а) Южную часть провинции Фын-тянь (Мукден)... В эту уступленную территорию включаются также все острова, относящиеся или принадлежащие провинции Фын-тянь (Мукден), лежащие в восточной части Ляодунского залива и в северной части Желтого моря.

б) Остров Формоза со всеми относящимися или принадлежащими ему островами.

в) Пескадорский Архипелаг, т.е. все острова, лежащие между 119' и 120' восточной долготы от Гринвича и между 23' и 24' северной широты.

К договору была приложена карта уступленных территорий, а для проведения пограничной черты создавалась соединенная Разграничительная Комиссия (ст. III). Китай обязывался уплатить Японии "военное вознаграждение" в 200.000.000 лан серебра. Все имевшиеся между двумя странами договоры объявлялись утратившими силу. Китай обязывался подписать с Японией новый договор о торговле и мореплавании, который предоставил бы японским подданным в Китае права наиболее благоприятствуемой нации (ст. VI)

Четыре порта открывались для торговли, промышленности и пребывания японских подданных "с теми же привилегиями и льготами", какие существовали тогда в других открытых городах и портах страны. Это были Шаши в пров. Хубэй, Чунцин, и два знаменитейших "райских места" на китайской земле города Сучжоу и Ханчжоу. Японские паровые суда получили право плавать до Чунцина, Сучжоу и Ханчжоу. Японские предприниматели получали ряд таможенных и других льгот, а также право строить и эксплуатировать в Китае промышленные предприятия, чего до того времени не могли делать подданные других иностранных держав. Договор был ратифицирован путем обмена ратификационными грамотами в Чифу 8 мая (26 апреля) 1895 г.

Кроме карты к договору были приложены и три отдельных статьи о порядке пребывания японских войск в занятом ими городе Вэйхайвэй. Причем четверть стоимости их ежегодного содержания должен был оплачивать Китай⁴¹.

Европейские державы почувствовали в успехах Японии угрозу своим интересам. Дипломатические представители России, Франции и Германии 23 апреля 1895г. вручили японскому правительству ноты, в которых "советовали" отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. "Совет" был подкреплен концентрацией военно-морских сил держав в дальневосточных водах⁴². Япония, не ожидавшая совместного выступления держав, была вынуждена несколько отступить. Симоносекский договор был пересмотрен после его ратификации. Ляодунский полуостров возвращался Китаю. Но размеры контрибуции возросли до 230 млн. ланов. Что же касается остальных приоб-

ретений, то они, несмотря на протесты китайских реформаторов во главе с Кан Ювэем, остались в руках державы-победительницы.

Заключение

"...Участие России в демарше трех держав с исторической точки зрения не является удачным внешнеполитическим шагом. Принесли некоторый тактический выигрыш, оно в перспективе не оказало позитивного влияния на российскую дальневосточную политику", - к такому выводу приходят современные исследователи истории китайско-японской войны³. Нам представляется, что этот вывод, основанный на теории невмешательства третьего в двусторонний конфликт, является весьма спорным.

Существует и иная точка зрения японских исследователей, которая учитывает, что исторически русско-японские отношения были тесно связаны с русско-корейскими. Япония рассматривала северные границы Кореи как рубеж своей национальной обороны. Говоря об активности русской дипломатии на Дальнем Востоке на грани XIX и XX столетий, японский дипломат Кикудзиро Исии замечал: "Незнакомая с японской историей или умышленно не обращая на нее внимание (имеются в виду монгольское нашествие на Японию при Хубилае, попытка Токтоми Хидееси вторгнуться в Корею в 1592 г., движение за войну с Кореей в эпоху Мэйдзи, японо-китайская война 1894-1895 гг.-В.М.), Россия опрометчиво бросилась в ту область, которую японская нация привыкла в течение двух тысяч лет связывать со своей безопасностью"⁴. Это и послужило, по утверждению Кикудзиро Исии причиной русско-японской войны 1905 г., прологом к которой была Третья дальневосточная война.

Вместе с тем следует отметить, что Россия летом и осенью 1895 г. проводила крайне осторожную политику в Корею, отказывая просьбам вана и правительства о направлении в Корею советников, военных инструкторов, врачей и учителей⁵.

На наш взгляд, необходимо отличать вмешательство России в этот вооруженный конфликт от аналогичных действий Германии, Франции и действовавшей закулисно Великобритании. В отличие от европейских держав Россия с XVI столетия являлась государством евразийским. Будучи, если не аборигенным, то во всяком случае местным государством на Дальнем Востоке, Россия видела, что вооруженные действия развертывались в непосредственной близости от ее рубежей. Они угрожали не только ее экономическим и политическим интересам, но и жизненным центрам национальной территории - дальневосточной окраины России.

-
1. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1896-1907. - М., 1952.
 2. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 гг. - М., 1956.
 3. Ефимов Г.В. Внешняя политика цинского правительства во время японо-китайской войны 1894-1895 гг. Советское востоковедение. - 1957. - № 3.
 4. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С.522.
 5. Забровская Л.В. Историкографические проблемы японо-китайской войны 1894-1895 гг. - Владивосток, 1993.
 6. Там же. - С.35.
 7. См.: Китайско-японская война. Краткое описание военных действий с плакатами, картинами, рисунками. - СПб., 1896; Война между Китаем и Японией в 1894-1895 гг. Пер. с франц. - Новгород, 1896.

8. Vladimir. China-Japan War. L. - 1896; Takahashi S. International Law during the Sino-Japanese War. - Camb., 1899; Fung Edw.S.K. The peace efforts of Li Hung-chang on the Sino-Japanese War // Papers on Far Eastern History. - 1970. - № 3; Dorwart M. The Pigtail War: American involvement in the Sino-Japanese War of 1894-1895. - Amherst, 1975; Berrymen J. British Naval Policy and Sino-Japanese War. Bulletin of the Institute of Historical Research. - 1970. - Vol. 43. - № 107; Ariga N. La Guerre Sino-Japanese eu Point de Vue du Droit International. - Paris, 1899; Первая китайско-японская война. - Тайбэй, 1967 (на кит. яз.); Возможные причины возникновения китайско-японской войны. // Юньнань Шифань дасюэ сюэбао. - 1985. - № 4; Чжуан Цзифа. Китайско-японский Симоносекский договор и развитие Японией текстильной промышленности в Шанхае// Далу цзачжи. - 1974 - Т.40. - № 10.
9. Inoye Yukichi. A Concise History of the War between Japan and China. Osaka.1895; Синобу Сэйдзабуро. Японо-китайская война. Дипломатия М.Муцу. Токио. - 1936 (на японском языке); Синобу Сэйдзабуро. Японо-китайская война. Токио, 1970; Ока Еситакэ. Японо-китайская война и внешнеполитическое сознание в ее время// Кокка гаккай дзасси. - 1954. - № 3-4; Накацука Акира. Изучение японо-китайской войны. - Токио, 1968; Японо-китайская война. В 8-ми тт/ Сост. Генштаб Японии. - Токио, 1904-1907; Исследование по истории японской дипломатии. Японо-китайская и японо-русская войны. - Токио, 1961.
10. Ми Цикой. Какова роль царской России в японо-китайской войне?. // Лиши яньцзю, - 1979. - № 8; Нань Чанлун. Антияпонская борьба корейского народа во время японо-китайской войны, // Дунбэй шида сюэбао. - 1986. - № 2; Сунь Кэфу. Пхеньянская битва 1894 г. // Ляонин дасюэ сюэбао. - 1981. - № 4; Ци Цячжан. Морские сражения периода японо-китайской войны // Лиши цзюсюэ. -, 1981. - № 2; 90-я годовщина японо-китайской войны. Гл.ред. Ци Цячжан. - Цзинань, 1986 (на кит. яз.).
11. Maxwell N. India's China War. - London, Cape, - 1971.
12. Из эпохи японо-китайской войны 1894-1895 гг. // Красный архив. - М., 1932. - № 50-51.
13. Табохаси Киеси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894-1895 гг.). - М., 1956.
14. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С.513.
15. Там же. - С. 533; Дигамма. Торговля с Китаем. - Томск, 1899. - С.28-29.
16. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С.569
17. Там же.
18. Табохаси Киеси. Указ. соч. с.210-212.
19. Там же. - С.212-213.
20. Там же. - С.213.
21. Там же. - С.213-214; см. также: Красный архив (далее КА). - 1932. - Т.50-51, - С.16-17.
22. Табохаси Киеси. Указ соч. - С.214.
23. Там же; КА. - Т.50-51. - С. 16.
24. КА. - 1932. - № 50-51. - С.59; Нарочницкий А.Л. Указ.соч. - С.607.
25. АВПРИ, Кит. стол. Весподданейшие доклады. - № 12. Л. 152-155.
26. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С.594.
27. Табохаси Киеси. Указ. соч. - С.225.
28. Там же. - С.224.
29. Там же. - С.225.
30. Там же. - С.226.
31. КА. - 1932. - Т.50-51. - С.24; Табохаси Киеси. Указ.соч. - С.232.
32. Табохаси Киеси. Указ соч. - С.231.
33. АВПРИ. К-56. № 464. - Л.378.
34. Нарочницкий А.Л. Указ. соч. - С.645.
35. КА. 1932. - Т.52. - С.67-74.
36. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. - М., 1988. - С.224.
37. Биография Ли Хунчжана. Тайбэй, 1978. - С. 259-288 (на кит.яз.); Романов Б.А. Указ.соч. - С.30.
38. Романов Б.А. Указ. соч. - С.28-29.
39. КА. 1932. - Т.52. - С. 80-81.
40. Там же. - С.81.
41. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895-1905. - СПб.: Изд. МИД., 1906. - С. 1-13.
42. Нарочницкий А.Л. Указ.соч. - С.702-704.
43. Забровская Л.В. Указ.соч. - С. 111.
44. Кикудзиро Исии, Дипломатические комментарии. - М., 1942. - С. 9.
45. Пак Б.Д. Россия и Корея. - М., 1979. - С.116.

Мемуары

Послевоенная нормализация отношений с Японией

© 1995

С.Тихвинский

Окончание. Начало см.: "ПДВ", 1995. - № 4.

Сигемицу рассчитывал на то, что США вновь попытаются как-то воспрепятствовать нормализации японо-советских отношений. Так оно и случилось. Когда 19 августа 1956 г. Сигемицу, находясь в Лондоне на конференции по Суэцкому каналу, посетил посольство США и информировал Даллеса о ходе московских переговоров, последний от имени правительства США заявил Сигемицу, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории Советского Союза, Соединенные Штаты Америки навечно сохранят в своем владении острова Рюкю (самый большой из них - Окинава - уже давно был превращен американцами в свою крупнейшую авиабазу на Дальнем Востоке).

За несколько дней до этого заявления, сделанного Даллесом Сигемицу, госдепартамент США выступил с аналогичным демаршем перед японским посольством в Вашингтоне, а американское посольство в Токио - перед министерством иностранных дел Японии. Генеральный секретарь японского кабинета Рютаро Немото в своем выступлении 30 августа 1956 г. признал, что 13 августа, то есть когда в Москве еще велись переговоры между японской и советской делегациями, заместитель помощника государственного секретаря США Виллиам Себолд пригласил японского посланника в Вашингтоне Сима Сигэнобу для обсуждения с ним вопроса о применении США статьи 26 Сан-Францисского договора, якобы, препятствовавшей Японии самостоятельно договариваться с другими странами и прежде всего с СССР о мирном урегулировании претензий.

24 августа в Лондоне Даллес вновь беседовал с Сигемицу по вопросу японо-советских переговоров, на этот раз в присутствии американского посла в Москве Чарльза Болена, подтвердив ранее высказанную им точку зрения. Наконец, во время третьего свидания с Сигемицу в Лондоне Даллес, ссылаясь на статью 26 Сан-Францисского мирного договора, категорически потребовал от японского правительства отказа от урегулирования территориального вопроса с Советским Союзом, заявив, что условия вышеупомянутой статьи запрещают Японии предоставлять странам, не подписавшим Сан-Францисский

договор, "более благоприятные условия", чем странам-участницам этого договора. По этому вопросу, - вспоминал Мацумото Сюнити, - и в прошлом в Посольство Японии в Вашингтоне поступали представления со стороны госдепартамента США"¹.

США, вмешиваясь в ход переговоров между Японией и СССР, преследовали определенные цели: по мере возможности помешать нормализации японо-советских отношений, а в случае, если им все-таки не удастся воспрепятствовать заключению японо-советского мирного договора, оставить "территориальный вопрос" между СССР и Японией неурегулированным с тем, чтобы иметь предлог и в будущем влиять на развитие советско-японских отношений. Своеобразно истолковывая японские территориальные притязания к Советскому Союзу и будучи уверенными, что СССР их отклонит, Даллес был бы не прочь, опираясь на Санфранцисский мирный договор, навечно "узаконить" отторжение от Японии в пользу США островов Рюкю².

Однако, несмотря на такое произвольное толкование положений Санфранцисского мирного договора, дипломатия США все же понимала, что Япония вообще не может заявлять о каких-либо обоснованных притязаниях на "северные территории", поскольку по этому договору она отказалась "от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года"³.

Поэтому не без подсказки отдельных представителей американской дипломатии, реваншистские крайне правые группировки в Японии стали требовать от правительства передачи вопроса о территориальных притязаниях Японии к Советскому Союзу на рассмотрение международной конференции, на которую предлагалось пригласить державы-участницы Санфранцисского договора. По их замыслу, такая конференция должна была пересмотреть территориальные статьи Санфранцисского мирного договора и распространить суверенитет Японии на советские земли - Южный Сахалин и Курильские острова. Однако, даже наиболее воинствующие антисоветские круги на Западе понимали абсурдность такой постановки вопроса о созыве конференции, призванной ревизовать ими же с таким трудом составленный текст Санфранцисского мирного договора.

Заявления официальных американских представителей о намерении США отторгнуть от Японии острова Рюкю остро обсуждались в японской прессе. Японская общественность была шокирована. Депутаты от социалистической партии и от некоторых других делали по этому поводу запросы в парламенте.

Грубое вмешательство Даллеса в ход японо-советских переговоров вызвало всеобщее возмущение в Японии. Почти все японские газеты единодушно осуждали заявления Даллеса как попытку нажима на японское правительство с целью срыва японо-советских переговоров. Произвольная интерпретация Даллесом условий Санфранцисского договора и, в частности, статьи 26 вызвало негодование даже у депутатов правых партий. 30 августа депутат нижней палаты от Либерально-демократической партии Э.Уэхара публично заявил о том, что "американское толкование статьи 26 Санфранцисского договора нанесло серьезное оскорбление чувствам японского народа". 2 сентября находящийся в Сэндае председатель Социалистической партии М.Судзуки в заявлении, опубликованном в печати, назвал действия Даллеса "серьезным вмешательством во внутренние дела Японии" и от имени партии выразил протест.

Новый массивированный нажим США поставил правительство в исключительно трудное положение. Однако И.Хатояма и сторонники проведения Японией независимой внешней политики проявили твердость перед лицом нажима со стороны противников нормализации советско-японских отношений. "Проблема завершения японо-советских переговоров рассматривалась всем японским народом, как самая первоочередная задача", - подчеркивал С.Мацумото.

19 августа правительство Японии и руководство Либерально-демократической партии опубликовали заявление о возможной поездке для завершения переговоров в Москву самого Хатояма. Это заявление вызвало бурную и, в основном, положительную реакцию в стране. Исполком Либерально-демократической партии проводил одно заседание за другим, пытаясь выработать окончательную позицию японской стороны в случае возобновления Московских переговоров. Противники нормализации японо-советских отношений пытались добиться отставки кабинета Хатоямы, проведя с этой целью сбор подписей среди представителей деловых и финансовых кругов Японии правого толка.

7 сентября правительству была вручена петиция с требованием об отставке, подписанная 78 руководителями крупных японских торгово-промышленных фирм во главе с председателем Всеяпонской ассоциации предпринимателей Т.Исидзака и председателем Всеяпонской торгово-промышленной палаты А.Фудзияма.

В то же время члены праворадикальной организации расклеили в Токио плакаты, содержащие провокационные выпады против премьер-министра Хатояма и министра земледелия и лесоводства Коно, а также против Представительства СССР в Японии, призывы не допускать поездки Хатояма в Москву для окончательного урегулирования японо-советских отношений. С самолета разбрасывались тысячи антисоветских листовок.

7 сентября 1956 г. правительство резко осудило подачу петиции руководителями торгово-промышленных компаний и объявило выговор трем подписавшим этот документ лицам, связанным с правительственными и полуправительственными компаниями. Эти решительные действия кабинета Хатояма получили одобрение со стороны широких кругов японской общественности, настоятельно требовавших быстрее урегулирования отношений с Советским Союзом. Резиденцию премьера в эти дни посещали делегации различных общественных организаций, полностью поддерживавших решимость правительства безотлагательно завершить нормализацию японо-советских отношений.

Активную роль в поддержке и расширении движения за нормализацию отношений с Советским Союзом играл созданный еще в 1954 г. Национальный совет за урегулирование отношений с СССР и КНР, вскоре преобразованный во Всеяпонскую ассоциацию.

15 сентября 1956 г. в Токио в помещении Молодежного клуба состоялся массовый митинг, организованный Ассоциацией содействия восстановлению дипломатических отношений с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, в котором приняли участие представители всех политических партий, деловых кругов, профсоюзов, работников науки, культуры и искусства. Была единодушно принята резолюция, призывавшая И.Хатояма лично возглавить японскую делегацию и возобновить переговоры в Москве. Резолюция была вручена премьеру членами президиума митинга, посетившими его резиденцию. Хатояма заверил своих посетителей о своем твердом решении поехать в Москву. Опираясь на широкую поддержку общественного мнения,

японское правительство вскоре по возвращении Сигемицу из Лондона стало активно изучать различные варианты возможного возобновления переговоров с Советским Союзом.

Советское представительство в Токио, со своей стороны, активизировало встречи с представителями парламентских и деловых кругов, с общественными организациями, с деятелями науки и культуры в целях противодействия враждебной кампании, развернутой противниками нормализации отношений.

На проходивших неофициальных встречах главы представительства с членами японского правительства нами выработывались условия, на которых поездка премьер-министра Японии в Москву могла бы, наконец, завершиться восстановлением дипломатических отношений между нашими странами.

В результате конфиденциальных бесед с И.Коно и с министром без портфеля в Кабинете Хатояма, видным представителем делового мира Японии, начальником Бюро экономического планирования при правительстве Т.Такасаки, исполнявшим во время отсутствия Сигемицу обязанности главы МИД Японии, нами была выработана предварительная договоренность о характере соглашения, которое стороны были готовы достичь во время предстоящей поездки премьер-министра в Москву. Если невысокого роста, коренастый Коно на этих встречах производил на меня впечатление жесткого, напористого собеседника, ведшего беседы без дипломатических условностей, в нахрапистом стиле газетного репортера (каким он и был в прошлом), то Такасаки, высокий, спокойный пожилой человек, в прошлом работавший в области экономики на высоких постах в Маньчжоу-го, в 1955 г. участвовавший в Бангдунгской конференции, производил весьма благоприятное впечатление своим тактом и рассудительностью. Чтобы придать достигнутой в беседах с главой советского Представительства в Токио договоренности официальный характер, 11 сентября 1956 г. за подписью премьер-министра И.Хатояма в адрес Председателя Совета Министров СССР Н.Булганина было направлено послание следующего содержания:

“Господин Председатель,

скорейшее осуществление нормализации отношений между Японией и Советским Союзом в целях установления прочных дружественных отношений между обоими государствами является, как Вам известно, моим давнишним желанием.

Учитывая ход переговоров между обоими государствами, я имею честь сообщить Вам, что Япония, при условии, что переговоры по территориальному вопросу будут продолжаться в будущем, готова приступить к переговорам в целях нормализации отношений между обоими странами в том случае, если Советский Союз заранее выразит свое согласие со следующими 5 пунктами: 1) прекращение состояния войны между обоими странами; 2) взаимный обмен посольствами; 3) немедленная репатриация задерживаемых японских граждан, 4) вступление в силу рыболовной конвенции и 5) поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН.

Относительно вышеупомянутых 5-ти пунктов, глава Советского рыболовного представительства в Токио г.Тихвинский, в беседах с министром земледелия и лесоводства г.Коно и министром без портфеля г.Такасаки, имевших место несколько раз в неофициальном порядке, высказывал мнение, что Советское правительство согласно с указанными выше пятью пунктами.

Я был бы очень счастлив, если бы мог получить в письменном виде ваше подтверждение о том, что Советское правительство готово принять упомянутые 5 пунктов, о чем заявил г.Тихвинский на вышеуказанных неофициальных беседах. В случае получения такого подтверждения с вашей стороны, японское правительство готово немедленно возобновить переговоры в Москве. При этом я хотел бы выразить свое пожелание о том, чтобы те пункты, о которых уже была достигнута договоренность между представителями обеих сторон в Лондоне и в Москве, были по мере возможности приняты на предстоящих переговорах.

Примите уверения, господин Председатель, в моем высоком к Вам уважении.

Премьер-министр Японии Итиро Хатояма"³.

Через день, после получения из Москвы ответного послания Н.Булганина я посетил резиденцию премьер-министра и в ходе визита вручил И.Хатояма текст ответного послания Н.И.Булганина, подтверждавшего позицию Советского правительства.

И.Хатояма, недавно перенесший инсульт, принял меня в гостиной, сидя в инвалидной коляске. Его сопровождал генеральный секретарь Либерально-демократической партии Киси. Пересказав И.Хатояма содержание ответного послания Булганина, я передал премьер-министру письменный текст данного послания и пожелал И.Хатояма успешной поездки в Москву.

В своих мемуарах И.Коно следующим образом описывал наши переговоры, которые увенчались обменом вышеприведенными посланиями на правительственном уровне: "Мои переговоры с Тихвинским состоялись в обстановке полной секретности. По этому поводу генеральный секретарь партии Киси, который был полностью в курсе дел, вспоминал: "Переговоры постоянно проводились в кабинете на девятом этаже в здании министерства сельского хозяйства и лесоводства. Комната была небольшая и наилучшим образом соответствовала секретному характеру переговоров". Однако какими бы эти переговоры ни были, официальными или секретными, они оказались очень тяжелыми. Я провел с Тихвинским три раунда секретных переговоров, открыто излагал ему наши требования. Он также в процессе переговоров вполне откровенно обосновывал намерения своей страны, благодаря чему мы смогли прийти к согласованному заключению"⁴.

20 сентября 1956 г. состоялся внеочередной пленум руководства Либерально-демократической партии, обсуждавший политику в отношении переговоров о нормализации. Правительство перешло в решительное наступление на противников нормализации японо-советских отношений внутри правящих кругов.

Японское правительство приняло решение возобновить переговоры, для чего сформировало правительственную делегацию во главе с премьер-министром. Для подготовки к приезду японской делегации и началу переговоров в Москву вновь был направлен С.Мацумото. Поскольку основным мотивом противников нормализации отношений было требование удовлетворить японские территориальные притязания, в целях нейтрализации своих противников правительство поручило Мацумото по приезду в Москву заручиться письменным согласием Советского правительства на продолжение (после восстановления нормальных дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией) переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос. 29 сентября Мацумото и первый заместитель

министра иностранных дел СССР А.А.Громыко обменялись письмами, положительно решившими эти вопросы.

Предложенная японской стороной по инициативе И.Коно формула: "не заключать мирный договор, а лишь осуществить нормализацию отношений" обезоруживала внешних и внутренних противников нормализации: США лишились формального повода для осуществления своей угрозы об отторжении от Японии островов Рюкю, а шовинистически настроенные элементы внутри страны не могли далее препятствовать восстановлению дипломатических отношений между Японией и СССР.

Японское правительство назначило для переговоров в Москве представительную делегацию во главе с премьер-министром Хатояма; полномочными членами делегации были также министр земледелия и лесоводства Коно и депутат нижней палаты японского парламента Мацумото.

7 октября 1956 г. Хатояма в сопровождении Коно, советников и экспертов делегации, а также многочисленных специальных корреспондентов японских газет, радио, кино и телевидения вылетел из Токио в Москву. Для проводов на аэродром Ханэда прибыли все члены японского кабинета, руководящие деятели Либерально-демократической партии, депутаты парламента, члены дипломатического корпуса, многочисленные представители общественных организаций, а также глава советского представительства. Над толпой провожающих развевались приветственные лозунги, пожелания быстрее завершения нормализации японо-советских отношений. Перед посадкой в самолет Хатояма заверил провожающих в том, что он приложит все усилия для успешного завершения переговоров.

В Москве японская делегация, возглавляемая Хатояма, была встречена со всеми государственными почестями. Переговоры состоялись в период с 13 по 19 октября 1956 г. В них приняли участие председатель Совета Министров СССР Н.И.Булганин, министр иностранных дел СССР Д.Т.Шепилов и первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А.Громыко.

Как указывалось в подписанной обеими сторонами 19 октября 1956 г. в Москве Совместной Декларации Союза Советских Социалистических Республик и Японии, в ходе переговоров, проходивших в обстановке взаимопонимания и сотрудничества, состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между СССР и Японией. Оба государства полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке. Было достигнуто соглашение о том, что состояние войны между СССР и Японией прекращается со дня вступления в силу Совместной Декларации (т.е. со дня обмена ратификационными грамотами) и что между СССР и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения.

СССР и Япония подтвердили, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности его статьей 2 - разрешать свои споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

СССР и Япония подтвердили, что в соответствии со статьей 51 Устава ООН каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. Обе стороны взяли на себя обязательство не

вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера. Советский Союз брал на себя обязательство поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций; обещал освободить и репатриировать в Японию всех осужденных в СССР японских граждан со вступлением в силу Совместной Декларации.

Советский Союз отказался от всех репарационных претензий к Японии. СССР и Япония взаимно отказывались от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 г. Обе стороны согласились в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договора или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения и продолжить после восстановления нормальных дипломатических отношений переговоры о заключении мирного договора. При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан, с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией¹, чем, как имелось в виду, должна быть подведена окончательная черта под рассмотрением так называемого территориального вопроса.

Одновременно с Совместной Декларацией между Советским Союзом и Японией был также подписан Протокол о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации.

Советско-японские переговоры, проходившие в Москве, широко освещались в японской прессе, кино, по радио и телевидению. Не было ни одной мало-мальски крупной центральной или префектурной газеты, которая не послала бы в Москву своих корреспондентов для освещения хода переговоров. В дни пребывания в Москве японской правительственной делегации в японских кинотеатрах и по всем каналам телевизионных передач демонстрировались выпуски кинохроники, посвященные поездке делегации И.Хатояма и ходу переговоров, а также знакомившие с достопримечательностями советской столицы и жизнью советских людей. Известие об успешном завершении переговоров и подписании Совместной Декларации было с огромным удовлетворением встречено всеми слоями японского народа. Представительство СССР в Японии получало в эти дни сотни поздравительных писем и телеграмм, корзины цветов от жителей Токио и различных префектур Японии. С поздравлениями по случаю успешного завершения переговоров Представительство посещали также делегации различных японских общественных организаций и союзов.

Премьер-министру И.Хатояма и его спутникам по их возвращении в Токио 1 ноября 1956 г. была устроена восторженная встреча. Аэропорт Ханода со времени своего открытия не видел собрания такого количества народа: свыше 14 тыс. человек и море флагов и приветственных транспарантов встречали самолет, на котором прибыла из Москвы делегация Хатоямы. Многочисленные толпы народа стояли на всем пути следования кортежа автомашин от аэропорта до правительственной резиденции.

Японская пресса положительно встретила результаты переговоров и подписание Совместной Декларации. Газеты и журналы подчеркивали, что нормализация отношений с Советским Союзом открывает перспективы для развития взаимовыгодной торговли между странами, плодотворных связей в

области культуры, науки и искусства, открывает путь для нормализации отношений с Китайской Народной Республикой и другими странами социалистического лагеря, кладет конец международной изоляции Японии, обеспечивает прием Японии в члены Организации Объединенных Наций.

Подписание Совместной Декларации встретило горячее одобрение со стороны деловых кругов Японии, давно уже настойчиво требовавших от японского правительства создания благоприятных условий для развития японо-советской торговли.

В октябре 1956 г. в приморском городе Нанао в префектуре Исикава состоялось учредительное собрание Лиги приморских городов и префектур Японии, расположенных на побережье Японского моря, по развитию торговли с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой (инициатива по созыву такого собрания была проявлена еще летом 1956 г. муниципалитетом портового города Майдзуру). На собрании в Нанао присутствовало свыше 200 представителей деловых кругов, профсоюзных и общественных организаций, органов местного самоуправления портовых городов и префектур побережья Японского моря, единодушно выступивших с петицией правительству о быстрейшем развитии торговых связей с Советским Союзом. Большой интерес к развитию торговли с Советским Союзом стали проявлять также торгово-промышленные круги Токио и Осака. В специальном декабрьском выпуске популярного в деловом мире журнала "Бунгэй сундзю" был опубликован текст беседы главы Представительства СССР в Японии с президентом Токийского столичного народного банка С.Кудо о перспективах японо-советского экономического сотрудничества.

В Токио, Осака, Нагоя, Киото, Кобэ и других крупнейших промышленных центрах Японии среди представителей деловых кругов стали возникать "семинары", "дискуссионные группы", "кружки" и т.д., на которых изучались вопросы развития торговли с Советским Союзом, материалы по экономике Советского Союза по 6-му пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР и т.д.

В ответ на многочисленные приглашения, полученные представительством СССР в Японии от губернаторов префектур, мэров городов и представителей деловых кругов Японии, я, как глава представительства СССР в Японии, посетил Осака, Нагоя, Киото, Хакодате, Отару, Аомори, Акита, Ниигата, Тояма, Канадзава, Майдзуру, Цуруга, Нагаока, Фунакава и ряд других городов Японии. Повсеместно представители деловых, политических и культурных кругов, профсоюзов и общественных организаций живо интересовались жизнью советских людей, советским общественным строем, политикой советского правительства в области внешней торговли. Представители самых различных отраслей японской экономики в этих префектурах и городах энергично ратовали за быстрейшее развитие японо-советских торговых связей.

Активно выступали за нормализацию японо-советских отношений и восстановление контактов с Советским Союзом в области науки и искусства такие видные представители японских культурных и научных кругов, как президент Ученого Совета Японии доктор Кая, профессор Намбара, ректор Токийского университета Анаихара, известный композитор Ямада, популярный артист театра "Кабуки" Энносукэ и многие другие представители японской интеллигенции.

Широко отмечалось в Японии празднование 39-й годовщины Октябрьской Революции. 31 октября токийский филиал Общества японо-советской дружбы, Ассоциация по борьбе за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, представители

деловых кругов, депутаты обеих палат парламента от всех парламентских партий, а также около 20-ти других общественных, профсоюзных, культурных и молодежных организаций устроили в Токио торжественное заседание, посвященное годовщине Октябрьской Революции и нормализации японо-советских отношений. На торжественном заседании с речами выступили представители различных партий и общественных организаций.

Торжественный прием по случаю годовщины Октября, организованный в представительстве СССР в Токио, посетило свыше 600 гостей, в том числе ряд членов кабинета министров, председатель Социалистической партии Японии М. Судзуки, генеральный секретарь Коммунистической партии Японии С. Носака, свыше 40 членов обеих палат японского парламента, видные общественные и профсоюзные деятели, работники культуры, науки и искусства, главы и сотрудники многих дипломатических представительств, аккредитованных в Токио.

14 ноября в Осака состоялось торжественное заседание, посвященное национальному празднику Советского Союза и восстановлению японо-советских отношений, организованное кансайским отделением Ассоциации по борьбе за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, на котором присутствовало около 4-х тыс. человек. На торжественном заседании с речами выступили председатель кансайского отделения Ассоциации видный финансист Обата, депутат парламента от социалистической партии С. Ходзуми, лауреат Международной Ленинской премии мира Сэки Акико, а также глава Представительства СССР в Японии. Торжественное заседание транслировалось по местному радио и телевизионной сети.

18 декабря аналогичный прием, организованный местным филиалом Общества японо-советской дружбы и представителями деловых кругов, состоялся в крупном промышленном и портовом городе Нагоя.

По возвращении из Москвы в Токио премьер-министр Хатояма и его сторонники приступили к подготовительной работе в Либерально-демократической партии и среди членов обеих палат японского парламента с тем, чтобы обеспечить быстрейшую ратификацию парламентом Совместной Декларации и связанных с ней документов.

Несмотря на повсеместное одобрение общественным мнением Японии итогов переговоров в Москве, проамериканские и ультранационалистические группировки не прекращали своей деятельности, направленной на дискредитацию достигнутых в Москве соглашений и на срыв ратификации парламентом Совместной Декларации. Помимо враждебных выступлений членов этих группировок в парламенте и на заседаниях Либерально-демократической партии (выступления бывших премьеров Иосида и Асида, бывшего министра финансов Икеда, бывшего посла в США адмирала Номура и др.) ими широко использовались страницы японской реакционной прессы, где систематически публиковались статьи, критиковавшие Хатояма и его окружение за "пособничество коммунизму в Японии", требовавшие его отставки с поста премьера, призывавшие не допускать открытия в Токио советского посольства, поскольку оно, якобы, будет "направлять деятельность левых элементов". Некоторые авторы таких статей призывали японское правительство незамедлительно объявить вне закона Коммунистическую партию Японии и усилить наблюдение за деятельностью прокоммунистических организаций.

Наряду с этим вновь усилили свою деятельность различные профашистские организации и группы, призывавшие к физическому уничтожению

Хатояма и его сторонников в знак протеста против подписания Совместной Декларации с Советским Союзом.

12 ноября 1956 г. членами ряда таких организаций - "Конгресса взаимопомощи азиатской расы", "Патриотической партии великой Японии" и др. в Токио в парке Хибия были проведены митинг и демонстрация протеста против нормализации отношений с Советским Союзом и ратификации парламентом Совместной Декларации. В тот же день, 12 ноября, члены ультраправых шовинистических организаций совершили налет на здание представительства СССР в Японии. Толпа озверелых хулиганов в количестве свыше 200 человек, вооруженных ломami и булыжниками, ворвалась на территорию советского представительства, сломав железные въездные ворота и пытался проникнуть внутрь здания. Иностранцы и японские корреспонденты и кинохроникеры, извещенные, видимо, заранее о намерениях налетчиков, оказались на месте задолго до прибытия полиции, быстро разогнавшей налетчиков.

Но ни враждебные выступления в парламенте и в прессе, ни хулиганские провокации ультраправых не смогли остановить единодушного стремления широчайших народных масс Японии к дружбе со своим великим соседом.

27 ноября нижняя палата японского парламента единогласно ратифицировала Совместную Декларацию, Протокол о развитии торговли, Конвенцию о рыболовстве и Соглашение о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море. За ратификацию проголосовали все 365 присутствовавших на заседании депутатов; члены группировок, выступавших против нормализации японо-советских отношений, общим числом около 60 человек, демонстративно не явились на заседание парламента.

3 декабря советско-японские соглашения были ратифицированы верхней палатой японского парламента - палатой советников, где за ратификацию было подано 224 голоса, а против - 3.

8 декабря император Японии Хирохито утвердил ратификацию Совместной Декларации и других документов, направленных на нормализацию советско-японских отношений^а. В тот же день 8 декабря Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал вышеупомянутые советско-японские документы.

Для обмена ратификационными грамотами, который согласно статье 10-й Совместной Декларации должен был быть произведен в Токио, Советское правительство назначило делегацию во главе с заместителем министра иностранных дел СССР Н.Т.Федоренко, который прибыл в Токио вечером 11 декабря.

Днем 12 декабря в конференц-зале Министерства иностранных дел Японии заместитель министра иностранных дел СССР Н.Т.Федоренко и министр иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору обменялись ратификационными грамотами Совместной Декларации Союза Советских Социалистических Республик, а также Протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о развитии торговли и взаимном представлении режима наиболее благоприятствуемой нации. По условиям Совместной Декларации и Протокола они вступали в силу в день обмена ратификационными грамотами; таким образом, указанные совместная Декларация и Протокол вступили в силу 12 декабря 1956 г.^в

В результате нормализации советско-японских отношений еще в декабре 1956 г. в Японию на репатриационном судне "Коан мару" из Советского Союза вернулись свыше 100 японских военных преступников, досрочно освобожденных из мест заключения в соответствии с изданным Президиумом Верховного Совета СССР Указом об амнистии. Одновременно 18 декабря 1956

г. при поддержке Советского Союза Япония на 11 сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята в члены Организации Объединенных Наций.

С подписанием Совместной Декларации завершился важный этап в истории советско-японских отношений. Усилия Советского Союза вместе с реалистически настроенными политическими и деловыми кругами и всей прогрессивной общественностью Японии увенчались успехом. Большой личный вклад в дело нормализации японо-советских отношений внес виднейший политический деятель Японии И.Хатояма, который, по словам Мацумото, "был человеком, любившим мир, заботившимся о том, чтобы поднять международное положение Японии и тем самым добиться ее полной независимости"¹⁰.

14 декабря МИД Японии был извещен о закрытии с 12 декабря представительства СССР в Японии и об открытии Посольства Союза Советских Социалистических Республик. Поверенным в делах Посольства СССР был назначен бывший глава советского Представительства в Токио. В этом качестве я был приглашен на новогодний прием в императорский дворец в Токио.

10 февраля 1957 г. в Токио прибыли первый после восстановления советско-японских отношений Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Японии М.Ф.Тевосян и сопровождающие его сотрудники Посольства. Я был назначен советником-посланником посольства, но по причине болезни был вынужден в апреле 1957 г. возвратиться в Москву. Японским послом в Москве стал бывший заместитель министра иностранных дел Кадоваки Суэмицу.

1. Мацумото С. Радуга из Москвы. Токио. - 1966. - С. 117 (на японском языке).
2. обстоятельные документальные данные о давлении американской дипломатии и лично Дж.Ф.Даллеса на японскую сторону в ходе переговоров в Лондоне и Москве в 1955-1956 гг. приведены в докладе историка из Кембриджского университета Джонатана Хэслэма "Москва разговаривает с Токио. 1955-1956", который он представил на конференцию по американо-советским отношениям, состоявшейся в октябре 1988 г. в американском университете Огайо (Haslam J. Moscow Talks to Tokyo. 1955-1956. Conference on US-USSR - Relations. Ohio University, 1988. - October 7-9). Хэслэм признает, что юридические права Советского Союза на Курильские острова бесспорны, и приводит заключение юридического департамента Форин Оффиса от 5 июня 1956 г. о том, что острова Кунашир и Итуруп - определенно являются частью Курильских островов. Первоначальное юридическое заключение Госдепартамента США по данному вопросу было идентичным британскому. (Заключение заместителя юридического советника Госдепартамента США по политическим вопросам Сноу от 25 ноября 1949 г., опубликованное в Foreign Relations of the United States. 1949. - Vol. VIII. - Wash. D.C., 1976. - P. 905)
3. См.: Сборник документов и материалов по Японии. 1951-1954 гг. - М. 1954. - С. 90.
4. Мацумото С. - Ук. соч. - С. 119.
5. Сборник основных документов по вопросам советско-японских отношений (1954-1972) М., - 1972. - С. 38.
6. Коно И. Указ. соч. - С. 58-59.
7. Правда. - 1956. - 20 октября.
8. См.: Известия. - 1956. - 9 декабря.
9. См.: Правда. - 1956. - 13 декабря.
10. Мацумото С. - Ук. соч. - С. 160.

Клуб Конфуция

Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции?

© 1995

В. Малявин

Фридрих Ницше с гениальной и мучительной пронизательностью указал на корень врожденного недуга, не столько даже определенной болезни, сколько именно общей болезненности современной цивилизации. Имя этого недуга - нигилизм или, по Ницше, обесценивание всех ценностей. Предложенное Ницше "философствование при помощи молота" ознаменовало, по мнению многих, конец философии в собственном смысле слова. Ибо не могло уже быть философии там, где, как заметил еще Василий Розанов, "самое мерило ложного и истинного потеряно, самая реторта изготовления наук и философии имеет какой-то изъян"¹. Сие открытие, в первый момент доведшее самого Ницше до безумия, со временем потеряло свою остроту; Европа приучилась жить в безысходности нигилизма и даже находить в ней некоторое положительное содержание, поскольку нигилизм оказался ничем иным, как движущей силой технократического овладения миром. В одной из последних своих работ Хайдеггер свидетельствует: "Философия в настоящее время приходит к своему концу. Она нашла свое место в научном подходе общественно активного человечества. Но фундаментальная черта этого научного подхода заключена в кибернетике, т.е. его технологическом характере... Конец философии означает торжество манипулируемого устройства научно-технологического мира и общественного порядка, сопутствующего этому миру"².

Задачу мышления в век "конца всех истин" Хайдеггер видел в вопрошании об истине как "самоскрывающейся открытости" - предпрятии заведомо проблематичном и безрезультатном. Но даже если принять более оптимистическую перспективу технократической цивилизации, рисуемой некоторыми мыслителями-эволюционистами (достаточно вспомнить концепции ноосферы Вернадского или божественной среды Тейяра де Шардена), разговор о "планетарной" будущности человечества неизбежно побуждает говорить и о желательности некоей мета-философии, не-философствующей философии. В постмодернистском мире - иными словами, в мире, где огонь модернистских эскапад против классического рационализма уже пожрал сам себя и обратился в пепел вечной иронии, - философской рефлексии дозволено существовать лишь в виде чисто внутренней обращенности мысли к своему отсутствию; в виде, стало быть, неизъяснимого и неформулируемого недоумения, расцве-

ченного свиду всеми красками легкого, декоративного, как сказали бы раньше, - салонного остроумия.

Вот здесь приходится говорить о возвращении заклеянной модернизмом Гегелем³ мудрости как необъяснимого союза разумной практичности, или здравомыслия, и эстетической игры ума, т.е. остроумия. Если считать Ницше, сумевшего преобразить философию в трагическую пантомиму, первым постмодернистом, то не покажется странной его известная симпатия к французским моралистам XVI-XVII вв. - искусным остроумцам и защитникам житейской умудренности одновременно⁴.

Констатация "конца философии" с неизбежностью побуждает нас обратить взор к наследию восточных цивилизаций, ибо так называемая "философская мысль" Востока и есть не что иное, как наиболее полное и законченное выражение мудрости как особого типа жизнепонимания и стиля мышления. Именно духовная традиция Востока, и прежде всего Китая, соответствует главному отличительному признаку мудрости: стремлению утвердить недвойственность, неразличение просветленности "чистого", безобъектного сознания и "обыденного разума", в конечном счете сливающегося с нормами цивилизации. Традиционный жизненный идеал ученой элиты Китая - не имеющий даже приблизительного аналога в Европе - это неконформистский консерватизм: осуждение актуальной практики во имя ее вечносущих начал или, если вывернуть ситуацию наизнанку, принятие данности общества при утверждении своей внутренней свободы. В результате ригорист-конфуцианец огправляется на плаху за критику власти, а даос-неконформист проповедует "премудрое безмолвствование" перед лицом власти и благополучно умирает естественной смертью.

Важно помнить, что мудрость превосходит одномерный логицизм рассудка. Это не точка самоожесточенности рефлексии, а область посредования между актуальным и потенциальным, сущим и несущим: это глубина мысли, внутренняя социальность. В Китае аутентичной формой ее бытования стала именно школа как замкнутый, интимный круг посвященных и как традиция, утверждающая вечнопреемственность со-знания в оболочке внешнего, предметного знания. Среда школы-традиции - это всегда другая общественность, сокрытая в формальном социуме (разве не говорили древние даосы, что "мудрый живет погребенным среди людей"?)

Китайская мысль, все миропонимание китайцев традиционно по своей сути. Это очевидный факт. Конфуций, первый философ Китая, ничего не писал от своего имени и утверждал, что он "излагает, а не сочиняет". Конфуций и вправду считал, что в нем волею Неба воплотилось духовное состояние основоположников культуры. Предание приписывает ему способность, вслушиваясь в музыку, не только угадывать ее создателя, но даже представлять воочию его облик. Ученики Конфуция были озабочены тем, как лучше передать мысли Учителя позднейшим поколениям и на первых порах даже хотели объявить преемником Конфуция того из его учеников, который то ли внешностью, то ли манерами или голосом, а скорее всего неким внутренним своим образом больше всего походил на учителя. Для всех поколений китайских ученых так называемая "передача праведного пути" (чуань дао) была целью и смыслом их занятий. Позднее в буддизме чань была разработана целая теория "передачи истины" от учителя к ученику, подкреплявшаяся и специальными ритуалами: составлением генеалогии школы, передачей одеяния и посоха патриарха и проч. Передача "подлинной традиции" (чжэнь чуань) стала главным мотивом даосской аскезы. Даже знатоки живописи в Китае не умели

оценить достоинства того или иного художника, не определив его "подлинной родословной"⁴.

Что же лежит в основании того мировоззрения, которое полагает высшей ценностью саму преемственность духа? Выше была названа одна очевидная посылка традиционной мысли: последняя признает присутствие в человеческом опыте реальности, которая передается из поколения в поколение или, точнее сказать, извечно воспроизводится, возобновляется в человеческом бытии. Традиция предполагает присутствие в человеке - или, если угодно, в человечестве - того, кто передает эту реальность, и того, кто ее принимает. Следовательно, она предполагает определенный иерархический строй субъектов: человек традиции - никогда не индивид, но всегда как бы сверхличная цельность двух лиц: учителя и ученика, старшего и младшего, отца и сына. И каждая из сторон нуждается в другой для того, чтобы быть собой: учитель становится учителем, лишь имея ученика. Подчеркнем, что истина традиции предназначена для передачи; пока неясно даже, можно ли ею обладать, как обладают предметным, техническим знанием. Эта передача, повторим, происходит между именно неравными агентами (едва ли субъектами), составляющими разные жизненные миры.

Идее истины как передачи чего бы то ни было (будь то некий опыт или знание) вкоренена неустранимая ирония, ведь, как справедливо замечал еще Галилео Галилей, "никто никому ничего передать не может". Традиционная мысль - в отличие от мысли рационалистической - начинается с того, что сама ставит перед собой невыполнимые требования, подрывает собственный фундамент. Но, опять-таки в противоположность рационализму, она оказывается правой по жизни, ведь наше "я" в действительности непрестанно преодолевает внутреннее тождество с собой, само себя отрицает, так что наш образ о самих себе мы можем установить только догматически. Классический образец подобного отношения к личности представлен, к примеру, в словах китайского ученого Шао Юна (II в.), говорившего: "Тот, кто я емь сейчас, уже не тот, кем я был раньше. Я тот, о ком никто не знает сейчас, станет неизвестно кем в будущем". Спустя шесть веков литератор Хун Цзычэн, процитировав это высказывание, добавил от себя: "Тот, кто поймет сии слова, сможет развязать все путы своей души". И верно: сделать себя свободным для чего бы то ни было - значит перестать отождествлять себя с каким бы то ни было предметом.

Не что иное, как традиция учит мудрости, которая есть "безумство мира сего": где опасность - там спасение, и потерявший душу обретет ее... Но что означает этот парадоксальный ход мысли? О каких свойствах реальности сообщает он?

Рано умерший индолог В.С.Семенов в одной из своих последних статей, озаглавленной "Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагаватгиты", указывает, что "живая личность учителя как духовного существа была тем содержанием, которое при помощи священного текста передавалось от поколения к поколению в процессе трансляции ведийской культуры"⁶. В.С.Семенов уточняет далее, что речь идет не о физическом облике или даже психическом состоянии, но о "системе деятельности", присущей личности учителя, и эта система сполна представлена в практике брахманического ритуала. Однако с течением времени возникли редуцированные формы этого ритуала, включавшие в себя два основных направления: редукцию "йогического типа", основанную на "гипертрофии ментального компонента", и культуру, так сказать, словесную, опирающуюся на воспроизведение текстов. Сама же редукция ритуала, по Семенову, осуществлялась путем его символизации⁷.

Отмеченные здесь черты ведийской традиции в той или иной степени свойственны всем традиционным культурам. Главная трудность для уяснения посылок традиции состоит в принципиальной ускользаемости ее предмета: мы имеем дело с актом символизации, который вообще снимает проблему разграничения сущего и несущего. Символическая реальность пребывает как раз между реальным и нереальным, действительным и возможным: она обладает, по сути, виртуальной природой, лишь предваряет, предвосхищает все сущее. Она есть исток творческих перемен бытия, который, как говорили древние даосы в Китае, "делает вещи вещами, но не является вещью для вещей". Признание символической реальности требует доверия, именно: доверия к этой вечнотекущей, непрестанно уклоняющейся от самой себя реальности, которая не может быть постигнута ни знанием, ни опытом, ни верой. Можно понять, что самое происхождение догматических формул традиции во многом объясняется страхом и тревогой, внушаемыми этим сознанием невозможности показать присутствие символической реальности. Когда традиция превращается в институт, догматы оказываются более удобным средством сохранения традиции, нежели свободное вопрошание о ее несказанных истоках.

И тем не менее мы не в состоянии "осознать сознание", "помыслить мысль", не сталкиваясь с мистическим опытом всеобъемлющей цельности, неопредмеченной и непредметной полнотой бытийствования, которая делает возможной сам акт мысли. Всякое усилие само-сознания открывает нам присутствие Того, кто был "прежде нас", кто "пришел первым" - и вечно пребывает. В этом смысле традиция предпослана даже философской рефлексии, которой, казалось бы, положено быть нетрадиционной уже в силу своего критического характера. Вот что говорит один из видных наших философов М.К.Мамардашвили: "Существенные акты сознания и нашей духовности происходят всегда на фоне того, что можно было бы назвать опытом сознания. Не сознанием о чем-то, а опытом сознания как особого рода сущего, онтологически укорененного, в котором имеют место некие очевидности, некое невербальное или терминологически неделимое состояние "я есть, я мыслю", которое... длит наше (твое, мое) несомненное для нас жизненное присутствие в мире"⁸.

Всякое понятие "чистой" мысли, которая сама себя устанавливает, - это не более чем абстракция узкорассудочной философии. Мысль всегда есть отклик на бездну не-мыслимого; усилие осмысления неизбежно возвращает нас к реальности, предварающей раскол мира на субъект и объект. Эта реальность принадлежит в равной мере опыту и знанию: ее можно рассматривать и как неартикулированное, "подспудное" знание, и как непредметное, как бы автоматически совершаемое действие. В действительности речь идет о пределе знания и действия, в котором сходятся и то, и другое, подобно тому, как незапамятное прошлое смыкается с невообразимым будущим. Речь идет, в сущности, о том, что Э.Гуссерль называл "силой забвения истоков, которая дает прошлому новую жизнь". Согласно Гуссерлю, так совершается акт "установления" (Stiftung) исходных данных мышления. Это "установление" и есть момент творческого обновления, "живая жизнь", открытая беспредельному полю опыта. Воспроизводится, разумеется, не то или иное состояние в его предметности, а сама открытость бытию, заключающая в себе и абсолютную неизбежность, и абсолютную свободу. Момент "установления" есть чистое качественное бытие - единичное и несравненное, но вечно возобновляемое в творческой воле бодрствующего сознания. В сущности, таков смысл китайских представлений о "древности" - и приток именно глубочайшей, незапамятной древности - как вечноживого истока культуры.

Понятие "подлинности" (чжэнь) существования, данного прежде всего сущего, лежит в основе всей традиционной мысли, и мысли о традиции, в Китае. Конфуций говорил о "знании, данном от жизни", или "врожденном знании". У древних даосов встречаем рассуждение о "подлинном облике" человека, который "существует прежде его появления на свет". Другими словами, китайские мыслители признавали существование прото-образов, "образов вне образов" (Лао-цзы), предворяющих все вещи. И этот внутренний, неизъяснимый мир, совершенно самодостаточен и в себе полон, хранит в себе все богатство бытия. Как гласит популярная сентенция чань-буддистов,

Прежде чем сделать первый шаг, ты уже у цели.

Прежде чем открыть рот, ты уже все сказал.

Прозрение приходит прежде, чем успеешь понять...⁹

В XVII в. конфуцианский ученый Янь Юань писал, что Великий Путь - "правду жизни" - трудно передать потому, что он существует "прежде слов". Янь Юань настаивал на том, что ученый, ищущий Путь, должен денно и ночью осознавать свое сознание и записывать дурные мысли даже прежде, чем они придут в голову, - требование не столь уж нелепое в свете сказанного выше о "подлинном" бытии, предворяющим, делающим возможным все сущее.

Мы можем сказать теперь, что реальность, дающая жизнь традиции, характеризуется следующими свойствами:

Во-первых, традиция, являя собой "силу установления" вещей, есть реальность виртуальная, превосходящая оппозицию потенциального и актуального. Ее бытование относится к области, как говорили в Китае, пребывающего "между наличествующим и отсутствующим" или "того, что только начинает быть начинать быть начинать..." и т.д. Она есть нечто, превосходящее все сущности, в предворяющей, символической форме содержащей в себе все вещи. Она есть нечто пред-положенное вещам и пред-положительное, "семена" всех плодов жизни. В этом смысле символическое опознается как противоположность действительного: покой есть "семя" движения, отсутствие - "семя" всего наличного и т.д. Но символическая реальность имеет характер синтеза: она заключает в себе полноту жизненных свойств вещей.

Во-вторых, бытие традиции уже в силу своей символической природы обладает как бы внутренней глубиной, принадлежит области "внутреннего"; поэтому традиция всегда есть тайна, постигаемая в глубинах "сознающего сердца". Примат "внутреннего" над "внешним" - основа основ традиционного миропонимания в Китае, и весь путь духовного совершенствования в Китае рассматривался китайцами как последовательная интериоризация внешних образов вещей, сведение явленных форм к их "семенам". Подлинного совершенства достигает тот, кто способен понять бесконечную действительность покоя. Оттого же подвижник Пути - всегда "другой", непрозрачный и непонятный для плоского одномерного рассудка человек.

В-третьих, традиция по определению есть то, что передается, переходит в новое состояние, неуклонно уклоняется от самого себя. Ее бытие - это превращение и даже, точнее, "тысяча превращений, десять тысяч перемен", поскольку изменение не сводится к логической единичности, но творит бесконечно разнообразный мир. Бытие традиции есть не что иное, как Хаос: бесконечно сложная геометрия саморассеивающейся цельности.

Итак, мы должны постулировать присутствие реальности, которая предшествует вещам, но сама пребывает в непрестанных изменениях и потому, как ни странно, исчезает прежде, чем обретет видимый облик. "Подлинность" в существовании предшествует даже самой себе; она есть

именно "свой собственный корень" (цзы бэнь). Движение Пути - это "возвращение к истоку", уход в глубину. Путь не раскрывается миру, но, напротив, непрестанно теряется для мира. И тем не менее, повторим, это потаенное бытие обладает свойствами полноты и завершенности. Основоположник даосской традиции Лао-цзы говорит о нем в таких словах: "Есть нечто, в хаосе завершенное, прежде Неба и Земли рожденное. Смутное! Бесформенное! Одинокое стоит и собой остается веками. Назову ее Матерью мира..."

Уже древние даосы относили "подлинность" бытия к области "сокровенного" или "темного" (мин): темнота скрадывает все различия, но внушает опыт глубины. Что же касается мира явленного, то он со временем получил в китайской литературе наименование "следов" (цзи) или "тени" (ин) подлинного бытия. Выбор слов в данном случае показателен: след и предмет, его оставивший, отнюдь не подобны друг другу и существуют в разных пространственно-временных измерениях. Мы не можем иметь образа истинно-сущего (каковой в философии Дао есть "пустота"); Путь свидетельствует о себе своим отсутствием. В опыте "подлинности" все существует как знак прежде чем стать явлением. Однако "сокровенность" и "следы" соотносятся между собой по принципу внеметафизического различения, знаменитой восточной "недвойственности": не существует пустоты отдельно от мира форм и наоборот, как не существует динамизма воображения без самого потока представляемых образом или чистого зеркала без отражаемых в нем предметов. Это отношения не-связи, обуславливающие полную самодостаточность и полную взаимную проницаемость единичных моментов существования, как о том говорится в известной чаньской сентенции:

Дикий гусь не имеет желания отразиться в чистой воде пруда.
Вода не имеет желания оставить в себе отражение гуся.

Все основные понятия китайской мысли иллюстрируют различные стороны символического миропонимания традиции. Одним из ключевых является только что упоминавшееся понятие "воли" (и), употребляющееся также в сочетаниях "жизненная воля", "древняя воля", "сокровенная воля". Такая воля постигается в акте "забвения слов" и представляет собой проективную устремленность в будущее, виртуальное пространство выявления образов, реальность символическую и допредметную. Как сила самопревозможания духа, "одухотворения духовного", она есть способ продления существования. В творческой воле "небесного сердца" все живет вечно, и все вещи друг друга проницают. Действие воли обуславливает предельную открытость сознания и беспрепятственную циркуляцию - то есть вечный возврат к Истоку - жизненной энергии. Мир самоизменчивой, всегда увлекающейся к своему пределу, соскальзывающей в декорум "следов" и нюансов бытия Воли есть кружево мировой энергии.

Похожий смысл имеют понятия "небесной пружины" (тянь цзи) и "сокровенной пружины" (сюань цзи), которые обозначают и символическое "семя" движения, и внутреннюю, символическую преемственность действия творческой воли.

Еще одно важное понятие выражается знаком "дэ" - "жизненная сила", "духовная мощь", которая обуславливает внутреннюю самодостаточность мудрого и позволяет ему без принуждения привлекать к себе и подчинять своей воле других людей. Дэ - это внутреннее совершенство вещи, символическая полнота ее жизненных свойств, придающее конкретному бытию качество всеобщности.

В том же ряду стоит почти непере译имое на европейские языки понятие ши, которое обозначает ситуацию, "силу обстоятельств" или, лучше сказать, "динамическую фигуру". Ши указывает на некое качество силы или энергии, которые доступны только символическому выражению. Именно этим словом китайцы обозначали нормативные конфигурации, состояния энергии в каллиграфии и поэзии, музыке и воинском искусстве.

Все перечисленные понятия выражают одну центральную идею китайской мысли о традиции - идею внутренней преемственности внешне различных явлений, присутствия "одной нити", пронизывающей бусинки мирового ожерелья вещей. Этот классический образ попутно высвечивает еще одно обстоятельство: явленный мир есть нечто декоративное, пребывающее "за пределами" сущностного бытия. С точки зрения традиции пространство культуры, закрепляющей внешние, предметные образы мира, - это поле игры духа. Культуротворчество - не утомительное занятие педантов, а повод для душевного отдохновения.

В сердце традиции - сердце Мастера. Именно сердце как средостение духа и плоти и даже более того: пространство взаимопроникновения ума и чувства, сознания и тела. Чистое и искреннее, незапятнанное привязанностью к вещам Желание всегда одухотворено; оно - вестник бесконечности в человеке. В сердце хранится небесная глубина опыта, которая есть также матрица человеческой практики. Все миропонимание традиции основано на послышке заданности присутствия небесного всечеловека, и весь арсенал духовного совершенствования школы служит воспроизведению качества того вневременного состояния просветленности сознания, который составляет смысл и оправдание жизни основоположника традиции.

Но в пространстве Великой Пустоты небесного сердца дух свободно изливается в тело - прообраз предельной цельности и единства бытия. Реальность, по представлениям китайцев, есть именно "одно тело" (и шэнь) вселенной, соотносившееся, конечно, с Первочеловеком, или "подлинным человеком дао" - той виртуальной проточеловеческой реальностью, которая существует "прежде Неба и Земли" и даже прежде всех явленных образов человека. Это символическое тело человеко-космоса и тело традиции - не что иное как сердцем постигаемая, истинно хаотическая полнота человеческого присутствия в мире. Это реальность не антропоморфная, человекообразная, а, так сказать, антропогенная, человекопорождающая. Она, как чистое зеркало или то же "единое тело" вмещает в себя весь мир - и ничем себя не выказывает. Об этой правде вечного само-отсутствия Великой Пустоты можно сказать словами чань-буддийских наставников:

"Сила будд и патриархов - в его руках. Судьбы всех людей и богов послушны его воле. Оброненным по случаю словом он повергает в изумление толпу и воодушевляет всех живущих. Одной мыслью он срывает все замки и разбивает все оковы. Но скажите мне, кто это такой? Знает ли кто-нибудь, где он пребывает?"

Традиция всегда есть сверхличность, одновременно вселенская, всевременная и единственная, типизированная, как и надлежит быть личности. Индивидуальный человек должен претворить себя в этот бесконечно сложный кристалл одухотворенной жизни. И так стяжать бессмертие. Традиция - форма личного бессмертия человека (человечества) помимо атомарной души. И эта бездушная духовность находит себе самое надежное укрытие именно в теле! Это нисхождение духа в тело, этот китайский кеносис дао носит, однако, не жертвенный, а, скорее, иронический характер: ничтожность челове-

ской песчинки перед "вечностью бескрайних пространств" есть не что иное, как его величие в причастности к "Единому Превращению" мира, вселенскому танцу вещей. Но это величие не имеет имени или лица.

Родословная школы, бесконечное "Авраам породил Исаака..." - вот последнее, самое мудрое слово традиции в Китае.

Надлежит уточнить отношение традиции к прочим основным формам человеческой практики: культуре и цивилизации. Традиция, как опыт вечно-преемственности творческого духа и полнота бытийствования, совпадающая с предельной открытостью сознания, предстает внутренним принципом культуры, в той мере, в какой культура вступает средой и средством человеческой общительности. Однако культура имеет и другое назначение: будучи в своем внутреннем самоопределении жизнью, наполненной сознанием и сознательно прожитой, она также служит опознанию внутренней реальности через внешние образы, через отстранение, осуществляемое языком и нормами поведения. Область культуры - это драма потери и обретения человеком самого себя, запечатленная в любой жизнеспособной религии, искусстве, философии. А вот объективизация символизма культуры создает цивилизацию, которая живет и развивается по своим собственным, не зависящим от внутреннего содержания культуры законам. Цивилизация, как мы отлично знаем сегодня, вовсе не прятывает одичанию человека, то есть уграте знания о связи внутреннего и внешнего. Цивилизация говорит языком идеологии и политики, языком технократического овладения миром.

Самое действие предвечной Воли, ее развертывание в мир происходит, конечно, не беспорядочно, но согласно определенным законам кругового движения. Изначальное состояние бытия, согласно традиционным представлениям, соответствует Беспредельному (у цзи) - первоначальному (не) единству Хаоса. Творение мира есть процесс последовательного разграничения цельности Хаоса, в свете которого вещи предстают в основе своей пределами форм. Другими словами, Воля выявляет в мире символические типы, типовые или стильные, эстетически значимые формы. Последние и составляют действительное наследие традиции. Внутренней же пружиной развития типовой формы является тенденция ко все более полной и тщательной стилизации. Будучи воплощением предельности, форма-тип не может не устремляться к собственному пределу, не может не соскальзывать во фрагмент, нюанс, экспрессивный штрих и в конечном счете растворяется в бесконечно сложной сети разграничений между вещами. Так типовая форма, возникнув как проекция, "превращение" первоначального Хаоса, неуклонно увлекает мысль в головокруглительную бездну того же Хаоса, но на сей раз хаоса вторичного, эстетически осмысленного. Воспитание же личности сводилось к усвоению определенных типовых форм, а по существу, - тех же "энергетических конфигураций", что требовало от учащегося постоянного повышения чувствительности. Энергетические качества, обозначенные в типовых формах, нередко соотносились с повадками тех или иных зверей и птиц, что указывало на чистую естественность этих качеств. Одновременно усвоение их вводило ученика в пространство вселенского кристалла энергетических соответствий жизни.

Что происходит с нашим восприятием, когда импульс типизации уже превосходит порог нашей чувствительности? Поскольку мы не можем иметь образа хаоса, к нам просто возвращается мир каким он кажется во всем разнообразии его природных форм. Для посвященных в тайну символической глубины опыта этот мир, в сущности, - экран, или декорум, бытия, который призван не выявлять, а скрывать. Только непонимание сути символизма

культуры заставляет видеть в нем лишь отражение некоей "объективной действительности". В таком случае происходит знакомое нам по истории Нового Времени "расколдовывание" мира.

Круговое движение от первозданного Хаоса ("беспредельного" - уцзи) к Хаосу эстетически свободной жизни ("великий предел" - тайцзи) обеспечивает посредование между природой и культурой. Неразличение первозданного хаоса и хаоса эстетизированной жизни - последнее слово китайской традиции. Два этих вида хаоса подобны друг другу не по аналогии, а по завершению - в силу самого качества своего бытия, носящего конкретный и текущий характер. Тождество "пустоты" и "формы" оправдывается не дискурсивным знанием, а скорее фигурой иронии - приметы беспредельной предельности.

Было бы нетрудно показать, что стиль традиционной культуры Китая явился продуктом обозначенного здесь круговорота типовой формы. Но пока достаточно отметить, что в историческом бытии культуры традиция всегда дана в контрастном единстве утраты/обретения, забвения/памятования: внутренняя преэминентность бодрствующего сознания, "праведный Путь древних" непрестанно теряются для мира, но и постоянно могут быть возобновлены. По мере консолидации субъективистского "я" традиция все больше отходит в область недостижимого и невероятного: такова не слишком известная обратная сторона процесса секуляризации традиционных религий как на Западе, так и на Востоке. Не случайно в католичестве расцвет схоластики в XIII в. совпал, с одной стороны, с отлучением мирян от полноты таинства причастия, а, с другой стороны, - с небывалым распространением ересей. В Китае попытки буддистов концепитуализировать традицию обострили сознание недостижимости последней и с XII в. вызвали к жизни воинствующие сектантские движения, стремившиеся силой догмата восстановить связь человеческой деятельности с "природой Будды". С XVII столетия в Китае уже явно наблюдается тенденция к отождествлению типовых форм (прежде всего в искусстве) с явлениями физического мира, что вело к торжеству идеологических интерпретаций реальности, усилению догматизма и всяческого запретительства и в конечном счете готовило почву для восприятия китайцами западной цивилизации. Распаду традиции в Китае немало содействовал буддизм, который был чужд ощущению органического единства жизни, пресуществленной в типовые формы. Буддисты переняли китайскую практику типизации явлений (равнозначных моментам опыта), но рассматривали типовые формы лишь как неизбежную иллюзию, лишенную внутренней достоверности. Так буддизм творил своего рода пародию на китайскую традицию.

Интересно сопоставить судьбу китайской традиции с развитием культуры в соседних странах Дальнего Востока, в частности, в Японии. Культура японцев, воспринявших культурное наследие Китая в его зрелой, синтетической форме и притом по преимуществу в его буддийской реакции, являет собой пример сознательного проецирования понятийного каркаса традиционного мирозерцания на общественную практику. Можно сказать, что японская жизнь - это мечта о мудро устроенном быте, которую многие поколения японцев вытачивали и шлифовали с муравьиным упорством. И ученическим простодушием: если китайские учителя говорили, что сущность живописи - "один взмах" кисти, то японские художники и в самом деле наносили на полотно изображение только одним взмахом. Если китайцы утверждали, что красота сливается с естественным, японские ремесленники нарочито подчеркивали безыскусность своих изделий. Если китайцы учили правде людской общительности и абсолютной открытости сердца, то японца стали исповедовать принцип стоически-строгого служения своему господину... Эстетический

идеал японцев отличается последовательным выстраиванием иллюзии природного бытия, иллюстрирующей идею недуральности пустоты и формы. Достаточно вспомнить примитивистские фантазии "чайной церемонии".

Если в Китае символизм пустоты не отлился в тот или иной образ и допускал сосуществование разных художественных стилей, - как экспрессивного, так и натуралистического - то в Японии та же символика пустоты, или паузы, сама стала предметом означения и тем самым - частью идеологического истолкования мира. В Китае искусство было продолжением жизни или, точнее, интуитивно постигаемой "подлинности" жизни. В Японии, наоборот, сама жизнь рассматривалась как продолжение искусства, как эстетическое "окно в жизнь". Соответственно, культурный стиль в Японии сводился к установленному набору предметных свойств, отступление от которого порой каралось как уголовное преступление. Когда, например, мастер чайной церемонии Фурута Орибэ (ум. в 1615 г.) попытался превратить стиль церемонии из подчеркнуто натуралистического в маньеристски-стилизованный (за счет специальной обработки декоративных камней, высаживания засохших деревьев и т.п.), его новации были запрещены в официальном порядке, ибо они разрушали основу японского миропонимания: создание из жизни искусной маски жизни. В сущности, вся жизнь японца сводится к заботливой шлифовке своей маски. И роман Кобо Абэ "Чужое лицо" мог быть написан только в Японии.

В результате японская культура не знала подлинного синтеза типовых форм, а типовым формам, заимствованным из Китая, японцы подыскивали идеологические или прагматические обоснования. Достаточно указать на трансформацию, которую претерпели в Японии китайские боевые искусства: нормативные движения в комплексах ушу (типовые формы, связанные с поддержанием внутренней преемственности круговорота энергии) трактовались в Японии лишь как приемы рукопашного боя.

Становится понятным и глубокое различие судеб традиционной культуры обеих стран в Новое Время. В Японии традиция, изначально складывавшаяся как сознательный традиционализм, явилась мощным фактором развития национальной идеологии и модернизации страны. В Китае в силу необъективируемости исходных посылок традиции переход к национальной культуре современного типа оказался чрезвычайно затруднительным, и старинная оппозиция "внутреннего" и "внешнего" до сих пор сохраняет огромное значение в жизни китайцев.

Новое Время в истории мировой культуры есть, по сути, забвение символической глубины культурной практики, в которой скрывается традиция. Но это последовательное отрицание традиции в нашем столетии завершилось "отрицанием отрицания" - саморазоблачением рационалистической философии. И этот последний поворот современной мысли заставляет нас обратиться лицом к традиции, хотя сам по себе не может внушить доверия к ее анонимно-возвышенной жизни. Но не подсказывает ли сама непрерывность упадка традиции - столь же, по сути, вневременная, как и гипотетическое "ядро" последней, - что человек в действительности не может отойти от традиции, но что он должен вновь и вновь приходить к ней?

1. В.В.Розанов. Сочинения. - М., 1990. - С. 185.

2. Martin Heidegger. On Time and Being. - NY., 1977. - P. 58-59.

3. Я имею в виду особенно нападки Гегеля на культ иронии у Ф.Шлегеля и других романтиков.

4. Дж.Колли пишет: "Тот, кто подвержен философскому нафосу удивления, испуга, головокружения от понятного движения из-за приверженности к бездне прошлого, порой позволяет себе заинтриговывать и соблазнять склонностью к противоположному, позицией мирского человека. Таким был Монтень, и за это Монтеня любил Ницше". G.Collin. Apres Nietzsche. - Montpellier, 1987. - P. 20.
5. Достаточно вспомнить в этой связи значение, которое придавалось создателями классической теории живописи в Китае - в частности, Дун Цичаном, - "определению истинной традиции" среди художников. Примечательно, что даже такой экстравагантный и убежденный индивидуалист, как живописец Чэнь Хуншоу в XVII в., в своих высказываниях о живописи первым делом подчеркивал важность "установления правильной преемственности" в искусстве.
6. В.С.Семенов. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагаватгиты //Восток - Запад - М., 1985. - С. 8.
7. Там же. - С. 17.
8. М.Мамардашвили. Как я понимаю философию. - М., 1992. - С. 91.
9. Афоризмы старого Китая. - М., 1988. - С. 85.

Русские в Китае

Это было полвека назад

© 1995

Л.Маркизов

Август 1945 года. Советские войска мощными стремительными ударами разгромили Квантунскую армию Японии, что в конечном итоге явилось одной из основных причин капитуляции Японии по второй мировой войне. Участие советских войск на заключительном этапе войны против Японии не было случайным, оно вытекало из многолетнего хода взаимоотношений между СССР и Японией, но это тема для историков. Мне, как свидетелю событий, хотелось бы поделиться воспоминаниями об оккупации Харбина и Шанхая японцами, а также об обстановке в Харбине в первые месяцы, после капитуляции Японии с позиций рядового гражданина.

В 1931 году Маньчжурия была оккупирована японскими войсками. Вскоре все харбинцы стали жителями уже не Китая, а марионеточного государства Маньчжоу-го. На границе с СССР начались провокации Квантунской армии, перераставшие в вооруженные столкновения и крупные конфликты. Особенно памятно, по газетным сообщениям тех лет, события в районе озера Хасан и на реке Халхин-гол.

В мае-сентябре 1939 года японские телеграфные агентства "Кокуцу" и "Домэй" сообщали об огромном количестве сбиваемых советских самолетов (не менее 100 в день), но в завершение им пришлось признать крупное поражение Квантунской армии.

Во время военных действий жителей Харбина вынуждали участвовать в организовывавшихся властями мероприятиях по уборке города, объясняя необходимость этого тем, что "японские солдаты воюют на границе с МНР, а благодарное население должно приветствовать их самоотверженным трудом". Подобные призывы не могли не вызывать неприязнь среди русского населения и были многочисленными случаи невыхода на "трудовую повинность", хотя это было в общем-то небезопасно.

Напряженность в отношениях с японскими властями нарастала год от года. Русская молодежь не участвовала в непосредственных военных действиях, но ее привлекали в "добровольно-принудительном" порядке служить в

Маркизов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки и техники Республики Коми, кандидат технических наук. В 1918-1945 гг. жил в Китае (Харбин, Шанхай), окончил Харбинский политехнический институт и Северо-Маньчжурский университет. (167000 Республика Коми, гор.Сыктывкар, почтаamt, а/я 733).

русском отряде армии Маньчжоу-го, размещавшемся на станции Сунгари-II. Начался связанный с этим "отток" русской молодежи из Харбина, в основном в Шанхай, где были французская концессия и международный сеттлмент, стояли иностранные войска, а также в другие города Китая, где японский прессинг был менее ощутимым.

Мы с женой Ниной Яковлевной уехали в 1940 году в Шанхай в отпуск и остались там. В харбинском муниципалитете, где я служил в дорожном отделе, мое невозвращение, как потом мне рассказывали, вызвало шок.

В ночь с 7 на 8 декабря 1941 года началась Тихоокеанская война. В момент нападения японцев на Перл-Харбор, в Шанхае японский флот разрушил и интернировал английскую и американскую канонерки, стоявшие у набережной Бродвея. Мы проснулись от артиллерийской стрельбы и в окно увидели, что по Бродвею едут грузовики с японскими солдатами. Грузовики останавливались у ворот иностранных предприятий, выставлялась охрана и одновременно расклеивались прокламации на английском и китайском языках о том, что Японская империя объявляет войну Соединенным Штатам Америки, Великобритания и Нидерландам.

Так мы оказались в плену, поскольку наш дом стоял на территории причала, у которого была выставлена охрана.

Вход и выход на территорию причала был запрещен, но телефоны не были отключены и все мы могли звонить в город. Нам приносили продукты, которые мы заказывали по телефону, и передавали через пропускной пункт у ворот. А когда однажды моей жене понадобилось сходить в кулинарный магазин, находившийся почти рядом с охраняемой войсками территорией, она, владея японским языком, попросила солдата на пропускном пункте отпустить ее за покупками на полчаса. Солдат сначала колебался, но потом согласился с условием, что она быстро вернется, так как скоро придет смена караула. Она успела сделать покупки и пришла во-время, прежде, чем сменился караул. В январе 1942 года нам всем было предложено выехать с территории причала и вывезти все свои вещи. Мы стали жить на французской концессии, ее охраняли французские войска, подчинявшиеся правительству Виши, и французская полиция.

Интересным было отношение японских военных властей к гражданам воюющих с ними государств. Фирмам разрешили произвести расчеты со служащими, после чего их закрыли. Гражданам воюющих государств разрешалось ежемесячно получать со своих счетов в банках определенную сумму - прожиточную норму на безбедное существование - и так как не было оборудованных концентрационных лагерей, то обязали их носить нарукавные повязки красного цвета с начальной буквой наименования их страны. А в концлагери, по мере их оборудования в соответствии с нормами Международного Красного Креста, вызывали интернированных повестками, а до этого они свободно жили в городе на своих квартирах. Мы уезжали из Шанхая весной 1944 года. К этому времени еще далеко не все граждане воюющих с Японией государств были интернированы.

За несколько дней до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Шанхай буквально "гудел" о том, что вот-вот начнется война. Сразу же русская эмигрантская колония разделилась на оборонцев и пораженцев. Оборонцев было намного больше, по подсчетам некоторых нейтральных лиц - до 90 процентов эмигрантской колонии Шанхая были оборонцами. Пошли письма в консульский отдел посольства СССР в Токио о советском гражданстве. Консульство СССР в Шанхае было закрыто, но в Шанхай периодически приез-

жали сотрудники токийского посольства для решения вопросов, возникавших у граждан СССР.

В Шанхае до войны издавалась советская газета "Новости дня", в июле или августе стала издаваться вторая газета "Новая жизнь", у обеих газет был большой тираж. Для пропаганды своей политики японцы стали издавать на русском языке газету "Дальневосточное время", но ее тираж был небольшим. Много лет существовавшая в Шанхае газета "Шанхайская заря" занимала нейтральную позицию. И тем не менее мне запомнилась статья главного редактора этой газеты известного журналиста Л.В. Арнольдова, напечатанная 22 июня 1942 года, в первую годовщину начала Отечественной войны. В статье, занимавшей всю газетную полосу Арнольдов писал, что (передаю смысл статьи по памяти) хотя гитлеровские войска приближаются к Волге и Кавказу, Германия все равно потерпит поражение, потому что ведет войну захватническую, а такой характер войны вызвал сопротивление всех народов СССР, которые в итоге все равно станут победителями. В июне 1942 года такой прогноз русские шанхайцы в подавляющем большинстве одобряли, хотя и считали смелым. Все искренне надеялись на перелом в ходе войны.

В Харбин мы с женой вернулись весной 1944 года. Здесь оборонческие настроения среди эмигрантов были распространены тоже довольно широко, но не афишировались - это не допускалось государственным режимом Маньчжоу-го. "На страже" стояла и японская жандармерия. Тем не менее эмигранты, имевшие радиоприемники, ночью тайно слушали советские радиостанции и знали ход войны из первоисточников. Официальная пресса Харбина давала лишь короткие сообщения с театра военных действий о "сокращении линии фронта" и "передислокации" гитлеровских армий, но хотелось узнавать больше и подробнее, что и позволяло запрещенное к слушанию советское радио.

В конце 1944 года стала нелегально работать подпольная радиостанция "Отчизна", передававшая достоверную информацию о положении на фронтах Отечественной войны и комментарии о внутренней жизни Харбина, случившихся в этот же день. "Отчизну" японцы так и не обнаружили. В нашей семье эту станцию и советское радио слушали регулярно.

Но японцы в лице полуправительственной организации "Киовакай" и их "коллеги" из числа некоторых русских не отказались от давления на эмигрантов. Организовывались шествия по городу по различным поводам, а нерадивых россиянах, уклонявшихся от "выполнения долга перед приютившей их страной", "доброжелательно предупреждали". Такое предупреждение имел и я.

Неизбежность советско-японского столкновения харбинцы прогнозировали по ряду фактов. В городе чаще стали проводить учения по гражданской обороне: по тушению пожаров, по оказанию первой медицинской помощи. В учениях участвовали люди всех национальностей по месту жительства. Обучение практическим приемам, конечно, было полезно в той напряженной обстановке.

В Харбине в годы Тихоокеанской войны была создана система "соседской взаимопомощи" (по-японски "тонари-гуми") отдельно для русских, для китайцев и для японцев. "Тонари-гуми" имели вертикальную подчиненность: на 10 домов избирали "десятьского", над ними были "квартильные", а далее по-районному признаку. Через эту систему выдавали хлебные и другие карточки. Правда, кроме хлеба редко что можно было получить, но русские пережили лихолетье благодаря китайцам. Знакомых китайцев можно было попросить и они "организовывали" приобретение нужных продуктов или вещей. Цены на "черном рынке", по которым приобретались эти товары, были вполне доступны и китайцы доставляли их обычно на дом в темное время су-

ток. Правда, действовала так называемая "экономическая полиция", но не было слышно, чтобы она свирепствовала.

Когда мы в 1944 году приехали в Харбин из Шанхая, я подал документы на получение лицензии подрядчика строительных работ. Мне сразу же отказали, несмотря на то, что я имел два диплома - инженера путей сообщения и инженера-строителя, полученные в Харбинском политехническом институте и на политехническом факультете Северо-Маньчжурского университета. На неофициальное обращение в "инстанции" через Союз подрядчиков при Бюро по делам российских эмигрантов, устно ответили так:

- Он никогда не получит у нас лицензию подрядчика, потому что он эмигрант только по паспорту, он большевик.

На вопрос: "Что посоветуете делать?" был дан ответ:

- Пусть снова подает заявление, но мы положим его "под сукно" и не дадим ходатайству хода, потому что ему снова откажут. А пока есть заявление, но не отказано, он имеет право работать подрядчиком. Это будет стоить... (была названа достаточно крупная сумма, которую чиновник получил, а я смог работать).

В ночь на 9 августа 1945 года часа в 2-3 ночи мы с женой проснулись от нескольких сильных взрывов бомб где-то вблизи Харбина. Мы подумали, что это первый налет американской авиации, потому что чуть раньше были сообщения японского телеграфного агентства "Кокуцу" о том, что американские войска высадились на Окинаве.

Лишь утром узнали из сообщения харбинского радио о том, что СССР объявил войну Японии и в полночь начал военные действия против Квантунской армии. И это была ночная бомбардировка станции построенной японцами Лафа-Харбинской стратегической железной дороги.

На рассвете 9 августа наступление начали войска трех фронтов. И через полвека встают перед глазами подробности тех дней в самом Харбине. 15 августа, после обращения императора Японии к нации и объявления о безоговорочной капитуляции, японцы разоружили войска и полицию Маньчжоу-го и стали сами патрулировать город. Одновременно, во избежание возможных инцидентов, группы русских молодых людей, как граждан СССР, так и эмигрантов, начали патрулировать город группами в несколько человек под руководством сотрудников генерального консульства СССР. Я тоже был в их числе.

18 августа 1945 года в Харбин на самолете был доставлен советский десант. На Старохарбинском шоссе я видел их автомобиль с офицерами и грузовик с солдатами, следовавшие с аэродрома в город. Но лишь в 20-х числах августа стали входить в город основные вооруженные силы. В эти дни русские молодые люди продолжали работать в штабе охраны Общества советских граждан. Многие вооружились, захватив один из японских arsenалов, и охраняли до подхода советских войск военные и промышленные объекты, дороги, мосты, а также жизнь и имущество людей, патрулировали город, оказавшийся без власти. В дальнейшем молодежь помогала войскам и некоторые, наиболее активные харбинцы были награждены медалью "За победу над Японией".

Комендант Харбина, Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор Скворцов в первые же дни собрал в своем штабе харбинских предпринимателей русской национальности и попросил сделать все, чтобы предприятия работали, а деловая жизнь города нормализовалась. Я, как подрядчик строительных работ, присутствовал на этом собрании. Жизнь в городе быстро вошла в обычный деловой ритм. Открылись магазины, ожила главная улица города Китайская. Я продолжал вести подрядные строительные работы - обычно их сдавали подрядчикам по конкурсу - постоянно имел подряды на фанер-

ном заводе, на спиртовом, у частных домовладельцев, в некоторых учреждениях и на предприятиях. Благодаря китайцам-поставщикам мы имели все необходимые строительные материалы по вполне нормальным, коммерческим ценам.

Надо сказать, что бывали нарушения порядка в городе, в том числе и некоторыми военнослужащими. Это вынудило коменданта города издать и вывесить по городу в сентябре приказ на русском и китайском языках о том, что в случае мародерства следует вызывать комендантский патруль, которому разрешается применять оружие на месте преступления. В основном солдаты и офицеры относились к харбинцам дружелюбно, приходили в гости, а когда, скажу забегая вперед, начались репрессии СМЕРШа, то через офицеров армии родственники посылали задержанным в харбинскую тюрьму записки и передачи и получали ответы до тех пор, пока задержанных не увезли.

СМЕРШ Приморского военного округа сразу же по прибытии в Харбин начал свою активную репрессивную деятельность, "охватив" огромное количество людей. Каково было "качество" работы СМЕРШа видно по результатам: подавляющее количество "вывезенных" лет через 10 были реабилитированы "за отсутствием в их действиях состава преступления", кое-кто посмертно.

В период Отечественной войны русские эмигранты в Харбине оказались между двух огней. Нам не доверяли японцы, считая советскими по духу, и как видим, не доверял и СМЕРШ, считая врагами Советского Союза. Характерен такой пример. Некоторые русские молодые люди в "добровольно-принудительном" порядке вынуждены были служить в русском отряде армии Маньчжоу-го, которым в первое время командовал японский полковник Асано, поэтому в быту их называли "асановцами". Но весной 1945 г., вскоре после того, как СССР денонсировал пакт о нейтралитете с Японией, этот отряд был полностью расформирован и распущен по домам. Без сомнения, это было сделано ввиду того, что японцы, зная настроения основной массы русских эмигрантов всех возрастов, не хотели иметь в тылу "пятую колонну" в случае войны с СССР. Но это не помешало СМЕРШу и Особому совещанию при МГБ СССР репрессировать их как шпионов, диверсантов или по п. 4 ст. 58 УК РСФСР, который в редакции тех лет гласил: "Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности". - Вот так и формулировалась эта "всеобъемлющая" статья УК.

Думается, что СМЕРШ не мог не знать о настроениях молодежи и о фактической причине расформирования отряда "асановцев", потому что одним из руководителей отряда был капитан, ставший затем майором армии Маньчжоу-го, Наголен, армянин по национальности, который после вступления в Харбин советских войск ходил по городу в форме и погонах советского капитана и, встречаясь со старожилками города, посматривал с улыбкой на погоны. Он-то знал, что "асановцы" ждали советские войска не как враги, а как соотечественники.

Или такой факт. Группа русских харбинцев, являвшихся десятскими и квартальными "тонари-гуми", о которых сказано выше, пришли приветствовать советское командование от имени эмигрантской колонии. Но их не приняли и сказали, чтобы они шли в здание бывшего японского консульства, расположенного на том же Вокзальном проспекте. А в этом здании разместился СМЕРШ Приморского военного округа. Делегация эмигрантской колонии вошла в здание и оттуда уже не вышла - делегатов провели в арестантские ка-

меры в подвале и начали следствие. Обвинение выдвигалось по приведенной выше ст. 58, п. 4 УК РСФСР.

Не обошлось без горьких казусов. Подрядчик строительных работ Тимофей Иванович Перетятко рассказывал позднее, что он должен был войти в состав делегации, направлявшейся приветствовать советское командование, но опоздал и приехал когда все уже вошли в здание бывшего японского консульства. Т.И.Перетятко попытался догнать делегацию, однако солдат, стоявший на карауле, не хотел пропускать его в здание. Они долго пререкались. Тимофей Иванович, не зная что за учреждение теперь в этом здании, требовал чтобы солдат его пропустил. Солдат же уговаривал его уйти, говорил: "Ну ничего, что вы не успели, лучше поскорее уходите отсюда", но Т.И.Перетятко настоял на своем. Солдат махнул рукой и пропустил опоздавшего "делегата". Вышел Т.И.Перетятко через 9 лет, но уже в Потьме.

Вспомнился и мой случайный разговор в Харбине с одним из русских подрядчиков, ранее жившим в СССР и затем бежавшим в Маньчжурию, фамилию его я не помню. Он при встрече сказал мне:

- Идут многочисленные аресты. Ты бы лучше спрятался и переждал это время. Они тебя обязательно заберут. Почему? Да потому что ты молодой, инженер, не враг советской власти. Если тебя не арестовать, а уговаривать поехать на какую-нибудь удаленную стройку, ты можешь не согласиться. А когда тебя арестуют, то будут перевозить под конвоем туда, куда найдут нужным. А ты будешь думать, что СМЕРШ арестовал тебя по ошибке. А это не ошибка, это метод работы большевиков. Да и работать будешь практически за кусок хлеба без масла.

Я не поверил. И это была моя ошибка.

Вообще наряду с действительными врагами советского государства, которых следовало изолировать и судить, были необоснованно репрессированы и впоследствии реабилитированы многие "вывезенные" из Маньчжурии в советские концлагеря. Молодой премьер харбинской оперетты Виктор Дмитриевич Лавров (по сцене Турчанинов) продолжал творческую деятельность и в период нахождения в системе ГУЛАГа. После реабилитации стал главным режиссером театра оперетты в Омске, заслуженным артистом России. Лавров скончался в 1971 году от серьезной болезни. Артист харбинского драматического театра Василий Макарович Забродин был после реабилитации главным режиссером кукольного театра в Воркуте, скончался в Твери. Реабилитированный в 1957 году писатель и редактор харбинского журнала Михаил Петрович Шмейссер работал заведующим профилакторием одной из шахт в Воркуте, скончался в Екатеринбурге. Реабилитированный коммерсант-харбинец Николай Алексеевич Крылов стал одним из ответственных работников системы рабочего снабжения объединения "Воркутауголь", скончался в Воронеже.

Думаю, не ошибусь, считая, что многие из этих людей и не будучи репрессированными, приехали бы в СССР и работали в меру своих сил и квалификации. В этом убеждает и то, что семьи многих репрессированных в 1954-1955 гг. сами приехали в Союз и уже здесь искали мужей, сыновей. Но СМЕРШ "решил" их судьбы по-своему.

Репрессировали издателя харбинской газеты "Заря" Евгения Самойловича Кауфмана, хотя газета не печатала критических антисоветских материалов. Что с ним стало - не знаю. Также не знаю судьбы репрессированных владельца промтоварного магазина Петра Михайловича Шитухина, братьев Скидельских, владельцев лесных концессий на восточной линии КВЖД. В первые годы заключения скончались от истощения харбинский коммерсант Александр Романович Клестов, инженер, работавший в ХСМЛ, Юрий Ми-

хайлович Крюков, скаут-"разведчик" (так называлась детско-юношеская организация) Вадим Александрович Крутов и другие.

Знаю, что был репрессирован директор русской эмигрантской гимназии имени Ф.М.Достоевского (затем она стала гимназией Бюро по делам Российских эмигрантов) Василий Савельевич Фролов за что вряд ли кто скажет. По возрасту он находился на инвалидном лагпункте Востураллага, но что характерно: начальник этого лагпункта оказался смелым по тем временам человеком и безусловно дальновидным - под свою ответственность забирал В.С.Фролова к себе домой на несколько часов в день, чтобы он обучал его детей. Что стало с В.С.Фроловым, не знаю, так как меня отправили с Урала в Архангельскую область работать инженером-строителем. Когда я учился в гимназии, В.С.Фролов преподавал нам русскую словесность и научил излагать мысли - до его уроков писать сочинения мы не умели.

Я не ставил целью дать список репрессированных-реабилитированных, а привожу некоторые запомнившиеся фамилии. Но массовость репрессий напоминала расправу с советскими железнодорожниками, репатрированными после продажи КВЖД в 1935 году. Сколько было репрессировано в 1945 году - не знаю, но "деятельность" СМЕРШа "способствовала" тому, что многие из тех, кто приехал бы в Союз, уехали в дальнее зарубежье, в душе и по убеждениям оставаясь русскими: мало кому хотелось проходить "университеты" ГУЛАГа! Об этом они свидетельствуют, приезжая в Россию на встречи бывших харбинцев.

Что это было? Ошибка СМЕРШа или его преступление против советского государства с целью отторгнуть патриотически настроенных зарубежных россиян от исторической отчизны - решит история. Я же считаю своим долгом излагать факты.

Общество, отвергшее многих своих соотечественников, сейчас усиленно восстанавливает деловые и культурные связи с земляками за рубежом. Одна из ступенек к возрождению этого духовного родства - учреждение в Новосибирске Общества друзей Харбинского политехнического института, ставшее в 1994 году ассоциацией "Харбин". Филиалы общества есть в ряде других городов России и СНГ.

Ассоциация организовала в 1990 году в Москве международную конференцию, посвященную 70-летию Харбинского политехнического института, существующего и сейчас как китайский вуз. На конференцию приезжали бывшие харбинцы, живущие в Канаде, США, Японии, Австралии. Празднование проходило и в Харбине, куда выезжала делегация общества. В июле 1993 года в Санкт-Петербурге состоялась новая встреча выходцев из городов Китая - Харбина, Дальнего, Мукдена, Гирина, Хайлара, Шанхая, Тяньцзина, Пекина, объединенных общим именем "харбинцы". Конгресс собрал представительное число участников: более 100 человек, проживающий сейчас в дальнем зарубежье и примерно столько же из городов России и СНГ. Присутствовала и делегация из нынешнего Харбина. Сразу же после санкт-петербургской состоялась встреча бывших харбинцев в Новосибирске. Вообще в городах компактного проживания бывших харбинцев в России периодически проводятся дружеские встречи, в которых принимают участие китайские студенты, обучающиеся в России, китайские коммерсанты. Дружба двух народов, заложенная в Харбине, не угасает и теперь.

Культура

Субъективная компаративистика

© 1995

Г.Чхртишвили

Компаративистика, иначе именуемая сравнительным литературоведением, еще не так давно считалась у советских филологов чуть ли не лженаукой. В "Краткой литературной энциклопедии" (1972) "сравнительный метод" подвергается критике за "эмпирическое сопоставление частных литературных фактов, вырванных из национально-исторического контекста, из системы мировоззрения и стиля писателя, за объяснение всякого сходства механически понимаемым влиянием иностранной литературы". Однако попытки выявить и проанализировать сходство и различие в национальных литературах ведутся в филологической науке еще с 20-х годов прошлого столетия, когда Гете вслед за Гердером выдвинул идею появления наднациональной "всеобщей мировой литературы". В XX веке, когда границы единой мировой культуры значительно раздвинулись, потеснив господствовавший ранее евроцентризм, компаративистика превратилась из гимнастики для ума в совершенно необходимую и даже почтенную область филологической науки, истинное назначение которой, пожалуй, состоит в том, чтобы лишний раз продемонстрировать человечеству, что, несмотря на культурные, национальные и идеологические различия, оно все же представляет собой единое целое. После войны на Западе были созданы серьезные научно-исследовательские институты, занимающиеся исключительно компаративистскими исследованиями, с 1955 г. существует базирующаяся в Париже Международная ассоциация компаративистики, издающая научные журналы и монографии. Вместе с тем с распространением структурализма и переходом от культуры модерна к почти всеобщему преобладанию постмодерна на компаративистику возникло нечто вроде моды, заметно расширился круг авторов, разрабатывающих эту проблематику. Оказалось, что творческая, иногда даже произвольная интерпретация разноязычных художественных текстов открывает не только перед литературоведом и культурологом, но и перед писателем и критиком новые возможности, позволяет хрестоматийное и привычное увидеть по-новому. Наша публикация познакомит читателя с примером подобного исследования, в котором предпринята попытка сопоставления русской и японской литературных традиций.

Акутагава “гоголизированными” глазами

О гоголевских мотивах в творчестве Рюноскэ Акутагавы, написано не так уж мало, во всяком случае в японском литературоведении. При этом, разумеется, никто не брался утверждать, что они являются доминантой творчества японского писателя или что в спектре разнообразных литературных влияний, сформировавших художественный стиль Акутагавы, Гоголь превагирует. Но что поделаешь, если русскому читателю Акутагава понятнее и интереснее именно через Гоголя, а, скажем, не через Метерлинка или Анатоля Франса? Каждый из нас в большей или меньшей степени испытал на себе воздействие того оптического недуга, о котором писал Набоков, заметивший, что “по прочтении Гоголя глаза могут гоголизироваться” и тогда человеку свойственно самые неожиданные предметы и явления видеть как бы через призму взгляда этого престранного писателя. Полагаю, что и японцы, читавшие сначала Акутагаву, а уже потом Гоголя, видят нашего классика на свой, японский манер. Должно быть, он со своим знаменитым носом-клювом кажется им весьма похожим на японского водяного, каппу, знакомого нашему читателю по повести Акутагавы “В стране водяных” в замечательном переводе Аркадия Стругацкого и по прекрасным иллюстрациям Дмитрия Бисти. “Человек с длиннейшим птичьим носом, большими и встревоженными глазами, с волосами, ниспадавшими прямыми прядями на истощенные щеки,” – так описывает Гоголя Михаил Булгаков. Точно так же выглядит и поэт Токк, персонаж повести “В стране водяных”, являющийся автошаржем Акутагавы. Отметим для начала это чисто внешнее сходство двух писателей и двинемся дальше, не стесняясь “гоголизированной” пристрастности нашего взгляда.

Как известно, Акутагава щедро использовал в своем творчестве сюжеты из древней и новой литературы, т.е. занимался тем, что Умберто Эко называет “возрождением сюжета в виде цитирования других сюжетов”. Иностранцу в этой переимчивости видится нечто очень японское – пресловутый дар заимствования и переосмысления, оригинальной интерпретации уже существующих идей. В этом смысле Акутагаву, пожалуй, вполне можно было бы считать первой ласточкой грядущего постмодернизма. Не последнюю роль в качестве кладезя образов и сюжетов для Акутагавы сыграла русская литература, очень модная в Японии в начале столетия. В новелле “Удивительный остров”, где писатель иронически уподобляет литературы различных стран овощным культурам, сказано: “Особой популярностью среди студентов пользуются лекции по русской овощелогии... Огурцы великой России не имеют... примитивного цвета. Их цвет совершенен, он подобен цвету жизни. О-о, огурцы великой России!” (Перевод И.Вардуля.) Исследователь творчества Акутагавы Сэйити Есида обнаружил у классика 62 заимствования из японской и иностранной литературы, подробно описав и проанализировав каждую из явных и неявных “цитат”. Однако этот внушительный список без труда можно было бы расширить, в том числе и за счет русских аллюзий. Так, рассказ “Снежок” вполне сойдет за переложение “Каштанки” на манер нравоучительной буддийской притчи. Или же вспомним яркий эпизод из “Багатовой каши”, где фокус авторского зрения внезапно перемещается от охотников к лисе, так что читатель на миг видит мир не их, а ее глазами. Здесь, несомненно, процитирована сцена охоты из “Войны и мира”: затравленный волк точно так же смотрит у Толстого в человеческие глаза, решая, в какую сторону ему бежать.

Конечно же, заведомо неблагоприятное и бессмысленное занятие – подвергать творчество великого писателя химическому анализу, раскладывая его

на компоненты: столько-то процентов Стриндберга, столько-то Достоевского, столько-то Радиге и т.д. Формулу писательского дара подобным образом установить все равно не удастся, ибо, кроме всех добавок и примесей, какими бы многочисленными они ни были, всегда останется главный компонент, неповторимая эссенция, химическому анализу не поддающаяся. Однако удержаться от "лабораторного" искушения все же бывает очень трудно, тем более что у действительно талантливого писателя знакомые приемы, темы, ходы, мотивы преобразуются таким интересным и неожиданным образом...

Акутагава был знаком с творчеством Гоголя еще со школьной скамьи и в первых своих рассказах он обыгрывает чисто гоголевские ситуации, но экспериментирует с ними, решая задачи с теми же исходными данными по-своему.

Наиболее явная "цитата" из Гоголя - рассказ "Бататовая каша", где встречаются прямые, текстуальные заимствования из гоголевского рассказа "Шинель". Бедный самурай, чиновник пятого разряда, всю жизнь мечтал вдоволь наесться сладкой бататовой каши, в которую превращается здесь мечта Башмачкина о замечательной шинели. Однако Акутагава задается новым вопросом: что будет, если не отнимать у Акакия Акакиевича его шинель или вообще подарить ему миллион таких шинелей? В результате получилась довольно пессимистичная (при всей комичности) притча о тщетности мечты и желания - и о невозможности человеку без них обходиться.

На новелле "Нос" остановимся подробнее чуть ниже, а пока хотел бы заметить, что даже и на поверхностном, очевидном уровне "гоголевская линия" у Акутагавы "Бататовой кашей" и "Носом" не исчерпывается. Помимо упомянутого Сэйити Есидой рассказа "Лошадиные ноги" (более свободная вариация на тему гоголевского "Носа") есть явная связь "Записок сумасшедшего" с новеллами "Зубчатые колеса" и "Из записок Ясукичи". В последней разговор двух гусениц слишком уж похож на разговор двух собачек - первый признак помутнения рассудка у несчастного Поприщина.

Есть несомненные черты сходства и в излюбленном обоими писателями художественном приеме, который Набоков назвал "спонтанным зарождением жизни". И Гоголю, и Акутагаве присущ особый дар, которым обладают только великие художники: даже самый мимолетный их взгляд, брошенный на какой-нибудь малозначительный, третьестепенный предмет, способен вдыхать в этот предмет жизнь. В первых рассказах Акутагавы меня, например, привлекает вовсе не юношеский размах, с которым он в каждой маленькой новелле стремится непременно решить один из вечных вопросов бытия, а внезапное, совершенно гоголевское сверкание детали, в котором и ощущается подлинный дар. В "Маске хеттоко" читаем: "Умер он (речь идет о герое рассказа) в возрасте сорока пяти лет, оставив веснушчатую жену и служившего в армии сына" (Перевод Л.Ермаковой). О жене в новелле больше ни слова, но перед глазами так и встает ее веснушчатое (почему выбрана именно эта деталь?) лицо, и персонаж вдруг оживает. Проза же и драматургия Гоголя очень густо населены невидимыми персонажами, придающими ей особенную осязаемость. Вспомним, к примеру, как в начальной сцене "Ревизора" городничий читает письмо, где упоминается Иван Кириллович, который "очень потолстел и все играет на скрипке" - и все, неведомый нам толстый Иван Кириллович уже зажил собственной, не зависящей от автора жизнью.

Временами в тексте Акутагавы проскальзывают озорные, чисто гоголевские штрихи, сразу же отмечаемые "гоголизированным" взглядом. Например, ангел, который слегка морщится от запаха селедок в рассказе "А-ба-ба-ба". Или (оттуда же): "Ясукичи выбросил недокуренную папиросу и вышвырнул вселившегося в нее беса. Бес от неожиданности перекувыркнулся и

попал в нос приказчику - и приказчик, не успев увернуться, несколько раз подряд громко чихнул" (Перевод Н.Фельдман).

Роднит Акутагаву с Гоголем и какой-то мистический ужас перед скукой и пошлостью обывденной жизни. Хрестоматийная концовка "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем": "Скучно жить на свете, господа," - перекликается с лейтмотивом многих рассказов Акутагавы. Сравним ее хотя бы с финалом новеллы "Мандарины": "И только тогда мне удалось хоть на время забыть о своей невыразимой усталости и тоске и о непонятной, измененной, скучной человеческой жизни" (Перевод Н.Фельдман). Отвращение к пошлости особенно мучило Акутагаву в последние месяцы жизни, постепенно превращавшейся в ад. Одно из самых жутких его признаний: "...В конце концов я сам не более чем мось Бовари среднего класса," - т.е. олицетворение пошлой посредственности.

Есть, наконец, между Акутагавой и Гоголем сходство еще более глубинное, как бы единый узор на ладони судьбы, во многом определивший творческий и жизненный путь обоих писателей.

"Видимый миру смех"

В ранних, так называемых "веселых" рассказах Гоголя и Акутагавы явственно присутствует то, что Гоголь назвал "видимым миру смехом и незримыми, неведомыми ему слезами". Они действительно смешны, эти "Невские повести", "Бататовая каша" или история монаха Дзэнти, пожелавшего избавиться от непомерно длинного носа, но совсем не веселы. Вероятно, отчасти это можно объяснить обстоятельством личного свойства - невесел был отправной пункт и у русского, и у японского писателя. Акутагава в тот период переживал любовную драму, да и Гоголь в "Авторской исповеди" признается: "Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих (...) заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили приступы тоски, мне самому необъяснимой. (...) Чтобы развлекать себя, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать".

Стоит ли удивляться, что при столь "веселом" расположении духа авторов смех у них получился нервным? Это смех-содрогание, у Гоголя даже смех-рыдание, а у Акутагавы смех - горькая самоирония. Ведь "нос длиной в пять сун" - это еще и аллегория таланта, безжалостно выделяющего человека из толпы.

Акутагава очень чутко воспринял в "веселых" рассказах Гоголя тему гротеска, абсурда, ирреальности окружающего мира. Об этом свидетельствует откровенно гротескная сцена в "Бататовой каше", повествовании совершенно реалистическом, где с крыши вдруг спрыгивает лисица и начинает пожирать заветную кашу.

Особого внимания заслуживает и понятие Носа как образа, символа, кодового понятия в творчестве обоих писателей. "Мотив носа, - пишет Бахтин, - один из весьма распространенных гротесковых мотивов и в мировой литературе, и почти во всех языках..." В культурных традициях разных стран существуют как бы "благородные" и "комические" части тела и лица, пишет он далее, причем часто эти представления у разных народов совпадают (скажем, глаза и лоб обычно считаются "благородными", а нос и уши - "комическими" чертами лица). Нос - герой множества смешных поговорок и дразнилок в русском языке: "водить за нос", "натянуть нос", "оставить с носом". Есть аналогичные примеры и в японском: "хана-о акасу" (натянуть нос), "хана-о ору" (сбить спесь, "дать по носу"), "хана-дэ асирау" (задирать нос) и т.д.

В гоголевском "Носе" автор явно не прочь и читателя "поводить за нос". (Вспомним концовку: "Но что страннее, что непонятнее всего, - это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых,... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто не знаю, что это...") А в рассказе "Дракон" у Акутагавы монах тех, кто издевался над его большим носом (опять нос!), тоже дурачит, т.е. "оставляет с носом".

Как указывает Бахтин, нос в гротескных образах всегда является заменителем, аллегорией фаллоса. Применительно к нашим обоим "Носам" это наводит на массу любопытных рассуждений. Что бы во фрейдистском смысле означало "совершенно гладкое место вместо носа" у гоголевского героя и "нос длиной в пять сун" у монаха Акутагавы?"

Однако предоставим размышлять на эту ему знатокам психоанализа. Меня же гораздо больше занимает не игривая, а зловещая тень, отбрасываемая Носом на творчество и Акутагавы, и, в еще большей степени, Гоголя.

"Нос был самой чуткой и приметной чертой его внешности", - писал о Гоголе Набоков, предлагавший свою книгу о писателе украсить портретом одного лишь гоголевского носа, ибо Нос был лейтмотивом и obsesией этого "российского Сирано". Находясь в Италии, Гоголь пишет примечательную фразу о том, что его охватывает "неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше - ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа..." Сравните с цитатой из "Носа" Акутагавы: "...Глаза его не замечали ни синих курток, ни белых кимано, а коричневые шляпы мирян и серые одежды священнослужителей настолько ему примелькались, что их для него все равно что не было. Монах не видел людей, он видел только носы". (Перевод А.Стругацкого).

И каким кошмарным символом (это отмечает и Набоков) выглядит страшная картина: черные, жирные пиявки, свисающие со знаменитого гоголевского носа, когда невежественные эскулапы насильно лечили писателя перед смертью, пуская кровь.

Для Акутагавы "нос длиной в пять сун" - тоже нечтно устрашающее, символ неизлечимого уродства человеческой природы, уродства, которое человек обязан нести и от которого не волен (да, как выясняется, и не желает) избавиться.

Вспоминаешь гоголевский "Нос", и читаешь позднего Акутагаву. Абсурдные приключения майора Ковалева, гонящегося за собственным носом (или это Нос гоняется за ним?), который появляется и исчезает в самых непредвиденных местах, можно интерпретировать и как описание жуткого бреда, помрачения рассудка. Разве не похож на майора Ковалева в "Зубчатых колесах" сам Акутагава, преследуемый еще более настойчивым призраком - вездесущим Плащом? Ложится страшноватая тень Носа и на повесть "В стране водяных": сначала у студента Раппа (как и поэт Токк, он, вероятно, списан с самого Акутагавы) отваливается нос - совершенно как у майора Ковалева, только безвозвратно; а в конце из уст главного героя звучит признание, вновь заставляющее вспомнить Гоголя: "...Я привык видеть вокруг себя одних только капп, и лица людей представлялись мне просто безобразными... Ну, глаза и рты еще туда-сюда, но вот носы вызывали у меня чувство какого-то странного ужаса". (Перевод А.Стругацкого).

Писатель и бес

Всякий истинный художник, проникающий в самые глубины человеческой души и отваживающийся исследовать основы мироздания, как известно, знает с обеими мистическими силами - не только с божественной, но и с

дьявольской. Отличное знакомство с последней обнаруживают и Гоголь с Акутагавой. В ранний период своего творчества, в расцвете молодости оба они охотно натягивают Лукавому нос и всячески над ним потешаются ("Ночь перед Рождеством" у Гоголя, "Табак и черт" у Акутагавы и др.); позднее роли трагически меняются. Сложные взаимоотношения русского и японского писателя с дьяволом и Богом имеют, на мой взгляд, некую общую парадигму, заслуживающую внимательного изучения.

Художник, как мы знаем, почти всегда носитель демонического духа, ибо из твари (т.е. существа сотворенного) он стремится стать существом творящим. Иными словами, он имитирует Творца, а стало быть, кощунствует, делается узурпатором, уподобляется мятежному ангелу Сатане. Флобер писал, что писатель творит свой собственный мир подобно Богу, проявляющему себя во всех своих творениях. Акутагава прекрасно осознавал богоуподобляющуюся основу творчества. В постскриптуме к предсмертному "Письму другу" он пишет о "древнем устремлении сделать себя Богом". И далее (возможно, это вообще последняя из написанных Акутагавой строк): "В ту пору я тоже хотел быть Богом".

Гоголь же, охваченный поистине демонической гордыней, задумал создать суперроман "Мертвые души", призванный стать для человечества (во всяком случае для России) неким подобием нового Евангелия, и был сломлен этой непосильной задачей.

Надо сказать, что дьявол - сторонник индивидуального подхода, каждому человеку он является в специальном, наиболее подходящем обличье. Перед Акутагавой он предстал в виде Демона, творческого духа в чистом виде, - в той самой ипостаси, в которой Сатана особенно любит являться людям искусства. Прямой диалог измученного, больного писателя с Демоном можно проследить в "Диалоге во тьме", однако как всякий великий писатель Акутагава обладал даром предвосхищать обственную судьбу в своих произведениях, и самый яркий, запоминающийся портрет Демона Творчества был создан им еще в ранней новелле "Муки ада", где одержимый демоническим искусством создать шедевр художник сжигает в карете собственную дочь.

Однако понятен (и тоже страшен) Акутагаве был дьявол и в иной своей ипостаси. В "Зубчатых колесах" герой читает "Братьев Карамазовых": "...Я открыл эти... страницы... и волей-неволей стал их читать. Но не прочитал и одной страницы, как почувствовал, что дрожу всем телом. Это была глава об Иване, которого мучит черт... Ивана, Стриндберга, Мопассана или меня самого в этой комнате." (Перевод Н.Фельдмана). Черт Ивана Карамазова - это и есть черт Николая Гоголя, он же "мелкий бес" Федора Сологуба: олицетворение гаденькой пошлости и вертлявого практицизма, почему-то особенно ненавистный русским писателям. "Хилый бесенок с жабьей кровью" - так назвал Набоков черта, преследовавшего и истязавшего Гоголя в последние годы жизни.

Ну, а где черт, там и ад, в который и Акутагава, и Гоголь заглянули еще при жизни. Гоголь истерически боялся ада всю свою жизнь - этот ужас в детстве внушила ему набожная мать. Вспомним панический страх Акутагавы перед наследием материнского безумия. Впечатляющая картина гоголевского ада (который, как и дьявол, у каждого свой, персональный) дана в рассказе "Страшная месть" - картина, идущая прямоиком из детских "страшилок": "В бездонном провале (...) грызут мертвецы мертвеца, и (...) лежащий под землей мертвец растет, гложет в страшных муках свои кости и страшно трясет всю землю".

Ад Акутагавы куда "взрослее", для нас, людей конца XX века, он гораздо понятнее и страшнее. Горящая в ночи карета из "Мук ада" - всего лишь красивый и жуткий образ, это еще не настоящие адавы муки. Нет под-

линного ужаса и в описании Кровавого Озера, где томится злодей Кандата из рассказа "Паутинка". Первое видение собственного ада было явлено Акутагаве, когда он, еще в начале творческого пути, написал "Ад одиночества". Там ад - отсутствие желаний, умирание жизненной силы, глухое одиночество среди шумных толп.

Однако Акутагаве суждено было не только заглянуть в преисподнюю, но и погрузиться в нее еще при жизни. "Зубчатые колеса", по-моему, одно из самых страшных произведений мировой литературы. Это не просто описание постепенного помрачения рассудка в духе Сильвии Плат; если воспользоваться словами Акутагавы, это хроника человеческой жизни, превосходящей ужасом самое ад. И в конце произведения - стон безысходного отчаяния, не уступающий по силе концовке "Записок сумасшедшего": "Писать дальше у меня нет сил. Жить в таком душевном состоянии - невыразимая мука! Неужели не найдется никого, кто бы потихоньку придушил меня, пока я сплю?" (Перевод Н.Фельдман).

До какой бы степени ни был художник одержим духом творчества, он не Демон, а человек (даже бесчеловечный Есихидэ), а для человека подобная ноша непомерно тяжела - и Гоголь, и Акутагава в полной мере испытали это на себе. Поздний период жизни и творчества у обоих - это испуг, растерянность, стремление вернуться к Богу (у Гоголя) или обрести Бога (у Акутагавы).

Впрочем, Акутагава всегда испытывал потребность в вере и Боге. Многие из его новелл христианского и буддийского циклов могут быть интерпретированы как жажда Божественного Чуда или во всяком случае тоска по нему. Именно этим, а не просто модой на кирисутан-моно (произведения о японском христианстве) объясняется, по-моему, интерес Акутагавы к ранним кирисутан - его привлекала их слепая, нерассуждающая вера. "Он чувствовал зависть к людям средневековья, которые плагались на Бога, - пишет о себе в третьем лице Акутагава в "Жизни идиота". - Но верить в Бога, верить в любовь Бога он был не в состоянии". (Перевод Н.Фельдман). Скептицизм и нигилизм, присущие образованному японцу начала столетия, побуждали писателя как бы поиграть с чудом - создать его и тут же самому разрушить, давая мистическому событию совершенно прозаическое объяснение, как, например, в рассказе "Нанкинский Христос" (Там к больной сифилисом проститутке является Спаситель, избавляющий ее от болезни. "Христос" в финале оказывается проходимцем, который, заразившись от "спасенной", сходит с ума и умирает.) Мешало, несомненно, и то, что христианство воспринималось Акутагавой как религия чужеземная. Национальное чувство вступало в конфликт с жаждой обретения Бога - эта коллизия блестяще описана в рассказе "О-Гин". Однако дьявол не ведает межконфессиональных различий. Вероятно, именно поэтому герой "Зубчатых колес" говорит, что хотел бы поверить в Бога, но не может, зато может поверить в дьявола.

И все же последнее, недописанное произведение Акутагавы посвящено Христу, а у изголовья самоубийцы нашли всего одну книгу - Библию.

В этом Акутагава тоже поразительно напоминает Гоголя, писавшего и читавшего перед смертью только религиозные книги. В самые последние дни, изнуряя себя голодом, он писал на бумажке молитву Иисуса против Сатаны.

Исступленная вера заставила Гоголя отказаться от творчества. Сожжение тетрадей со вторым томом "Мертвых душ", очевидно, акт сакральный, принесение в жертву творчества ради спасения души. (Правда, на следующий день Гоголь, помнится, говорил, что его "лукавый попугал"). Как бы то ни было, факт остается фактом: задолго до своей кончины и Гоголь, и Акутагава перестали писать художественную прозу.

Писатель и безумие

Гениальность для человеческой души бремя необычайно тяжелое, отклонение от нормы, аномалия и даже, в определенном смысле, недуг, уродство вроде горба или пресловутого носа длиной в пять сун. Гоголь и Акутагава - трагический (и, увы, весьма характерный) пример того, как зубчатые колеса гениальности растирают в порошок живую душу. Наверное, невозможно определить, где причина, а где следствие - Дар порождает душевный надлом или, наоборот, изначально существовавшая душевная аномалия становится генератором творчества. Как пишет психиатр Есио Сиодзаки, автор исследования "Психические отклонения у Сосэки и Акутагавы": "Рождение жемчужины - следствие аномального развития раковины-жемчужницы. Вполне вероятно, что его (Акутагавы) произведения, прекрасный фейерверк таланта, были порождением психического недуга, преследовавшего писателя всю жизнь и развившегося из патологической чувствительности нервной системы".

В развитии душевной болезни у Гоголя и Акутагавы немало схожего. Поначалу оба были несклонны придавать какое-либо значение своему нездоровью. Еще за год с небольшим до смерти Акутагава пишет: "Все это шуточки моих усталых нервов, расшатанных чрезмерным употреблением кофе и табака". Гоголь же за 2 года до финала между делом сетует в письме к матери, что его нервы "расколебались от нерешительности".

Но болезненный процесс в обоих случаях развивался стремительно. Врачи не находили ни у Гоголя, ни у Акутагавы опасного заболевания, современники не обнаруживали никаких сколько-нибудь веских причин для самоубийства. Кан Кикиути в работе "Об Акутагаве" недоумевает: "С точки зрения обыкновенного человека, убивать себя ему было совершенно не из-за чего". Но зубчатые колеса, двинувшись, уже не останавливались; душевный разлад пораил обоих писателей в самое уязвимое место - и один, и другой вдруг почувствовали, что не могут больше творить. Вот отрывок из одного из последних писем Гоголя к матери: "Думал я, что всегда буду трудиться, а пришли недуги - отказала голова... Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо оставить ее в покое... Молитесь обо мне, добрейшая моя матушка". Жутко делается, когда сравниваешь эти строки с концовкой "Записок сумасшедшего", написанных восемнадцатью годами ранее. ("Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мной!... Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя, и все кружится передо мною... Матушка, спаси своего большого сына!") Фантом, созданный воображением писателя, обрел собственную жизнь и много лет спустя настиг своего творца.

На тот же недуг - неспособность писать - жаловался в последние месяцы и Акутагава. Его "Из записок Ясукиги", "Жизнь идиота", "Три окна" и в особенности, конечно же, "Зубчатые колеса" - это уже не художественная проза, а настоящая хроника нисхождения больной души в ад. Я.Сиодзаки назвал эти произведения "историей болезни, изложенной пациентом, который обладал незаурядным литературным даром".

В последний период жизни обоими писателями в равной степени овладела навязчивая идея смерти; похоже, что этой идее были подчинены все их помыслы. Даже Гоголь, отчаянно боявшийся смерти всю свою жизнь, уже не просто стремится к Богу, а жаждет прежде всего покоя, т.е. (вначале подсознательно, а затем и сознательно) вечного успокоения.

Мотив покоя, освобождения от мук пронизывает и завершающий период творчества Акутагавы. В "Диалоге во тьме" он пишет, что хочет только одного - покоя, и поминает Вагнера, говорившего, что он предпочел бы не тво-

рять великое искусство, а тихо жить с любимой женщиной и детьми. Общая мечта тех, кто болен гениальностью... Здесь можно вспомнить и булгаковского Мастера, да и самого Булгакова, мечтавшего обрести покой под каменной гоголевской шинелью. А награда, полученная Мастером ("дом, и старый слуга, свечи уже горят..."), поразительно похожа на награду, которую получает от святого старца герой новеллы Акутагавы Ду Цзы-чунь - домик на южном склоне горы Тайшань, "где персики в полном цвету". Синьитиро Накамура в книге "Рюноске Акутагава" излагает причину самоубийства писателя так: "Мечта о душевном покое привела его к мысли, что единственный способ достичь желаемого - смерть. Вскоре он уверился в этом настолько, что решимость его стала неколебимой".

После нескольких неудачных попыток самоубийства истерзанный Акутагава принял смертельную дозу снотворного и, наконец, обрел заветный покой (будем надеяться). Последней каплей стала кончина мужа его сестры, вызвавшая у писателя обострение депрессии. Примечательная деталь: для Гоголя, как известно, таким же последним потрясением стала смерть жены его друга Языкова.

Истинный и истовый христианин, Гоголь не мог открыто покончить с собой. Но многочисленные свидетельства его друзей, знакомых, врачей заставляют думать, что его смерть была замаскированным, возможно, даже подсознательным, но тем не менее совершенно явным самоубийством. Все последние месяцы Гоголь вел жизнь кающегося грешника и заморил себя покаянием и голодом до смерти. Он не спал, не принимал пищу, а когда наступил Великий пост, умер от полного физического и нервного истощения. Это было такое же самоубийство, как если бы он, подобно Акутагаве, наглотался веронала (разве что веронала тогда еще не было) - только более медленное, более мучительное и, по внешней видимости, вполне христианское. Вспомним, кстати, и предсмертную фразу Гоголя: "Как сладко умирать!"

Полагаю, теперь читатель сам убедился, что "гоголизированный взгляд" - болезнь и вправду опасная. Должно быть, именно эта пристрастность заставляет находить так много параллелей в творчестве и судьбе русского и японского писателей, принадлежавших разным культурам и разным эпохам. Специалисты по Акутагаве резонно возразят, что с наименьшим основанием путь японского классика можно было бы сравнить с жизнью Эдгара По или Стриндберга, оказавших на него куда большее влияние, чем наш Гоголь. Наверное, так оно и есть, но накануне смерти Акутагава чувствовал свое трагическое родство именно с Гоголем, ощущал над собой гнет того же самого рока. И свидетельство тому - полные отчаяния строки из его последнего автобиографического произведения "Жизнь идиота", законченного за две недели до гибели. "Он вспомнил, что Гоголь тоже умер безумным (пишет о себе Акутагава в третьем лице), и неотвратимо почувствовал какую-то силу, которая поработила их обоих".

(окончание следует)

Дружба, не знающая границ

"Дружба народов" - пропагандистское клише советского времени, и мало кто сегодня воспринимает это словосочетание иначе. В этом горьком наблюдении есть своя печальная правда - пропагандистские издержки старого времени и разоблачительно-ниспровергающий раж времени более близкого выхолостили истинное значение этого прекрасного и чистого понятия. Повсеместный разгул национализма, этнические конфликты, разрушение памятников и осквернение кладбищ - какая уж в этих условиях дружба между народами.

Памятники и кладбища - пожалуй, самая большая боль, потому что здесь идет война с историей, с памятью, с прошлым. С мертвыми, которые не встанут, не ответят, не постоят за себя. Человеческая мораль не знает худшего кощунства, чем надругательство над памятью ушедших. И в то же время нет, пожалуй, более светлого, чистого и бескорыстного подвига, чем забота о памяти умерших и конкретно - о местах их упокоения. Не о родственниках или друзьях, а о чужих казалось бы людях. Не только об "отеческих гробах", о которых проникновенно писал Пушкин, но о "праотцах наших и старших" вообще.

Все эти мысли вновь наполнили мое сознание, когда я прочитал указ президента России о награждении Орденом Дружбы известного японского общественного деятеля Масахиса Судзукава и позднее, когда я присутствовал на церемонии вручения ему высокой награды в Генеральном консульстве Российской Федерации в Осака 30 мая 1995 г. Имя Судзукава-сан уже отчасти знакомо нашим читателям, но об этом поистине замечательном человеке настал пора рассказать подробнее. Частное лицо, пенсионер, японец, проживший многотрудную жизнь, ставит памятники русским людям в Японии и, не желая сил, средств и здоровья, заботится о могилах русских воинов в Японии.

Почему?!

Для Судзукава-сан такого вопроса не существует и существовать не может. Он любит Россию, хотя и провел почти восемь лет в плену под Новосибирском. Глумящимся над "дружбой народов" этого не понять. А ведь лейтенант интендантской службы Квантунской армии Судзукава, не воевавший против СССР с оружием в руках, провел в достаточно тяжелых условиях едва ли не самые "перспективные" годы своей жизни. Может, втайне он и испытывает определенную горечь - но я в это не очень верю. Посвятить не одно десятилетие своей жизни укреплению дружбы двух стран средствами "народной дипломатии" и написать уже в старости стихотворение "Мое завещание" с просьбой похоронить его в Сибири - это не жест, не поза, это - веление сердца.

В отличие от многих бывших пленных, Судзукава-сан не стал ни коммунистом, ни левым. Вернувшись в Японию, он быстро наверстал упущенное, занявшись книгоиздательским делом (еще до войны он закончил университет в Кобэ). Чуждый политический ангажированности и партийных пристрастий, он стал просто другом России и русского народа, радуясь его радостями и сострадавая его бедам - вне зависимости от политических страстей и интриг. Настоящий патриот Японии, он не только находит общий язык с патриотами России, но и сам нередко

смотрит на вещи много патристичнее иных русских. Одно из самых дорогих для Судзукава-сан воспоминаний - встреча с Валентином Пикулем в Риге почти десять лет назад. Итогом ее стало издание в Японии известного романа Валентина Саввича "Три возраста Окини-сан", который был не только выпущен усилиями Судзукава-сан, но и наполовину переведен им.

Оставив по возрасту издательскую деятельность, Судзукава-сан окончательно посвятил себя деятельности общественной. Трудно перечислить все ее сферы: издание книг и буклетов, поездки японских делегаций дружбы в Россию, обмен детскими спортивными командами с Москвой и Новосибирском, организация выступлений русских артистов и выставок русских художников в Японии. Но, пожалуй, главным его делом в последние десять лет стала забота о русских кладбищах в Японии, где похоронены военнопленные русско-японской войны, и установка в Японии памятников русским людям, оставившим заметный след в истории отношений двух наших стран.

У Судзукава-сан сразу нашлись единомышленники и соратники и в Японии, и в России. В первую очередь, надо назвать писателя и историка Виталия Гузанова, автора книг о Путятине и Гошкевиче (книга о Путятине не нашла себе издателя в России даже в канун празднования 300-летия русского флота на государственном уровне! - зато была переведена и издана в Японии усилиями Судзукава-сан. Есть о чем призадуматься). Неугомонный в свои уже не очень-то молодые годы, но по-настоящему молодой душой - Виталий Григорьевич вместе с Судзукава-сан объездил, а точнее было бы сказать, облазил все русские кладбища в Японии, разбирая полустершиеся фамилии на стандартных каменных надгробиях, которые от времени стали почти совсем не различимы. Потом были долгие поиски в архивах, которые позволили точно установить имена, фамилии, воинские звания и принадлежность погребенных. Работа исключительно трудная, потому что надписи на памятниках, выполненные в японской транскрипции, нередко искажали оригинал почти до неузнаваемости. Итогом этой работы двух самоотверженных исследователей-патриотов стала книга "Могилы русских воинов в Японии", выпущенная два года назад и содержащая полное описание всех такого рода захоронений. Выпущена она на двух языках (под одним переплетом), но тоже, увы, не в России. Российским издателям она, очевидно, представляется ненужной.

В деле установок памятников русским в Японии огромную роль сыграли московские скульпторы Олег Комов (столь безвременно ушедший из жизни) и Владимир Мухачев. Комовым были исполнены памятники первому русскому консулу в Японии Гошкевичу в г.Хакодате (открыт в 1989 г.) и адмиралу Путятину в г.Фудзи (открыт в 1994 г.). Мухачев - автор бюста на могиле капитана 1-го ранга Василия Бойсмана на русском воинском кладбище в г.Мацуяма (открыт в 1994 г.), где особенно чтут память русского офицера, который отказался воспользоваться привилегией старшего офицерского состава покинуть плен в первую очередь. Как капитан, последним оставляющий гибнущий корабль, Бойсман заявил (невзирая даже на просьбы своей семьи), что не покинет Японии, пока на ее земле будет хотя бы один русский пленный солдат или матрос. Последним его пристанищем стало кладбище в Мацуяма, и японские поэты уже несколько десятилетий назад слагали о нем стихи и песни.

Русское кладбище в Мацуяма стало одним из главных пунктов программы мероприятий, приуроченных к награждению Судзукава-сан российским Орденом Дружбы. Церемонии награждения предшествовала поездка российских и японских участников программы на русское кладбище в г.Годзу, в котором был проведен неформальный исторический симпозиум, посвященный судьбе русского военного транспорта "Иртыш", затонувшего у побережья Японии в 1904 г. Ну а после

церемонии были поездки из Осака в города Идзумиодзу, Мацуяма, Хиросима и Нагасаки. Честолюбивый человек превратил бы именно свое награждение в центральный пункт программы, но Судзукава-сан не таков.

Он принял Орден Дружбы с глубокой признательностью и благодарностью, без тени ложной скромности. Он знает, что заслужил его всей своей деятельностью - но и что надо продолжать работу. Церемония в Осака, которой руководили российский Генеральный консул Георгий Комаровский и консул Вячеслав Федяинов, была не казенным мероприятием, но именно встречей друзей и единомышленников. Кроме Виталия Гузанова и Владимира Мухачева российскую сторону представляли специально приехавшие из России - предприниматель Василий Кирин, взявший на себя изготовление медных табличек на могилы русских воинов для кладбища в Идзумиодзу и Мацуяма; советник департамента культурных связей РФ Виталий Селиванов; начальник Центрального военного исторического музея (Санкт-Петербург) Евгений Корчагин; нижегородский поэт Валерий Шамшурин, потомок одного из моряков "Иртыша". На церемонии были зачитаны поздравления от многих российских общественных организаций, научных академических институтов, учебных заведений, журналов и газет и, конечно, просто от друзей. Среди них надо особо отметить двух единомышленников и бескорыстных помощников Судзукава-сан - бывшего Генерального консула России в Осака Валентина Алексеева и токийского корреспондента "Известий" Сергея Агафонова.

Но не следует думать, что чествовали награжденного только русские. Поздравления пришли от университетов, общественных организаций, прессы, от виднейших японских специалистов по России и русско-японским отношениям профессоров Харуки Вада, Хироси Кимура, Такэги Сакон и др. Большую статью накануне награждения посвятила виновнику торжества одна из крупнейших газет Японии "Асахи". Российское и японское телевидение в информационных выпусках показало несколько сюжетов, посвященных этому событию.

На следующий день снова была работа. Мэр города Идзумиодзу принимал русскую делегацию, которая привезла таблички для установления их на могилах русских воинов. В городе Мацуяма, куда мы отправились день спустя, таблички на кладбище уже были установлены. И священник японской автономной православной церкви отец Григорий Огава отслужил литию по погибшим, перечислив их всех по именам, и освятил таблички, окропив их святой водой. Ну а русские, по стародавней традиции, пустили по кругу чарку водки, поминая солдат и матросов, навеки оставшихся в чужой, но внимательной к их памяти земле.

Помимо своей энергии и активности, Судзукава-сан всегда поражал лично меня разносторонностью своих интересов и ненасытной жадой познания. Свидетель, можно сказать нескольких исторических эпох, он отличается цепкой памятью и постоянным вниманием ко всему, что касается истории Японии и России XX века. Он не пропускает ни одной интересной публикации по проблемам истории и культуры, а душа его в равной мере отзывается на размышления академика Дмитрия Лихачева об исторических корнях российской цивилизации и на новейшие российские исследования о традиционной религии Японии синто. Не считая себя ученым, Судзукава-сан своими обширными и разносторонними познаниями оказал помощь многим нашим исследователям - в том числе и автору этих строк в работе над изучением военно-политической истории предвоенной Японии.

Судзукава-сан - обаятельный собеседник, порой открывается в разговоре с неожиданной стороны. Он любит и хорошо знает русские песни, он - неутомимый рассказчик, обладающий прекрасным чувством юмора. Он неплот-

хо говорит по-русски, хотя, скажем откровенно, этот язык дается японцам, как правило, нелегко. Судзукава-сан не знает покоя, он постоянно динамичен, мобилен, постоянно в движении, всегда открыт для своих друзей - как японцев, так и русских.

И, конечно, говоря о нем, нельзя не вспомнить его очаровательную жену Наокэ-сан, верную помощницу и единомышленицу. А еще - хозяйку теплого, гостеприимного дома в Амагасаки - городе-спутнике промышленного и торгового гиганта Осака.

Вести о страшном землетрясении начала года, захватившем как раз Кобэ, Осака и Амагасаки, привели в волнение и смятение всех друзей Судзукава-сан. Мы часами пытались дозвониться ему из Москвы в Амагасаки, когда воображение рисовало самые трагические картины. Но дом Судзукава-сан уцелел, а его хозяин, едва оправившись после столь тяжелого напряжения всех душевных сил, с прежней энергией принялся за работу.

Судзукава-сан вновь собирается в Россию: в Москву, Санкт-Петербург, потом в Белоруссию, на родину консула Гошкевича. Особое значение он придает поездке в Кронштадт, где похоронен легендарный адмирал Макаров. Когда он погиб, молодой, но уже известный японский поэт Исикава Такубоку написал проникновенные стихи на его смерть (они превосходно переведены на русский язык покойной Верой Марковой). Чувствуя свой долг перед памятью Макарова, Судзукава-сан добился разрешения установить в Кронштадте от своего имени памятную доску в честь русского адмирала с выбитыми на ней строками Такубоку. Вот он, настоящий патриотизм!

Десятого сентября 1995 года Масахиса Судзукава исполнилось восемьдесят. Пожелаем ему долгих лет, крепкого здоровья, пожелаем не терять энергии, бодрости духа и силы воли. Низкий поклон ему от всех нас, русских!

Василий Молодяков

Токио, июнь 1995 г.

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" от всего сердца поздравляют Масахиса Судзукава с 80-летием! Желают ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческих успехов!

Директор ИДВ РАН
М.Л.Титаренко

Главный редактор "ПДВ"
А.М.Григорьев

Научная жизнь

И конь, и трепетная лань...

(К итогам экономического и социального развития КНР в 1994 г.)

© 1995

А.Круглов

Ушедший 1994 г. даже по меркам древнего Востока, который, кажется, ничем не удивишь, тем не менее, - год драматического напряжения, захватывающей социально-экономической и политической интриги, оптимизма и опасений. Трехлетнее непрерывное развитие высокими, вернее, сверхвысокими, темпами приковало к себе мировое внимание. Вместе с тем 1994 г. обнаружил целый ряд проблем: замедление темпов развития, новый всплеск инфляции, волнения среди рабочих и крестьян в связи с относительным сокращением доходов и становящейся все более ощутимой безработицей. И, как принято говорить, гром среди ясного неба, - на фоне бесспорно достигнутых успехов в экономическом строительстве - всплывший в китайской печати вопрос о судьбе самих реформ...

Опубликование "Сообщения ГСУ КНР о статистических показателях экономического и социального развития страны в 1994 г." не дало однозначно, ожидаемого с нетерпением ответа на главный и основной вопрос в настоящее время - гарантирует ли состояние экономики страны стабильность китайского общества, прежде всего политическую.

Ответ и в самом деле непрост, как и невероятно сложен сам процесс экономического развития реформ, представляющий собой попытку сочетать трудновосместимое - плановое социалистическое строительство и рыночное хозяйство. Ведь нынешний курс, направленный, как образно характеризуют его китайские экономисты, на то, чтобы "крутились все пять колес", не может не напоминать собой попытки впрячь в повозку "коня и трепетную лань".

И тем не менее вхождение китайской экономики в рынок - это реальность. Все меньше товаров проходит через административное распределение, и все больше - поступает прямо на рынок. Сегодня не плановые органы, а рынок распределяет 60% угля и стали, свыше 90% цемента и т.д.

Законы рынка неумолимы: за все надо платить. Сверхвысокие темпы экономического развития на протяжении трех лет подряд привели к новому

(после 1988-1989 гг.) всплеску инфляции. На общем фоне улучшения благосостояния это, тем не менее, не могло обернуться сокращением доходов для некоторых слоев населения; причем это относится не только к "традиционным" из них - пенсионерам, студентам, безработным - но и к занятым в сфере материального производства, например крестьянам, доходы которых в предыдущем году не росли с увеличением производства зерна, а также к рабочим убыточных государственных предприятий.

Выступая в марте 1994 г. перед членами Всекитайского Собрания народных представителей, премьер-министр Ли Пэн сказал, что рост цен должен быть меньше 10%. Предупреждение о "недопустимости инфляции" повторил его заместитель Чжу Жунцзи, ответственный за экономику и за осуществление принятого в 1993 г. решения восстановить в ней контроль.)

Резолюция четвертого пленума ЦК КПК 14-го созыва (сентябрь 1994 г.) разительно отличалась от принятой годом раньше третьим пленумом радикальной резолюции, основной упор в ней делался уже не на реформы, а на стабильность. В этом нашло свое отражение беспокойство по поводу роста цен, волнений среди безработных, брожений среди крестьян, тревог в связи с возможными переменами в высших эшелонах власти. Несмотря на достигнутые определенные успехи, увеличивалась неполная занятость в городах: в 1992 г. - 2,3, в 1993 - 2,6, в 1994 г. - 2,9%, то есть более 5 млн. человек.

"Более чем когда-либо, в силе лозунг поддержания стабильности, - писала в январском за текущий год номере "Монд дипломатик". - Если надо - ценой замедления реформ".

Предпринятые китайским руководством меры нашли определенное отражение в опубликованных итогах экономического и социального развития за прошлый год.

Прежде всего - это снижение темпов роста объема валового внутреннего продукта до 11,8%. В сложившихся условиях это, вероятно, наиболее оптимальный вариант, позволяющий несколько "остудить" перегретую экономику и в то же время сохранить достаточно высокий динамизм развития. Промышленное же производство, хотя и сократилось по сравнению с максимальным пиком в 27% (первый квартал предшествующего года), но сохранившийся 18% уровень навряд ли можно считать легко поддающимся управлению.

Больше того, сохранилась тенденция достижения роста главным образом за счет негосударственных укладов. Только 5,5% пришлось на долю государственных предприятий, коллективные дали 12,4% совместные предприятия с китайским и иностранным капиталом, с участием иностранного капитала и полностью на иностранном капитале - 28%. Ситуация с государственными предприятиями открыто и официально отнесена к "главным проблемам экономического развития", наряду с отставанием сельского хозяйства и чрезмерным ростом рыночных цен, то есть инфляцией.

Важной отличительной чертой итогов развития сельского хозяйства за истекший год стало падение производства зерна на 2,8%. Без преувеличения можно считать подобный результат предопределенным.

Если происходившее несколько лет тому назад снижение сбора зерна было связано с определенной диверсификацией сельскохозяйственного производства, с переориентацией крестьян на более рентабельные технические культуры, то на этот раз и они претерпели ощутимое сокращение - джуга на 44, табака на 35, сахарного тростника более чем на 5, чая почти на 3%. Падение производства в 1994 г. вызвано другими причинами, которые носят фундаментальный характер - сложная демографическая ситуация на селе, низкая эффективность аграрного сектора, политика (в том числе кредитная) го-

сударства, истощение потенциальных возможностей сложившихся хозяйственных форм, а также (пожалуй, одна из наиболее важных) - инфляция.

Семейный подряд на землю, стимулировав производственную активность крестьян, не решил окончательно проблемы собственности на землю и фактически не преодолел проблемы долгосрочного характера, а загнал их вглубь.

Средние подушевые индивидуальные земельные наделы, к тому же разбитые на полосы, не достигают и половины гектара (0,47). В обстановке по-прежнему распыленного хозяйствования в аграрном секторе масштабы сельскохозяйственного производства не позволяют удовлетворить очевидные требования снижения себестоимости. По оценке министерства сельского хозяйства, пахотные площади почти на 25 млн. га ниже минимально допустимого уровня, гарантирующего продовольственное самообеспечение.

Зерновую проблему в истекшем году обострил возросший спрос на мясо, птицу (и яйцопродукты). В 1978 г. - году начала реформ - на корм скоту использовалось 7 млн. т зерна, в 1994 г. рост этих расходов (главным образом на откорм свиней) значительно превзошел 20%-ный уровень. Заметную негативную роль сыграли и серьезные стихийные бедствия.

Если возрастающие потребности в зерне (уместно в этой связи упомянуть о 14-ти миллионном приросте населения страны за прошлый год) не получают удовлетворения, то это неизбежно обернется новым повышением цен. А между тем внутренние цены на ряд сельскохозяйственных культур приблизились к мировым или даже превзошли их. За 1994 г. цены на зерно подскочили более чем на 50% (и это несмотря на введенный в начале года контроль за ценами на зерно). Рост мог, вероятно, быть еще более внушительным, если бы не отчаянные меры правительства, выбросившего на рынок 2,5 млн. тонн зерна из своих запасов.

Рост цен на зерно потянул за собой вздорожание продовольственных товаров в целом (в том числе на пищевое растительное масло - более чем на 64, на мясопродукты - почти на 42 и даже на свежие овощи - на 38,2%).

В попытке смягчить проблему сравнительно низкой эффективности сельского хозяйства, правительство Китая прибегло к традиционной мере - повышению закупочных цен почти на 40% (39,9). Эффект от такого "урегулирования" очень быстро свелся на нет ростом цен на промышленную продукцию, особенно непрерывным повышением цен на сельскохозяйственные средства производства. В результате, по данным Института развития деревни АОН КНР, крестьяне начали отказываться от применения химических удобрений, а объем механизированных работ в сельском хозяйстве сократился на 30-40%. Крестьяне вынуждены продавать трактора и переходить на использование тяглового скота. И на этот раз, в 1994 г., розничные цены на сельскохозяйственные средства производства поднялись на 21,6, а на промышленную продукцию - почти на 20% (19,5).

Бюджетные возможности государства в содействии разрешению проблемы сельского хозяйства оказались более чем ограниченными - удельный вес капиталовложений в прошлом году продолжал падать, составив менее 2% (1,9%), что ниже на 0,3 процентных пункта показателя предыдущего года. Основной упор в субсидировании аграрного производства государство продолжает делать на сельскую промышленность (поселково-волостные предприятия). Аналогичная ситуация и в решении проблемы избыточной рабочей силы в деревне, составляющей примерно 130 млн. человек. Количество занятых на сельских предприятиях за прошедший год возросло на 7,2 млн. чел. против 2,5 млн. рабочих и служащих, трудоустроенных в городах.

Помимо сельского хозяйства капиталовложения снизились и в такую важную часть инфраструктуры, как транспорт (на 0,8 процентных пункта); в дефицитнейшую сырьевую промышленность они остались на уровне предыдущего года, а в энергетике - возросли всего на 1,1 процентных пункта. Вместе с тем в общем капиталовложения в основные фонды по-прежнему вели, их рост в 1994 г. превысил 31%.

Повторное, после 1986-88 гг., разбухание масштабов капиталовложений в основные фонды, превысившие 30% уровень, являющийся, по мнению ведущих китайских экономистов, предвестником скачки цен, воскресило зловещую тень инфляции 1988-89 годов. Однако на этот раз, как оказалось, оно не вызвало ажиотажной волны закупок. Спрос на потребительские товары за 1994 г. возрос на 6%, в то время как их производство - почти на 20% (19,7%); и, хотя это привело к возросшему до 58,8 млрд.долл. затовариванию (по подсчетам иностранных экспертов), одновременно это сопровождалось бурным ростом вкладов населения (на 45,1%) в сберегательных банках страны.

Бесспорно, налицо влияние защитных механизмов с учетом опыта предыдущего всплеска инфляции, в частности в области денежного обращения.

Однако наряду с этим роль тормоза в процессе обуздания инфляции продолжала играть проблема предприятий в государственной собственности. Хотя половина их общего количества убыточна, а треть - находится почти на грани финансовой несостоятельности, к ним фактически не применяется принятый в конце 80-х годов закон о банкротствах, поэтому в области капиталовложений они, как правило, игнорируют фактор риска, а также роль процентной ставки, а их убыточность ложится тяжелым бременем на государственные финансы. Сумма взаимных неплатежей превысила 72 млрд.долл. (за 9 месяцев прошлого года). За это время банки были вынуждены предоставить им дополнительно 10,6 млрд.долл. краткосрочных кредитов, что на 30% больше, чем в предыдущем году. Несмотря на то, что доля государственных предприятий в выпуске продукции уже не дотягивает до половины (по некоторым подсчетам, она составляет 45% общего промышленного производства) более 60% капиталовложений все еще направляется в государственный сектор.

Зарубежные капиталовложения продолжали оставаться в истекшем году одним из "китов", подпирающих китайскую экономику. Несмотря на некоторое расхождение в оценках, официальные данные однозначно свидетельствуют, что объем фактически использованного иностранного капитала, в том числе прямых инвестиций, возрос за истекший год примерно на пятую часть. Это означает, что на долю Китая приходится около половины всех прямых капиталовложений в развивающиеся страны. (Для сравнения: в 1992 г. она составляла одну треть). Но, видимо, бум вокруг иностранных инвестиций в Китай уже позади, во всяком случае, - его пик. Об этом свидетельствует не только сопоставление с итогами предыдущего года, когда прирост реально использованных иностранных капиталов и прямых инвестиций составил соответственно 92 и 130%; количество предприятий с участием иностранного капитала за прошлый год возросло на 22,6%; это означает рост на 39 тыс., тогда как в предыдущем году он составлял 83 тыс. предприятий. За первые девять месяцев 1994 г. фактически использованные инвестиции увеличились почти наполовину против соответствующего периода предыдущего года. Однако за тот же период число новых проектов сократилось на 46%, а объем обещанных инвестиций - почти на одну треть (на 32%). Похоже, сентябрь прошедшего года, открывший кампанию по оздоровлению народного хозяйства и охлаждению перегретой экономики, заодно охладил пыл и зарубежных инвесторов. Вместе с тем за прошедший год произошли серьезные изменения в структуре

иностранных капиталовложений в Китай. Доминировавшие до сих пор компании Гонконга (а также через подставных лиц - из Тайваня), в основном небольшие, преимущественно в текстильной и некоторых обрабатывающих отраслях, оказались перед лицом массированного вторжения крупнейших транснациональных корпораций. Одновременно возросли и масштабы проектов, в частности американского капитала; за первые восемь месяцев средние инвестиции в один проект увеличились до 1,7 млн. ам.долл. по сравнению с 1,3 млн. за тот же период предыдущего года. Это позволило Соединенным Штатам выйти на третье место в списке главных инвесторов в Китае, опередив азиатский индустриальный колосс - Японию и "маленького дракона" Сингапур.

Другим "кигом" для китайской экономики стала в прошлом году внешняя торговля. В отличие от более чем 12-тимиллиардного (в ам.долл.) дефицита предыдущего года получено превышающее 5 млрд. ам. долл. положительное сальдо. (Причем, по итогам первых девяти месяцев оно составляло лишь 1,38 млрд. ам.долл.). В определенной мере рост экспорта объясняется 50-процентной девальвацией юаня, но впечатляет и прирост в 37,6% экспорта предприятий с участием иностранного капитала, их доля в общем объеме экспорта возросла до 28,7%; к тому же постоянно увеличивается вклад сельских предприятий в экспортные возможности страны, в настоящее время производимая ими продукция превышает 25% экспорта. Кстати, это объясняет, почему так быстро и значительно увеличился вывоз промышленных товаров, которые составляют сейчас примерно 85% общего экспорта, а в особенности - требующих больших затрат труда.

Итоги внешнеэкономической деятельности за истекший год говорят об успехах в реализации стратегии использования иностранных капиталов для бурного наращивания экспортных потенций, прежде всего путем создания совместных предприятий, с участием иностранного капитала или полностью основанных на нем. Только за первое полугодие они увеличили свой экспорт на 45% по сравнению с тем же периодом предыдущего года (в то время как общий объем экспорта возрос на 30%).

Это также свидетельствует о том, что китайская экономика продвинулась дальше по пути реализации политики открытости, нежели осуществления реформ. По существу, именно внутренние проблемы экономического развития, серьезно тормозящие проведение реформ, представляют единственный (разумеется, без учета политических) фактор, удерживающий Китай от более тесной интеграции с международным рынком и мировой экономикой.

Отмеченная выше заметная роль сельской промышленности, которая, судя по итогам года, продолжает оставаться "третьим китом" китайской экономики, - не единственная и, возможно, не главная, хотя и очень важная.

Если исходить из того, что успех в осуществлении реформ напрямую связан с допущением и распространением конкуренции (а это, в конечном счете, так), то именно сельские предприятия - та самая "трепетная лань" в повозке китайской экономики, - наиболее динамичная и наименее управляемая; они - начало этих реформ (и по времени, и по существу). их ускоритель, и на сегодняшний день, в сущности, их наиболее зримое содержание.

Перешагнув уготованные им рамки в процессе гигантских социально-экономических преобразований в стране, они превратились в основной путь перехода избыточной рабочей силы в деревне к несельскохозяйственному труду, вобрав к концу прошлого года более 120 млн. крестьян. Стоимость создания одного рабочего места по подсчетам китайских экономистов, в четыре раза меньше, чем на государственных предприятиях и, главное, финансируется не из бюджетных ассигнований, а на средства населения. К тому же, как

выясняется, крупная индустрия не в состоянии полностью трудоустроить даже выпускников колледжей и других городских высших и средних специальных заведений.

Сельские предприятия уже превратились в ведущую силу экономики КНР, потеснив госсектор. Уже в предшествовавшем году доля сельских предприятий именно промышленных (то есть без учета строительных, транспортных, торговых, сферы услуг и др.) в выпуске валовой промышленной продукции страны составила 44,5%, а в целом (включая предприятия на уровне деревень) - 59,8%. К концу прошлого года роль сельских предприятий еще более возросла; об этом можно судить по тому, что в приросте добавленной стоимости промышленности за 1994 г. на долю сельских предприятий пришлось 27,3%, тогда как на долю государственного сектора - 5,5%.

Во многих регионах страны сельская промышленность превратилась в основной источник финансовых поступлений в местные бюджеты (на юге провинции Цзянсу, например, он достигают 70%).

Ныне сельская промышленность - если не главный, то один из основных поставщиков не только потребительских товаров, но и энергоносителей, деталей и узлов для обрабатывающей промышленности удобрений и ядохимикатов для сельского хозяйства и т.д. - более половины изделий из шелка и трикотажа, свыше 90% производства кирпича и черепицы, мелких сельскохозяйственных орудий, три четверти производства кожаной обуви, более трети производства цемента и угля и т.д.

В конце 1994 в сельских районах страны насчитывалось 35 тыс. совместных с иностранным капиталом предприятий. С учетом того, что, по данным на середину 1991 г., их было примерно 7 тыс., это означает их пятикратное возрастание за четыре года.

Этот пятисотпроцентный рост происходит, главным образом, за счет восточных приморских провинций, в особенности в районах, прилегающих к Гонконгу. Привлекаемые сравнительно низкой арендной платой за землю и помещения, а также дешевой рабочей силой, владельцы гонконгских фирм охотно идут на инвестирование капиталов в сельские предприятия пров. Гуандун. То обстоятельство, что иностранные инвесторы, напуганные зигзагами официальной экономической политики, проявляют интерес к сферам экономики, в наименьшей степени подверженным влиянию макрорегулирования, и в наибольшей - отвечающим законам рыночного хозяйства, наиболее характерно именно для восточных приморских провинций, чревато обострением не только еще одной проблемы - конкуренции сельских предприятий с государственным сектором и в области привлечения иностранных капиталовложений, но и проблемы территориальной дифференциации. Она и сейчас уже достаточно серьезна; более 90% зарубежных инвестиций направляются в восточные приморские провинции, которые дают свыше 60% прироста экономики; в результате в среднем на душу населения здесь приходится в два раза больше инвестиций, производится в 1,7 раза больше валовой промышленной продукции и почти в полтора раза выше уровень потребления, чем в центральных и западных регионах. Это - питательная среда для сепаратистских тенденций, в частности в формировании единого общегосударственного рынка, в вопросе о темпах экономического развития, в разрешении социальных проблем, например трудоустройства, выплаты пенсий и т.п.

Бурный рост экспорта (и как следствие - резкое увеличение запасов иностранной валюты) при одновременном снижении сбора зерна: не означает ли это, что Китай все-таки решился последовать рекомендациям Международного Валютного Фонда (кстати, отвергнутым Китаем в свое время) разви-

вать приморские районы в качестве свободных экономических зон, ориентированных на экспортное производство, зерно же закупать на международном рынке за вырученную валюту? Возможно. Теоретически импорт 200 или даже 300 млн. т. зерна по существующим ценам 15 млрд. ам. долл. за 100 млн. т был бы в пределах экономических возможностей Китая. Правда, это потребовало бы сокращения импорта оборудования и технологий, необходимых для поддержания экономического роста.

Кроме того, если не изменить наметившуюся тенденцию, то неизбежно скажутся геополитические проблемы. По словам президента Академии Наук КНР профессора Чжоу Гуанчжао, если ситуация с сокращением пахотных земель будет продолжаться, то "Китаю придется закупать 400 млн. т. зерна на мировом рынке. И я боюсь, что тогда всего количества зерновых, что производят США, окажется недостаточно, чтобы удовлетворять нужды Китая".

Ежегодный мировой экспорт зерна в настоящее время составляет в среднем 200 млн. т, из которых половина приходится на долю США. Но уже более 100 стран вывозят зерно из Соединенных Штатов, экспортные возможности которых навряд ли намного возрастут. Это же можно сказать об Аргентине и других экспортерах зерна, включая Европу. В то же время ожидается дополнительный спрос на зерно в 250 млн. т. в Африке, в 10 раз превышающий ее импорт в настоящее время. Поэтому, если Китай будет обращаться к мировому рынку зерна, это создаст жесткую конкуренцию за экспортные поставки, взвинтит мировые цены, и дефицит продовольствия распространится по всему миру, означая неизбежное столкновение между растущими потребностями людей в продовольствии и ограниченными возможностями некоторых основных природных систем.

В то же время Китаю удалось коренным образом изменить тенденцию в отношении производства хлопка - от снижения в предшествовавшем году на 16,6% к росту в прошлом году на 13,6%, что говорит об огромных усилиях по поддержанию на высоком уровне экспорта текстильных изделий в США, обуславливающего огромное положительное сальдо в двухсторонней торговле (23 млрд. ам. долл. в 1993 г.).

Падение производства табака, чая, сахара, несомненно, отразится на розничном товарообороте, однако маловероятно, что это приведет к напряженности в снабжении потребительскими товарами.

Вероятно, продолжится тенденция роста удельного веса форм негосударственной торговли и снижения - государственной. (За 1994 г. он, соответственно, вырос с 60,3 до 66,3% и снизился - с 39,7 до 33,7%).

Будут, видимо, продолжены шаги по дальнейшему разгосударствлению мелких государственных предприятий. Напротив, в отношении крупных государственных предприятий нет оснований ожидать каких-либо серьезных реформ.

Повышающийся рост покупательной способности населения гарантирует дальнейшее развитие сельских предприятий превосходящими темпами. Возрастает объем их внешнеэкономической деятельности, поскольку многие из них уже вышли на уровень международного рынка, продемонстрировав свою конкурентоспособность.

Китайская философия и современная цивилизация

(К итогам первой всероссийской научной конференции)

Понимание Китая и его будущего невозможно без понимания прошлого и настоящего китайской культуры. Развитие отечественного китаеведения начиная от подвижнического научного труда сотрудников православных духовных миссий в Пекине выстраивалось вокруг проблем изучения китайской духовной культуры. В наши дни проблема взаимодействия культур и регионов Востока и Запада во многом является проблемой ясности понимания культурных ценностей, многие межгосударственные и межрегиональные противоречия имеют в основе непонимание духовно-мировоззренческих основ чужих национальных культур. Рост могущества современного Китая провоцирует активизацию обсуждения будущей мировой роли китайской цивилизации, вновь оживает призрак грозящей миру "желтой угрозы", на другом фланге в изобилии рождаются мифы об универсальной спасительности китайской культуры для погруженного в кризис мира.

Проведение в мае 1995 года в Институте Дальнего Востока РАН научной конференции "Китайская философия и современная цивилизация" было назревшим научным мероприятием. Общеизвестно, сколь важна китайская философская мысль для понимания индивидуальных и социальных ценностей китайской культуры, для понимания весьма несходного с западным видения окружающего природного мира и места в нем человеческого существования. Именно философия аккумулирует варианты ответов на "предельные" вопросы человеческой жизни - о смысле жизни, бессмертии и смерти, об абсолютных моральных ценностях и метафизическом устройстве мироздания. Изучение китайской философии уже давно и успешно велось в наклонении "прошедшего времени" для интерпретации и более глубокого уяснения китайской цивилизации прошлых эпох. Китайская современность еще недавно казалась тем пресловутым "чистым листом", на котором пишутся совершенно новые, никак не связанные с традицией иероглифы. Однако как и в прошлые переломные эпохи развития, китайская культура продемонстрировала неумирающую жизнеспособность. Именно поэтому в качестве темы конференции был избран разговор о современном звучании китайской философской мысли.

Конференция открылась докладом доктора философских наук, профессора М.Л.Титаренко на тему "Китайская культура и китайская философия". Ставя вопрос о влиянии китайской цивилизации на китайскую философию, докладчик поставил акцент на выделении специфики культурного контекста зарождения китайской философии, особо подчеркнув то, что выросшая из религии и мифологии китайская философия стала их рационализированной методологией. Отмечалась специфическая значимость для китайской философии категории "Неба" (тянь), соединенного с человеком через социально-этические нормативы и выступающего как в виде высшего нравст-

венного судьи, так и в ипостаси мира всеобщего природного бытия. Помимо социально-политической и морально-этической нагруженности китайской философии, докладчик указал на двуединую структуру построения китайской философии по вертикали и горизонтали. Вертикальная структура китайской философии основана на духовных и политических нормах и устанавливает жесткую упорядоченную иерархию ценностей и добродетелей, которым должен следовать человек; горизонтальная структура воплощается во всех без исключения сферах жизни китайского общества и образует многообразие в единстве, стоящее на следовании Небу, ритуалам, естественности, разуму и традициям.

Земледельческий характер китайской культуры и рожденной ей философии сформировал специфический путь развития естествознания. Этот вопрос был поставлен в начале 1920-х годов китайским философом Фэн Юланем - он считал, что в Китае нет современной науки западного типа не потому, что он не смог ее создать, а потому, что руководствовался иными культурными ценностями и не хотел ее создавать. В докладе выделялись такие черты китайского естествознания, как внимание к целостности всеобщности и комплексности, к состоянию движения и изменения, к свойствам предмета и его возможностям, вытекающим из его применения, к тенденциям в развитии вещей, познаваемым главным образом по аналогии. Китайская философия уделяла основное внимание не проблеме существования внешнего мира и получению из него человеческих знаний, а пугам его изменений и связанных с ними диалектических процессов, эксплицированных древними мудрецами в символических структурах "Книги перемен". Затрагивая вопрос о цивилизационном взаимодействии Китая и Запада, докладчик подчеркнул, что никакие механические "сочетания" западной и восточной культур не будут позитивными хотя бы по причине уникальности категориального аппарата китайской философии. Подчеркивая, что для усвоения достижений иностранной культуры китайским этносом необходима их глубокая "китаизация", выступающий указал на односторонность былого видения концепции китаизации Мао Цзэдуна как выражения некоего китаецентристского "шовинизма", особо подчеркнув важность связанного с именем Дэн Сяопина соединения китаизации с открытостью, принципиально значимого не только для экономических реформ, но и для современного культурно-цивилизационного развития Китая.

Эта тема была продолжена в докладе В.Ф.Феоктистова, посвященном связи китайской классической философии с современностью. Развивая тему синтеза философий Китая и Запада в контексте идеи единой мировой цивилизации и единой мировой философии, докладчик призвал уделять большее внимание национальной специфике китайской философии, ее традиционалистскому характеру, особому категориальному аппарату. Попытка приведения философий и культур Китая и Запада к некоему единому знаменателю может оказаться ущербной и разрушающей диалогическое многообразие мировой философской мысли. Особого исследования с точки зрения проблемы философского синтеза заслуживает проблема китайской философской методологии - необходимо глубже обосновать высказываемый рядом ученых тезис о существовании совершенно особой китайской философской познавательной методологии. Докладчик призвал следовать принципам историцизма и не пытаться механически описывать идеи китайской философии в рамках западного категориального аппарата, одновременно не забывая о том, что даже самый хороший перевод ведет к существенному для понимания обеднению смысла переводимого материала. Возможность решения этой проблемы видится в бо-

лее широком использовании возможностей транскрибирования китайских философских категорий.

Доклад А.И.Кобзева "Китайская философия и коммуникативный аспект культуры" начался с утверждения о том, что культура, будучи формальным механизмом передачи социальной информации, является своего рода "генотипом" социального организма и не может быть модернизирована. Пластичным и изменчивым в своем наполнении может быть "фенотип" культуры, однако в современных "озападенных" восточных обществах (наподобие Японии) культура продолжает действовать на уровне "генотипа". "Философичность" китайской философии уже давно вызывает сомнение ученых, но к ней привлекает ее художественность и эстетичность философских текстов, повышенная значимость социальных явлений. Среди черт китайской философии докладчик выделил ее практическую (ориентация на ценностно-нормативные установки), антропоцентричность, имманентность (ориентация на материальное, натуралистичность), способность охватить в себе науку и теологию одновременно, иероглифичность. В конце докладчик высказал необычную гипотезу о том, что западная цивилизация XX века ускоренно движется в направлении "китаизации" на информационном уровне. Если в прошлые века западная философия строилась на основе алфавитного информационного обмена, то в наши дни средства СМИ и всепроникающая компьютерная виртуальная реальность создают новый мир, строящийся на чувственном восприятии, на компьютерном принципе накопления информации и плюрализме связей между информационными элементами. Традиционная китайская философия абсолютно адекватна такой форме информационного синтеза и потому ее в полном смысле слова можно назвать философией будущего.

Выступление А.Е.Лукьянова было посвящено проблеме философско-мировоззренческой стилистики западной и восточной древности. На основе предфилософского (мифологического) и философского материала греческой, индийской и китайской культур, докладчик сделал акцент на реставрационном аспекте древней философии, констатируя нарушение цивилизацией естественной эволюции космической жизни и совершаемую ей попытку соединения естественности ритмов природы с искусственностью власти. Философы, ориентированные на прошлое, пытаются теоретически воссоздать естественный космогенез, философы, ориентированные в сторону будущего, также помещают в основу своей космогонии живое физическое первоначало, но наполняют ее социоморфными смыслами для вселенской реабилитации появившейся после распада родового строя цивилизации. Реставрация культур Дао, Ом и Логоса сопряжена с идеей структурированного "Хаос-космоса", эти культуры вырастают на едином космопланетарном архетипе и представляют собой культуру живого космического существа, имеющего в каждой клеточке один и тот же код. Подобный спиральный космопланетарный архетип формирует метод философствования, именуемый методом абсолютной диалектики, абсолютной мифологии и абсолютной философии.

В названии доклада Г.Д.Сухарчука конфуцианство было охарактеризовано как "неограниченное знание". Опираясь на идею К.Ясперса об осевом времени, докладчик охарактеризовал знание, существующее на основе достижений осевого времени и "переживающее и проживающее" его богатства как "ограниченное", тогда как "неограниченное знание" открывает перед человечеством новые перспективы развития и интеграции, возможно до поры следующего осевого периода. Получается, что помимо кардинального творчества осевого времени и инерционного "послеосевого периода" существует третий тип культурного развития - "неограниченный", несущий в себе семена

“бесконечного, неограниченного саморазвития”, примером чему может служить европейская культура после Возрождения. Социально-экономическая оценка азиатских культур, строящаяся на основе конфуцианских ценностей, как “ограниченных” опровергнута успехом в создании “конфуцианского капитализма” на фундаменте непротестанских пониманий смысла труда, рынка, богатства и т.д. Делается вывод о том, что конфуцианские ценности в своем изначальном виде ориентированы на личность в коллективе и содержат предпосылки “неограниченности”, они содержат достаточный набор стимулов к труду и развитию, в дополнение к чему конфуцианство содержит актуальные для глобального развития мира характеристики веротерпимости и экологичности.

Поднимая вопрос о прагматичности китайцев и ее выраженности в философском наследии, Л.С.Переломов обратился к наследию Конфуция, а именно к фразе, открывающей канонический текст конфуциевых “Бесед и рассуждений”. Если большинство западных и китайских комментаторов связывают достижение “радости” с повторением ранее изученного, некоторые исследователи связывают ее с “прагматической” трактовкой иероглифа “си” как “практикования”. Иными словами, изначальный дух фразы Конфуция мог означать не чувство глубокого удовлетворения от многократного повторения уже изученного, а радость от претворения своих знаний на деле в соответствующее время.

Доклад Е.М.Зиновьевой “Экологическая этика и традиционное конфуцианство” был посвящен проблеме необходимости пересмотра морально-метафизических оснований мышления человечества и возможной роли в этой трансформации восточной философии. Указывая на влияние на общественную мысль Запада китайских идей холизма и органицизма, Е.М.Зиновьева подчеркнула, что социально-политические импликации китайского философского мировоззрения создают своеобразный “социальный холизм”, в реальности дающий политической верхушке неограниченную возможность для злоупотреблений. “...если создатели экологической этики ожидают от внедрения традиционных философских воззрений Востока в блок западной культуры одних результатов, то реальные социальные результаты применения этой философии, по мнению китайских исследователей, ведут к деспотизму и прямо противоположны ожиданиям западных ученых”.

В докладе А.А.Крушинского поднималась проблема китайской “коррелятивного мышления”. Истолковывая бинар “инь-ян” при помощи терминологии математики, докладчик сделал вывод о том, что числа, арифметические операции и отношения играли в Китае во многом ту же роль, что и классы (множества) с соответствующими операциями в Европе. Докладчик подчеркнул, что прочтение древнекитайских нумерологических шифров на основе математической логики еще не означает доказательство их полной рациональной постижимости, однако и доля сверхрассудочного в них так же не должна преувеличиваться.

В докладе П.М.Кожина “Этнология философии и китайская цивилизация” речь шла о проблеме единства философского знания. Оценивая западную общественную культуру в ее состоянии после краха попытки построения социализма как “разрушающуюся”, “нестабильную” и “догматическую”, докладчик обратил внимание на основанную на конфуцианских ценностях китайскую модель, обеспечивавшую сочетание управляемости огромной страны с децентрализацией экономической жизни. Делается вывод о необходимости постановки в центр этнологических исследований локальных духовных культур, в том числе и современных. В применении к философским основам культур докладчик обратил внимание на слияние в Китае государственного и религи-

озного начал, что "делает Небо закрытым для свободного исследования", на существующую межцивилизационную разницу в задачах по отношению к своему природному окружению.

Представленный доклад Л.И.Головачевой "Изучение "Лунь юй": школа, творчество, герменевтика" посвящен проблеме понимания и перевода западным исследователем фундаментальнейшего памятника китайской мысли. Автор подробно остановился на проблемах "школьного" постижения текста начинающим исследователем, поиске адекватных форм перевода, интуитивном постижении основополагающего принципа текста (в качестве "принципиального" понимания категории "жэнь" предложено понятие "совесть"). Были затронуты проблемы образования герменевтических кругов при переводе, поиска исторических свидетельств, смысловой иллюстрации и обсуждения "принципа".

Выступление К.И.Гольгиной было посвящено теме определения основных цивилизационных характеристик древнекитайской культуры. Были выделены такие параметры, как наличие национальной концепции времени строящейся на "глобальных блоках" (так, блок "Неба"-тянь длился 4560 лет), выходящих за рамки частной жизни человека; стремление к созданию унифицированных структур и созданию культуры на основе картины единоприродного и единоструктурированного мироздания: зависимость онтологии и видения истории от идеографического письма; самосознание китайской культуры как знаковой. В итоге доклада делается заключение, что "обрядовое время и концепция бытия во времени были той основой, на которой формировались основные концепты и основные изобразительные приемы будущей культуры".

Ряд выступлений был посвящен проблеме истории формирования культурно-философского диалога Китая и Запада. Поднимая вопрос о последствиях встречи двух культур, Л.Н.Борох подчеркнула несопоставимость разнера последствий этого контакта для каждой из сторон - для Китая это была разрушительная ломка старых представлений. Докладчик выделил в качестве наиболее перспективного в сфере культурно-философской компаративистики "научное направление, изучающее на понятийном уровне влияние западных философских и социологических идей". Конкретным материалом для подобного исследования в докладе Л.Н.Борох стала трактовка категории "дэ" у Лян Цичао, сформировавшейся под влиянием европейского либерализма. В ходе предпринятой попытки обновления традиционной этики Лян Цичао создал понятие о "свободе благого сердца" (лян синь чжи цзюю) как о первоисточнике морали (дао дэ). Был сделан вывод о том, что "включение категории европейского либерализма в контекст древнекитайского учения о "благом сердце" представляется достаточно ценным свидетельством из истории реформации конфуцианства на рубеже XIX-XX веков".

В выступлении С.Р.Белюсова был поднят вопрос о поиске китайскими интеллектуалами нашего столетия путей синтеза культур Востока и Запада. Вслед за мыслителями века XIX-го, деятели XX-го столетия должны были дать свой ответ о пропорции китайского и иноземного компонентов в культуре модернизирующейся страны. Докладчик посвятил особое место роли в этом процессе китайской интеллигенции и ее выдающихся представителей, таких как Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь, подчеркивая, что тенденция к синтезу вовсе не является неожиданной, напротив, "здесь сказалась не только социальная позиция, но и выработывавшийся веками практицизм китайского ума, предписывавший утилизировать все, что, как представляется, может служить достижению поставленной цели, коль скоро эта цель велика и насущна".

Чжан Цзюньмай развивал идеи Лян Цичао о том, что политико-экономическая модернизация должна строиться на основе обновления человеческих отношений и реконструкции культуры. В целом в докладе обозначен глубинный порыв "новой" западной интеллигенции Китая к сохранению и обновлению национальных культурных ценностей. С.Р.Белоусов отметил, что Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь "персонифицировали ту форму восточного философского национализма, которая проявляется в попытках найти в древней и средневековой отечественной мысли идеи, аналогичные или тождественные положениям современной западной мысли или даже предвосхитившие их". Делается вывод о неравноправности синтеза, при котором субъектом процесса поглощения остается национальная традиция, дополняемая некоторыми перерабатываемыми методами и идеями из западной мысли.

Вопрос о соотношении взаимодействия философских традиций Китая и Запада поднимался в докладе А.В.Ломанова, посвятившего свое выступление проблеме восприятия идей логического позитивизма в китайской философии 1940-х годов. В этот период китайская философская мысль вступила в "синхронный" диалог с западной философией, примером чему может служить дискуссия по проблеме соотношения метафизики и неопозитивистской методологии, прошедшая в середине 1940-х годов между ориентированным на развитие конфуцианской метафизики Фэн Юланем и учеником основоположника Венского кружка М.Шлика профессором Хун Цянем: Фэн Юлань проявил глубокое знание современной западной мысли, выделив Витгенштейна из основного течения Венского кружка и охарактеризовал его учение как метафизику, излагаемую негативным методом. В целом Фэн Юлань приветствовал неопозитивистскую антиметафизическую критику, подчеркивая, что они разрушают только "плохую науку" (европейскую метафизику), расчищая тем самым путь для всемирной философии будущего, синтезирующей достижения метафизических традиций Китая и Запада. В своих возражениях Хун Цянь исходил из того, критика старой метафизики не уничтожила ее, а лишь показала ее эмоциональную ценность. В связи с этой система "нового учения о принципе-законе" (синь лисюэ) Фэн Юланя бесплодна из-за попытки построить "аналитическую метафизику", формалистичную и лишенную великих эмоциональных проблем старой метафизики. После рассмотрения содержания аргументации обеих сторон, в докладе подчеркивается, что особое место Фэн Юланя в философии постконфуцианства обусловлено тем, что он восходит к антропологической проблематике не по традиционному социально-этическому пути китайской философии, а по заимствованной на Западе и последовательно китаизированной формально-аналитической "лестнице", отбрасываемой, подобно хрестоматийной "лестнице" Витгенштейна, при вступлении в сферу невыразимых тайн человеческого бытия в мире.

В.С.Кузнецов посвятил свое выступление историческим судьбам конфуцианства в Китае нового времени. Введенный гоминьданом в 1927 году культ Сунь Ятсена остался официозной формальностью и в 1934 году Чан Кайши провозгласил возвращение к традиционным конфуцианским добродетелям в рамках "Движения за новую жизнь". Докладчик сделал акцент на рассмотрении конфуцианского компонента политического движения гоминьдана и пришел к выводу о том, что вектор движения за обновление моральных ценностей и консолидацию нации был двупорядковым: против японской агрессии и против коммунистов внутри страны. Суть "Движения за новую жизнь" состояла в восстановлении общенародных добродетелей, изменении привычек людей, преодолении бездуховности, активизации "человеческого фактора" в государственном управлении и образовании. Честность, совесть, добро-

детельность в исполнении своих трудовых обязанностей верхами и низами должны были открыть путь к выходу из нищеты и хаоса. Однако в реальности "Движение" распалось на ряд формальных внешних кампаний и потерпело провал, свидетельством чему служит утрата гоминьданом политической власти на материке. В заключение проводится историческая параллель - подобно тому, как это было в 1920-е годы, политические идеологиемы все более отчуждаются народом и современные правящие круги материкового Китая вновь обращают свои взоры к Конфуцию.

Доклад А.Н.Хохлова был посвящен оценке научного вклада российской православной миссии в Пекине в изучение древнекитайской философии. Научно-филологическая деятельность православных миссионеров заложила основы российского китаеведения, глубокое знание культуры и языка позволяли сотрудникам миссии начать работу по переводам китайской классики. Живший в Пекине в 1743-1756 годах А.Л.Леонтьев перевел книги "Да сюэ" и "Чжун юн" из конфуцианского "Четверокнижия", в начале XIX века свой полный вариант перевода "Четверокнижия" создал великий российский китаевед монах Иакинф (в миру - Н.Бичурин). Другой работой Иакинфа по конфуцианству стало "Описание религии ученых" на основе материалов цинского свода законов "Да Цин хуэй-дянь". Еще один перевод "Четверокнижия" создавался в 1840-е годы архимандритом Даниилом (в миру - Д.Сивиллов), осуществившим в 1850-е годы по возвращении на родину переводы "Шу цзина", "Дао дэ цзина" и других классических философских текстов. Докладчик заключил, что "способствуя распространению в русских аристократических кругах и особенно среди интеллигенции более правильных (чем на Западе) конкретных представлений о духовной жизни китайского народа, об особом месте традиционной китайской культуры в истории мировой цивилизации, переводы и оригинальные труды российских востоковедов, в большинстве своем получивших специальное филологическое образование в стенах Российской православной миссии в Пекине, оказали заметное влияние на формирование и характер некоторых сторон общественной мысли тогдашней России".

В.Г.Буров посвятил свой доклад рассмотрению места Ван Фучжи в истории китайской философии, учение которого охарактеризовано как высший этап в развитии китайской средневековой философии и мост между идеями исканиями древнего и нового времени. В числе важнейших мировоззренческих установок Ван Фучжи выделяется признание идеи развития в истории и детерминированности общественного развития. Ван Фучжи рассматривал общественные установления каждой эпохи как целостную систему; он подчеркивал, что каждая последующая эпоха должна быть прогрессивнее предыдущей и был противником идеи "восстановления древности".

Выступавшие на конференции уделяли внимание не только конфуцианской традиции в китайской мысли, но и духовному влиянию буддизма. В докладе С.А.Горбуновой "Посвящение как выражение буддийского мировоззрения в культово-обрядной форме" рассмотрены исторические и сущностные аспекты важнейшего элемента буддистской сангхи - посвящения, связанного с возникновением и распространением монашеских общин. А.Н.Желоховцев осветил в своем докладе тему присутствия идей буддизма в современной китайской литературе, связывая процесс возрождения интереса современных писателей к буддизму с общим процессом позитивного пересмотра отношения к традиционным ценностям в современном Китае. Современные китайские авторы отмечают два пути влияния буддизма на современную китайскую литературу - через наследие реформаторов XIX - начала XX веков, использовавших буддистские понятия для китаизации западных идей и через увлечение

современных писателей позднеминской литературой. Подчеркнуто, что увлечения буддизмом китайских писателей начиная с древних времен всегда усиливались вслед за умножением переживаемых страной трудностей и ростом чувства пессимизма. Буддизм привлекал внимание "модернизаторов" китайской культуры по ряду причин, к которым можно отнести тот факт, что древнейшими образцами литературы на байхуа были буддийские диалоги (юй лу), как и общее осознание того, что успех в Китае "иноземного" учения Шакьямуни может быть истолкован как исторический аналог и обоснование их собственной деятельности в области культурного синтеза и даже как обещание ее успешности. Современных китайских писателей мало интересует нынешнее состояние пришедшей в упадок буддийской религии, среди них мало верующих, однако влияние буддизма и интерес к его первоначальным идеям испытывали и испытывают многие литературные деятели.

Ряд докладов был посвящен проблемам, стоящим на стыке культурно-философской и общеисторической проблематики. В докладе А.С.Мугрузина "Китайская философия как зеркало основных тенденций истории Китая" высказывается мысль, что "социальным заказом" древнекитайским мудрецам было построение мощного централизованного государства. В таком случае постановка в китайской традиции на первое место конфуцианства неверна, ибо школа легистов внесла больший вклад в разработку идеи абсолютной власти деспотии; задача построения единого государства не могла быть решена на принципах конфуцианства. Проблему решило ханьское конфуцианство, когда основой деспотии остался легизм, но опорой ее стало не голое насилие, а тщательно разработанная конфуцианская система межличностных отношений. Касаясь идеи китайского традиционного (средневекового, "феодалного") социализма, докладчик указал, что через конфуцианство в китайскую классическую философию было привнесено духовное сознание родоплеменного и первобытнообщинного строя, идеи патернализма и уравнительности. Докладчик заключил, что каноны древнекитайской философии, "являются наиболее ярким свидетельством, показывающим условия становления китайской цивилизации и генезиса государственности".

Доклад М.А.Аслановой был посвящен теме традиционных и современных воззрений на институт баоцзя в Китае. Принцип коллективной ответственности баоцзя является не просто организационной формой социальной жизни, он воплощает в себе традиционные ценностные установки; исследование этого института помогает понять "сущность китайской деспотии, причины внутренней устойчивости бюрократического механизма власти, роль государства в жизни китайского общества и истории страны".

Анализируя в своем докладе теоретические аспекты осовременивания азиатского способа производства, И.Н.Наумов остановился на ряде социальных, экономических и демографических предпосылок современного кризиса восточноазиатской цивилизации; были намечены основные направления его обновления.

В ходе работы конференции были решены некоторые организационные проблемы, что может помочь более успешному проведению в будущем семинаров, конференций и совместных исследований в области китайской философии. Для помощи в проведении специализированной научно-организационной работы в области изучения китайской философии была создана секция китайской философии Ассоциации китаеведов РАН. На организационном собрании были избраны председатель - д.филос.н., проф. М.Л.Титаренко, заместитель председателя - к.филос.н. В.Ф.Феоктистов, уче-

ный секретарь - к.филос.н. А.В.Ломанов; было избрано бюро секции в составе семи человек.

Во время конференции было оглашено письмо председателя исполкома Международного общества китайской философии (ISCP) Тан Лицюаня с официальным уведомлением о поручении М.Л.Титаренко исполнения функций регионального представителем МОКФ в России. Общество было создано в 1975 году на Гавайях в США и является крупной и авторитетной научной организацией, объединяющей исследователей китайской философии практически из всех уголков земного шара. В соответствии с уставом МОКФ было принято решение о создании российского отделения общества, открытого для вступления для всех ученых, заинтересованных в членстве в МОКФ и сотрудничестве с обществом. Заместителем руководителя российской секции МОКФ был избран к.филос.н. В.Ф.Феоктистов, ученым секретарем - к.филос.н. А.В.Ломанов.

В ходе конференции произошло организационное оформление российской секции Международной конфуцианской ассоциации, ее председателем был избран д.и.н. Л.С.Переломов, его заместителем - д.филос.н., проф. А.Е.Лукьянов, ученым секретарем - к.и.н. А.А.Маслов.

Конференция прошла результативно и ее участники высказались за то, чтобы возможность специализированного обсуждения проблем китайской философии стала регулярной. Организаторы конференции рады уведомить заинтересованных коллег о том, что конференцию "Китайская философия и современная цивилизация" планируется проводить ежегодно в мае месяце под эгидой Института Дальнего Востока РАН, секции китайской философии АКИТ РАН и российского филиала МОКФ.

© 1995

А. Ломанов

Тезисы докладов на очередную конференцию "Китайская философия и современная цивилизация", проведение которой планируется в мае 1996 года в Москве в ИДВ РАН, просим присылать до 1 марта 1996 года. Объем тезисов - до шести машинописных страниц.

Адрес: Россия, Москва, 117218 улица Красикова 27, ИДВ РАН, к. 705
(с пометкой "Китайская философия 96" - Оргкомитет).

Рецензии

Сибирский купец А.Д.Васенев. Часть первая. Дневники. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. - 1994. - 191 с. Часть вторая. Документы и письма. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. - 1994. - 112 с.

Предлагаемое читателю издание дневников, писем и документов известного сибирского предпринимателя, исследователя Монголии и Китая А.Д.Васенева является своеобразной и оригинальной работой по истории внешнеэкономических связей России со странами Востока. Состоящая, фактически, из трех частей - вводного исследовательского раздела А.В.Старцева (ч. 1, с. 5-38), дневников А.Д.Васенева (ч. 1, с. 39-191) и его обширной переписки и публицистики (ч. 2), - книга представляет собой органичное целое - научный анализ проблем русско-монгольских торговых отношений в середине XIX - начале XX вв. Отечественная монголистика знает только одну подобную работу, посвященную деятельности русского купца А.В.Бурдукова в Монголии, с введением и комментариями Е.М.Даревской¹. Уникальность таких изданий состоит в том, что они передают неповторимый колорит эпохи, несут в себе мощный личностный заряд людей того времени.

Интенсивный процесс экономического проникновения российского торгово-промышленного капитала в восточные регионы предполагал создание своеобразных экономических "зон" влияния России на тех или иных участках дальневосточной и среднеазиатской границ. Причем, подобные "зоны", как правило, не совпадали с демаркационной линией, а опережали официальные границы, являясь своеобразным экономическим форпостом в становлении евразийского пространства в XVIII-XIX вв.

Ко второй половине XIX в. экономическая "граница" России на китайском участке сформировалась по условной линии Северная Маньчжурия - Халха - Западная Монголия - Синьцзян, в сущности, не изменившись по-

сле русско-японской войны, что исключило проникновение России в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Алтайско-монгольский регион занимал одно из ключевых мест в этой "границе", не уступая известному Кяхтинскому торговому пути, а после открытия Сибирской железной дороги и успешно конкурируя с ним.

Большой интерес вызывают документы и материалы торговой экспедиции (1886-1889) через Западную монголию в китайский город Ланьчжоу, снаряженной российским промышленником Т.С.Морозовым (ч. 1, с. 17-24; ч. 2, с. 20-29). Сам факт организации подобной экспедиции, руководить которой было предложено А.Д.Васеневу, говорил о серьезной экономической заинтересованности крупного российского капитала в китайском рынке, чему способствовал ряд политических шагов Российской правительства (подписание С.-Петербургского русско-китайского договора 1881 г. и др.), общая нормализация отношений между Россией и Китаем. Как свидетельствуют документы, реализация подобного проекта была сложным и рискованным предприятием. Последнее определялось не только анти-русскими настроениями китайских чиновников, создававших препятствия в работе экспедиции, но и чисто экономическими обстоятельствами: огромными накладными расходами по доставке товаров из Москвы в Китай, делавшими русский товар более дорогим, чем китайский и иностранный (ч. 1, с. 20).

Центральной темой предлагаемых документов и материалов является торговая и научная деятельность А.Д.Васенева в Монголии. Русско-монгольская торговля при внешней ее незамысловатости (русские товары в обмен на монгольское сырье), тем не менее была сложным и

трудоемким делом. Фактор риска был связан с сухопутным характером торговли, идущей в основном по Кяхтинскому (колесному) и Чуйскому (вьючному, караванному) трактам. Последний в XIX в. был особенно тяжелым для сибирских купцов, учитывая длительность и сложность переходов на пограничных участках. Характерным был переход, совершенный А.Д.Васеневым в 1882 г. с торговым караваном по маршруту: Бийск - Кобдо - Чутучак через перевал Урмогайты и показавший смертельную опасность подобных путешествий (ч. 1, с. 14,45).

Не менее сложными были и экономические препятствия в лице китайских предпринимателей, полностью освоивших к концу XIX в. монгольский рынок и бесперебойно доставлявших туда дешевые иностранные товары в обмен на монгольское сырье.

Важнейшим документом в работе является доклад А.Д.Васенева "Русские задачи в Монголии", сделанный им в 1911 г. в Российской экспортной палате (ч. 2, с. 13-19). Там он изложил не только опыт и перспективы российской торговли, но и дал анализ экономической и политической ситуации, в связи с отделением Внешней Монголии от Китая. Подобная постановка вопроса была не случайна. Провозглашение независимости Внешней Монголии в декабре 1911 г. делало реальным не просто значительное увеличение оборотов русской торговли, но и полную хозяйственную интеграцию южносибирских регионов с северо-западными частями Монголии, вытеснение оттуда китайских конкурентов. В течение 1911-1913 гг. годовые обороты русско-монгольской торговли с 9 млн. рублей увеличились до 19 млн., а выгон скота составил в среднем 339 тыс. голов в год. Монгольская программа министра финансов В.Н.Кокорцева и министра иностранных дел С.Д.Сазонова, специально разработанная в связи с монгольскими событиями, предусматривала создание там

крупных промышленных предприятий (их прототипом было созданное в конце XIX в. российское акционерное общество по добыче золота "Монголор"). Кроме того, предполагалось образование торгово-промышленного банка, развитие сети дорог, школ, больниц, расширение экспорта в Монголию с помощью западных фирм через посредничество России.

В годовом отчете Российской экспортной палаты за 1913 г. отмечалось, что важнейшие русские интересы в области внешней торговли с Дальним Востоком сосредоточены преимущественно в Китае и на его окраинах - общий товарооборот - 108 млн. рублей, из них в Маньчжурии - 37 млн. рублей, в автономной Монголии - 19 млн. рублей; в Японии - 7 млн. рублей и Корее - 500 тыс. рублей². К сожалению, наиболее продуктивный период во взаимоотношениях России и Монголии 1911-1915 гг. не представлен так подробно в документах и материалах, как предыдущие годы, что было связано со снижением деловой и общественной активности А.Д.Васенева, здоровье которого в 1914 г. резко ухудшилось (ч. 1, с. 36-37).

Интересен и познавателен вводный раздел А.В.Старцева, в котором он детально, год за годом, проследил весь жизненный путь А.Д.Васенева, дал анализ и оценку его основных экспедиций на фоне общей российско-монгольской и российско-китайской торговли в конце XIX - начале XX вв. Особо ценным является освещение А.В.Старцевым широких научных связей А.Д.Васенева с видными учеными-монголоведами и общественными деятелями того времени, такими как А.М.Позднеев, Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев, Д.А.Клеменц, М.В.Певцов и др. (ч. 1, с. 25-28).

Книга несомненно привлечет внимание не только специалистов-востоковедов, но и широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории отечественного предпринимательства на Востоке, представленного деятельностью таких личностей, как Алексей Данилович Васенев.

1. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. - М., 1969.
2. Российская экспортная палата. Отчет о деятельности восточного отдела за 1913 г. - Спб., 1914. - С. 62.

Поздравляем юбиляра!

22 сентября с.г. научная общественность отметила 80-летие ведущего научного сотрудника ИДВ РАН, доктора исторических наук Маркова Андрея Порфирьевича. Марков А.П. работает в Институте Дальнего Востока 27 лет. За эти годы он опубликовал более 70-ти научных работ, посвященных исследованию проблем советско (российско)-японских отношений, места и роли Китая во внешней политике Японии, проблем обеспечения безопасности в АТР. Марков А.П. является участником международных научных конференций и симпозиумов. Ряд его работ опубликован в Японии, Польше, Чехословакии и в других странах. В 1994 г. вышла монография: "Россия-Япония (В поисках согласия)", в 1995 г. - книга: "Как это было (Воспоминания сибиряка)".

Редакция "ПДВ" поздравляет Андрея Порфирьевича с 80-летним юбилеем и желает ему доброго здоровья и новых успехов в научной и журналистской деятельности.

А.П.Марков. Как это было (Воспоминания сибиряка). - Москва. - 1995. - 238 с.

Книга известного ученого-востоковеда, исследователя послевоенной политики Японии, доктора исторических наук Андрея Порфирьевича Маркова несомненно привлечет внимание как специалистов, так и широкого читателя. Это увлекательный и честный рассказ-исповедь умного и много видевшего человека "о времени и о себе", о важных и трагических событиях в истории нашей страны за последние 70 лет - "от Ленина и Сталина - до Горбачева и Ельцина".

Около четверти века тому назад, уже в зрелом возрасте, А.П.Марков обратился к научной деятельности, когда осенью 1968 года начал работать старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока АН СССР. Предметом его исследования стали вопросы внутренней и внешней политики Японии. К этому времени он уже обладал большим и разносторонним жизненным и большим профессиональным японоведческим опытом, что определило круг его научных интересов.

Изучением Японии А.П.Марков начал заниматься в далеком военном 1943 году в Высшей дипломатической школе. Знания страны и ее языка постепенно накапливались на последующей практической работе с 1946 года в аппарате министерства иностранных дел, в 1950-1952 гг. в составе советского представительства в Токио, о чем с

интересом читается на страницах воспоминаний. Некоторый отход от проблем Японии в дальнейшем - в период работы в секретариате А.А.Громыко в 1952-1956 гг., а затем в советском посольстве в Пакистане не ослабил долговременного серьезного интереса А.П.Маркова к стране Восходящего солнца. В силу ряда независимых от него обстоятельств в начале 60-х годов, став "невъездным", Андрей Порфирьевич приходит в японскую редакцию Агентства печати "Новости". В своей книге он на конкретных примерах показывает как успехи, так и недостатки, подчас фальшь системы информационно-публицистической деятельности средств массовой информации нашего государства тех лет.

К моменту перехода осенью 1968 года из АПН в Институт Дальнего Востока А.П.Марков уже проявил себя в качестве исследователя. На английском языке вышел его книга "Союз против мира в Азии", в которой анализировались цели и деятельность военно-политического союза Японии и США. В 1968 г. была успешно защищена кандидатская диссертация на тему: "Политика перевооружения Японии после второй мировой войны (1945-1967 гг.)". Позднее, в 1970 г., на ее основе была издана книга "Япония: курс на вооружение", получившая высокую оценку специалистов. Умение эффективно и от-

ветственно трудиться, прилежание обусловили весьма плодотворные результаты работы А.П.Маркова как ученого. Была запрещена докторская диссертация, подготовлены около пятнадцати монографических работ (авторских и в соавторстве), многочисленные научные статьи по вопросам военной политики Японии, обеспечения безопасности нашей страны на Дальнем Востоке. О годах работы в стенах ИДВ Андрей Порфирьевич говорит в своей книге с добрым чувством, высказывая одновременно свои суждения относительно недостатков в организации научной деятельности в Академии вообще и в институте в частности.

Для воспоминаний характерна злободневная публицистичность. Автор несколько не страдает профессиональной отстраненностью от сегодняшней действительности, он ведет озабоченный разговор об истоках нашего трагического прошлого, размышляет над фактами нынешнего неблагополучия в отечестве. С болью пишет он о разрушительных процессах, происходящих в духовной и материальной культуре, в окружающей среде Сибири. Автор любит свою "малую родину". Однако любовь эта никогда не сводилась к сантиментам. Она активна. Еще в глухие, застойные, годы А.П.Марков выступил с критикой варварской бесхозяйственности в эксплуатации природных богатств Края, опубликовав об этом статьи в прессе и направив в начале 80-х гг. письма высшим руководителям страны, что вновь сделало его "невыездным". Нельзя не согласиться с автором о необходимости выработки новой, рассчитанной на длительный период энергичной политики Центра в отношении Сибири. Он не скрывает больших трудностей на пути решения этой задачи после многих лет бездумного хозяйничанья командно-административной системы, рассматривавшей Сибирь в качестве колонии. К сожалению, хозяйственная деятельность теперь - в условиях свободного рынка, отмечает автор, - нередко принимает формы самой бессовестной спекуляции и наживы за счет ограбления других. Заслуживают внимания и предупреждения его об опасности сепаратистских тенденций в некоторых регионах Сибири.

Важным достоинством книги А.П.Маркова является то, что ему удался тяжкий

труд переосмысления нашей послеоктябрьской истории. И помог ему в этом его громадный жизненный опыт. Трудностями и лишениями отмечены были детские и молодые годы А.П.Маркова. В страстной стремлении крестьянского сына из сибирского селения Марково к знаниям довелось испытать и унижения, и голод, и холод. Чтение книг при лучине, учеба в школе в отрыве от родителей, недтехникум, государственный педагогический институт в Иркутске, Высшая дипломатическая школа в Москве - таков путь автора книги к знаниям, в науку. Он - из тех, кто "сделал себя сам", но помогли и добрые люди, им посвящены слова признательности на многих страницах книги.

Но было и другое. Уже в первый год самостоятельной жизни он стал жертвой человеческой подлости, был без всякого основания обвинен в троцкизме, изгнан с работы в школе и из комсомола. Этим эпизодом подобный опыт А.П.Маркова исчерпан не был. В конце 50-х гг. он попал в жертва хорошо отлаженного механизма преследования неугодных, после долгих лет работы на дипломатическом поприще был уволен из МИД "по сокращению штатов".

В конечном итоге, в течение одной жизни, хотя и продолжительной - в год выхода книги воспоминаний ее автор встречает свое 80-летие, сохраняя высокую творческую активность - он сумел себя реализовать в целом ряде интересных ипостасей: учителя, работника контрразведки, дипломата, журналиста, ученого. Для успешного занятия наукой предшествующий опыт отнюдь не был потерей времени. Вслед за автором и применительно к нему также уместно напомнить слова Вольтера: "Для глупца старость - бремя, для невежды - зима, а для человека науки - золотая жатва."

В заключение хотелось бы подчеркнуть: хотя в книге А.П.Маркова немало говорится о печальном для всех нас, она тем не менее проникнута оптимизмом, а критика по своему характеру конструктивна, продиктована глубоко патриотическими побуждениями. Автора следует поздравить с творческой удачей на новой для него писательской ниве, пожелать дальнейших успехов. Несомненно, ему есть что еще сказать читателям.

Краткий словарь современных понятий и терминов. Под ред. и с предисл. доц. В.А.Макаренко. М.: Республика, 1993; 1995, 510 с.

Слова из иностранных языков попадают в русский, переходят из одной страны в другую не сами по себе, а с вещами, людьми идеями и понятиями, отражая различные периоды отношений между странами и народами, их интенсивность и тенденции. В литературный русский язык, однако, попадает лишь часть из них, наиболее употребительная и известная. Так, из зарубежных азиатских реалий в него в наибольшей степени проникли индийские: в орфографических словарях русского языка издавна встречаются "йог", "нирвана", "раджа", в энциклопедических словарях и энциклопедиях их больше - "амрита", "арии", "архат", "будхисатва", "бхакти", "йога", "махаяна", "пандит", "сансара", "хинаяна", "такти" и др.

Восточноазиатские слова-реалии в общелитературных и общезыковых словарях и справочниках представлены пока меньше, хотя давно широко употребляются в специальных изданиях по Китаю, Корею, Монголии, Японии. Например, можно отметить такие, как китайское "даосизм" (от "дао"), монгольское "аймак", "далай-лама", японские "гейша", "кабуки", "икэбана" ("икебана"), "микадо", "хокку" ("кайку"), вошедшие в состав "Советского энциклопедического словаря" (1979, 1989). Вместе с тем во многих универсальных справочных изданиях России нет слов "гэта", "бонсай", "дзэн", "коаны", "ноэке", даже "камикадзе" и "цунами", ныне широко представленных не только в востоковедной, но и в общедоступной литературе на русском языке. Нет в этих изданиях и корейского "чучхе" ("чучхэ") с соответствующим толкованием для массового читателя.

В последние два-три десятилетия интерес российского читателя к Японии, ее языку, литературе, культуре, научно-техническим достижениям, а также к знаменитому теперь экономическому "японскому чуду" неизмеримо вырос и породил значительное количество общественно-политической религиозно-философской, научно-популярной, спортивной и иной литературы общего характера, не всегда высокого качества, поскольку в числе авторов ныне часто выступают и не японисты. Поэтому толкование многих японизмов в этой литературе далеко не всегда отвечает современному уровню и реальному их значению в японском языке. Эти лакуны в справочной и общелингвистиче-

ской литературе удачно во многом заполняет рецензируемый "Словарь современных понятий и терминов", включающий указанные пропуски, в том числе и наименования традиционных японских спортивных единоборств, ставших ныне весьма популярными в нашей стране, таких как "джиу-джитсу", "дзюдо", и менее известные - "кандо" ("кендо"), "кюдо", "сумо" и др. Конечно, в указанном кратком словаре отражены пока не все из широко бытующих в русском языке восточноазиатских слов. Так, в нем нет слова "бонза" (от яп. бодзу - "священник") - буддийский монах в азиатских странах, получившего в ряде европейских языков (в том числе в русском через французский) переносное значение "надменный, чванливый, высокопоставленный чиновник, должностное лицо". Однако по сравнению с другими справочно-энциклопедическими изданиями этот словарь отличается наибольшей полнотой представления и наиболее верными, хотя и популярными, дефинициями восточноазиатских реалий современного русского языка.

Представляемый здесь словарь составлен из наиболее часто встречающихся в современной СМИ, общественно-политической литературе исконно русских и инозаимствованные слов, вызывающих те или иные затруднения их произношения, написания и толкования, также в необходимых случаях - в происхождении или определении проникновения в русский язык. Он соединяет, таким образом, в едином издании черты орфографического, орфоэпического, толкового, этимологического, терминологического, а также энциклопедического словарей для относительно небольшого количества (ок. 5000) наиболее употребительных слов. Выдержавший в короткое время два издания общим тиражом около 100 тысяч экз, словарь вполне доказал свою необходимость и ценность как новый, оригинальный тип словарно-справочного издания, весьма полезный для очень широкого круга читателей - от школьника до академика, а также для иностранцев, знающих или изучающих современный русский язык. Нет сомнения, что уже сегодня требуется его новое, расширенное, дополненное и исправленное издание, чтобы этот краткий словарь в еще большей степени отвечал требованиям времени.

Рудольф Всеволодович Вяткин (1910-1995)

10 сентября 1995 г. ушел из жизни Рудольф Всеволодович Вяткин - видный ученый, почетный доктор исторических наук, профессор, один из ветеранов отечественного китаеведения.

Рудольф Всеволодович в 1939 г. окончил Дальневосточный Государственный Университет (Владивосток). С того времени он на преподавательской работе. Будучи мобилизованным в армию во время Великой Отечественной войны, Р.В.Вяткин готовил кадры военных переводчиков, в частности, для Тихоокеанского флота. С конца 40-х и до середины 50-х годов Р.В.Вяткин преподавал китайский язык и читал курсы по истории Китая в Институте востоковедения. Его школу прошли многие видные российские китаеведы.

В 1956 г. Р.В.Вяткин начинает работать научным сотрудником Института востоковедения Академии Наук СССР, из которого скоро был выделен Институт китаеведения. Здесь он проявляет свои способности организатора науки, являясь заместителем директора института и заведующим Сектором публикации памятников. После слияния ИК АН СССР с Институтом востоковедения в 1961 г. Рудольф Всеволодович долгое время возглавлял Отдел Китая ИВ АН СССР и Сектор древней и средневековой истории этого отдела.

Более 25 лет упорного труда Р.В.Вяткин посвятил первому полному научному переводу на русский язык капитального сочинения "отца китайской истории" - Сыма Цяня "Исторические записки". Результатом этой работы явился выход в свет шести томов этой исторической эпопеи, подготовка к печати седьмого тома, завершение работы над восьмым. Смерть оборвала эту работу на завершающем этапе.

Значение проделанного Р.В.Вяткиным труда трудно переоценить. Научный перевод и комментарии требовали тонкого знания старокитайского языка, истории той эпохи, широкой эрудиции, изучения огромного объема литературы. Эта работа принесла заслуженную известность Р.В.Вяткину среди китаистов и востоковедов в нашей стране и за рубежом.

Другим важным направлением его работы была китайская историография в древности и средние века. Несколько публикаций Рудольфа Всеволодовича посвящены известному сочинению по теории историописания китайского автора танского времени Лю Чжи-цзи "Проникновение в историю". Интересовали его и историографические проблемы в целом.

Будучи широко образованным китаеведом, Р.В.Вяткин всегда со вниманием следил за развитием ситуации в современном Китае. Он многократно выезжал за рубеж, представляя отечественную школу китаеведов на международных научных форумах, поддерживая профессиональные контакты со многими китайскими, американскими и европейскими учеными. В личном плане его отличали честность и принципиальность, заинтересованное отношение к своему делу.

Светлая память о Рудольфе Всеволодовиче Вяткине навсегда сохранится в наших сердцах и в истории отечественного китаеведения.

Министерство связи РФ
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на журнал
Проблемы Дальнего

70758

(индекс издания)

Востока

количество комплектов:

на 1995 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

КУДА

(почтовый индекс)

(адрес)

КОМУ

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

70758

(индекс издания)

ПВ

место

ти-
тор

Проблемы Дальнего Востока

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

___ руб. ___ коп.
___ руб. ___ коп.

Количество
комплектов

на 1995 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

КУДА

(почтовый индекс)

(адрес)

КОМУ

(фамилия, инициалы)

Продолжается подписка на наш журнал на 1-е полугодие 1996 года. Вы можете оформить ее в любом отделении связи. Стоимость подписки на 1-е полугодие без учета расходов на доставку 22 800 руб. Цена одного номера - 7 600 руб. Индекс 70758.

Вы также можете подписаться и получать "ПДВ" прямо в редакции по льготной цене. Стоимость полугодовой подписки журнала на русском языке - 16 800 руб., цена одного номера - 5 600 руб.

Стоимость полугодовой подписки журнала на английском языке - 31 200 руб. Цена одного номера - 10 400 руб. Индекс 70761.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемента выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 20.07.95 г. Подписано к печати 15.09.95 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,6 тыс. Уч.-изд. л. 15,3 Бум. л. 5,0
Тираж 1251 экз. Зак. 3271.

Оригинал-макет © 1995 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.

КИТАЙ. КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МИР.

История, современность, перспективы, ч. I, 216 стр.,
Ч. II, 164 стр., Москва, 1995

Вышел в свет сборник докладов и сообщений участников V Международной научной конференции, которая состоялась 12-14 октября 1994 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН.

Главное внимание на конференции было уделено теме: "Китайская традиционная культура и проблемы модернизации". Сборник включает материалы по следующим вопросам:

1. Экономика Китая. Традиции и национальная специфика в процессе модернизации.
2. Конфуцианская цивилизация, китайская культура: история и современность.
3. Идеология, внутренняя политика, история Китая.
4. Проблемы внешней политики Китая.

По вопросам приобретения сборника обращайтесь по адресу: 117218, Москва, ул. Красикова, 27, Институт Дальнего Востока РАН.

Контактные телефоны: (095) 124.0129, 124 0426